

Елена
МИХАЙЛОВА
*Настоящий
Детский*

*Восемь бусин
на тонкой ниточке*

Annotation

В загородном доме вдовы собралась необычная компания. Каждый надеется получить деньги выжившей из ума старухи. Семь человек столкнутся между собой в отчаянной схватке за наследство. Один из них притворяется не тем, кто он на самом деле. Второй хочет сбежать, но не может. А третий готовит убийство. Маша Успенская, попавшая в клубок интриг, подозревает, что у этого спектакля есть кукловод. Он перебирает их жизни, точно играет бусинками. Сможет ли она узнать его до того, как опустится занавес?

•

Annotation

В загородном доме вдовы собралась необычная компания. Каждый надеется получить деньги выжившей из ума старухи. Семь человек столкнутся между собой в отчаянной схватке за наследство. Один из них притворяется не тем, кто он на самом деле. Второй хочет сбежать, но не может. А третий готовит убийство. Маша Успенская, попавшая в клубок интриг, подозревает, что у этого спектакля есть кукловод. Он перебирает их жизни, точно играет бусинками.

Сможет ли она узнать его до того, как опустится занавес?

Елена Михалкова

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Эпилог

Елена Михалкова

Восемь бусин на тонкой ниточке

Глава 1

Гости собирались.

Машины одна за другой выезжали из леса, подскакивая и перекачываясь на ухабах проселочной дороги. Чаща неохотно выпускала их: то провезет по крылу корявым сучком, то подбросит на дорогу у самой опушки тяжелую отломившуюся ветку. А переберешься через ветку – разразится вслед издевательским смехом откуда-то с верхушек деревьев: мол, зря проехал, пожалеешь, лучше бы вернулся назад! Уо-хо-хо-хо!

Маша видела, как «лексус» впереди легко перевалил через поваленное деревце. Что ему то деревце! И не заметил, наверное. А она на своей машинке-малютке из тех, что в народе именуют пузотерками, цепляет брюхом на этой глухой лесной дороге каждую шишку.

Маша выбралась из «мазды» и, пыхтя, принялась оттащить корягу в сторону, провожая взглядом машину. «Интересно, кто это из родственников?» Он, конечно, видел, что она остановилась, но и не подумал помочь. Успенская вслух обругала водителя «лексуса» нехорошим словом, и лес снова отозвался глумливым уханьем.

Кто же здесь хохочет так страшно? Маша огляделась. Может быть, филин? Но филины, кажется, ухают только по ночам, а сейчас ясный день. Солнце купается в сочной июньской листве берез, поглаживает лохматые ветки елей, скользит, как белка, вверх-вниз по сосновым стволам... Кстати, о стволах... Что это мелькает за сосной?

Маша прищурилась, вглядываясь в глубину леса. Но кто бы ни прятался за деревом, больше он не показывался. А идти в чащу, чтобы удовлетворить свое любопытство, Маша не собиралась.

Она вернулась к машине, достала из багажника перчатки и направилась к упавшему деревцу, ощущая спиной чей-то взгляд из густых ветвей.

«Смотрите, смотрите. Думаете, я сбегу из-за какой-то преграды на дороге? Струшу? Нет. Во всяком случае, не сейчас».

Маша рывком подняла ствол, охнув от его тяжести, и оттащила в сторону. Бросила на траву, и под ногами гулко отозвалась земля. А через секунду на голову Маше откуда-то сверху свалился кусок сухой коры.

Она ожидала, что лес опять расхохочется над ней, но вокруг стояла

настороженная тишина.

– Вот так, – удовлетворенно сказала Маша Успенская неизвестно кому. И стряхнула с макушки сосновую шелуху.

«Лексус» она нагнала на выезде из леса. Наголо бритый водитель, ругаясь, волочил ствол раза в четыре толще того, через который не смогла перебраться Маша.

Глядя, как он мучается, Успенская испытала приступ доброжелательности к этому лесу. В другое время она обязательно вышла бы, чтобы помочь, но только не после того, как ее оставили одну посреди дороги разбираться с упавшей сосенкой.

Освободив проезд, бритый сел в свой джип и рванул с места, не бросив на Машу и взгляда, словно ее не было. А Успенская, глядя вслед, уже второй раз подумала, что поездка может оказаться куда менее приятной, чем ей представлялось.

Марфа Степановна стояла на крыльце, словно капитан на мостике, приставив руку козырьком к глазам, и смотрела туда, где зеленое море луга билось о скалы синего леса. Ветер свирепствовал над травами, гнул их, трепал что было силы, но возле леса стихал, запутавшись в сетях еловых ветвей.

Розовые всплески цветов на самом краю поля напомнили Марфе Степановне, что она не засушила ни иван-чая, ни мяты. Олейникова порылась в карманах пестрого фартука и достала маленький блокнотик размером с половину ладони. Из-за уха вытащила замусоленный огрызок карандаша. И микроскопическими, очень четкими буквами вывела: *мята, иван-чай, лист. смор.* Марфа Степановна очень уважала листья смородины в заварке.

Она перевернула страничку, прищурилась, изучая те дела, до которых руки пока не дошли. Что здесь у нее?

Крыш. сар. Ага, крышу сарая работники не перекрыли. Ничего, успеется, там только один угол.

Шершни. Завелись в старой бане, что стоит у самого леса, и гудят там, не смолкая. Войти страшно. Можно, конечно, дождаться холодов и уж тогда извести эту напасть, но, неровен час, кто сунется в баню – покусают.

Вет-нар. На прошлой неделе был ветеринар, осмотрел Зорьку. Можно галочку ставить.

Убийство. А вот здесь галочку ставить рано. Ничего-то еще не сделано...

Старуха насупилась и взглянула на подъезжающие к дому машины.

Первым идет огромный, как пароход, черный джип, переваливается на ухабах.

Не иначе, Борис. За ним, подсакивая, бодро чешет по полю красненькая машина, яркая, как мак. А вдалеке за ней осторожно выбирается из леса что-то серое, с крыльца и не разобрать, что...

Марфа Степановна сунула карандашик за ухо, закрыла блокнот. Пошуршала в фартуке, отыскала потайной кармашек, в который и спрятала записную книжку. Не дай бог, попадет в чужие руки.

Первый гость уже подъехал к воротам, и собачонка Тявка выкатилась звонким мячиком под колеса, оправдывая свою кличку.

– Пошла вон! – заорали из машины.

Марфа Степановна ухмыльнулась: точно, Борис.

Что ж, пора встречать гостей.

Она неторопливо спустилась с крыльца и пошла навстречу племяннику.

– Здравствуй, Боренька! Тявка, цыц!

От звучного окрика хозяйки собачонка немедленно убралась в сторону и легла, стуча хвостом по земле. Борис вышел из машины, да так и остался стоять на месте, обводя взглядом дом и хозяйство.

«Смотри, голубчик, смотри», – усмехнулась Марфа Степановна.

– Что, давно не был в наших краях? – вслух спросила она. – У меня здесь все малость поменялось за это время.

Борис, хоть и был ошеломлен увиденным, все же отметил эту «малость». Марфа прежде никогда так не говорила.

– Малость, да, – машинально ответил он и спохватился: сначала надо с тетушкой поздороваться, как подобает, а все остальное – потом.

Борис широко улыбнулся и раскрыл объятия:

– Ну, здравствуйте, Марфа Степановна! Рад вас видеть. Соскучился – до ужаса!

Олейникова стояла в нескольких шагах от него, но не спешила падать в объятия племянника. Пришлось Борису самому идти к ней через двор с разведенными руками. Неловко вышло. И паршивая собачонка залилась насмешливым лаем и гавкала до тех пор, пока старуха не зыркнула на нее исподлобья. Взгляда хватило: пустолайка поджала хвост и убралась в конуру.

А Марфа Степановна со спокойным достоинством подождала, пока племянник подойдет, и разрешила обнять себя и поцеловать в сухую загорелую щеку.

– Если соскучился, что ж раньше не приехал? – спросила она. И, не

слушая оправданий Бориса («дела, тетушка, дела...»), распорядилась:

– Ступай пока в дом. Вторая комната над лестницей – твоя. Иди, иди. А я остальных гостей встречу.

Вытаскивая сумки из «лексуса», Борис вынужден был признать, что приняли его сухогато. Переоценил он силу своего обаяния. Но старуха, старуха-то какова! Держится, как царица. «Сидела раньше у разбитого корыта, не важничала, а теперь поймала золотую рыбку – и все, другим человеком стала», – недобро подумал Борис.

Он вспомнил о подарке, который хотел вручить сразу, поразив тетушку широким жестом. Но, обернувшись, увидел, что во двор уже въезжает красная «мазда». Выходит, и с подарком он опоздал.

Еле сдержавшись, чтобы не выругаться в сторону приехавшей, Борис взбежал на крыльцо и скрылся в избе.

Маша почувствовала неладное еще тогда, когда доехала до развилки. Дорога раздваивалась. Слева километрах в двух виднелись черные домишки, торчащие в поле, словно гнилые зубы – кривые, покосившиеся. Деревенька Зотово, кажется. Ей туда точно не надо. Да и выглядела деревенька даже издали до того сирого и убогого, что Маша по доброй воле ни за что не отправилась бы по левому пути.

Правый рукав дороги взбирался на холм и обрывался возле забора. А за ним виднелся дом – один-единственный. Успенская даже вышла из машины, разглядывая его, и тихо присвистнула.

«Живу я в избушке, – сообщила Марфа Степановна по телефону. – Можно сказать, в хибаре. На са-а-а-мых выселках!»

Теперь Маша оценила ее юмор.

Двухэтажная бревенчатая «хибара» с мансардой возвышалась на холме, точно крепость. По всему периметру ее окружала высокая ограда. Широкие ворота гостеприимно распахнуты, а за ними видны сарай, баня, два больших пристроя – то ли коровник, то ли конюшня... Слева от дома густо зеленеет сад, шапки деревьев вздымаются над оградой.

До Маши донесся бодрый крик петуха. Присмотревшись, Успенская разглядела пестрых кур, бродящих по двору.

– Хибара, значит, – пробормотала Маша. – На выселках.

Она села в машину и повернула к холму. Чем ближе подъезжала Маша к дому, тем сильнее ошеломляли ее масштабы увиденного. И когда машина медленно вкатилась в ворота, Маша окончательно осознала, что Марфа Олейникова совсем не та женщина, которую она себе вообразила.

«Познакомишься со старушонкой, – напутствовал ее Воронцов, когда помогал собраться. – Привезешь гостинцев, пряничков – она и растает...»

Пряничков! С каждой секундой Успенская чувствовала себя все более неловко. У нее даже мелькнула трусливая мысль: из машины не выходить, быстро развернуться и уехать. Машина – последнее укрытие; откроешь дверь – и возможности удрать больше не будет.

Но хозяйка уже шла к ней – без улыбки, сосредоточенно вглядываясь сквозь пыльное лобовое стекло. Маша глубоко вдохнула и открыла дверь. Выпрямилась, напряженно глядя на новообетенную родственницу, начисто забыв о том, что запланировала небольшую приветственную речь.

Вот, значит, как выглядит Марфа Степановна Олейникова. Да, это не подслеповатая маленькая бабушка, которую нафантазировала Маша.

Худая старуха с раскосыми темными глазами, загорелая до бронзового цвета, словно индеец. Лицо в морщинах – как шляпка гриба масленка, в которую врезались сухие травинки. Если осторожно отделить их от липкой пленки, под ними обнаружатся бороздки, повторяющие изломы стебелька. Такие же изрезали немолодое лицо.

На Олейниковой был длинный льняной сарафан и пестрый фартук, сшитый из разноцветных лоскутов. Цветастый платок на голове завязан, как бандана, сзади под затылком. Яркие глаза, ничуть не выцветшие от возраста, испытующе глядели на Машу. Из-под платка выбивались короткие пряди черных, как смоль, волос.

«Красит волосы», – подумала Маша, и эта приземленная мысль отчего-то немного успокоила ее.

Если красит, то ничто человеческое не чуждо этой суровой, страшноватой, похожей на индейца старухе.

Она осознала, что уже с минуту стоит молча, бесцеремонно рассматривая хозяйку.

– Здравствуйте, Марфа Степановна.

– Здравствуй-здравствуй... Так вот ты какая, Маша Успенская, – протянула Олейникова. Взгляд ее потеплел. – Внучка Зоина, сразу видно.

– Вы ее хорошо знали? – живо спросила Маша.

По губам Марфы скользнула улыбка, она кивнула:

– Хорошо знала. У меня две ее фотографии хранятся в городской квартире. Порода у вас с ней одна, точно под копирку делали: Зойка была тонкая-звонкая, как струна, а по волосам огонь пробежал. Лисья порода, как отец мой говаривал.

Старуха замолчала, задумчиво рассматривая Машу. И вдруг улыбнулась – ярко, озорно:

– А ведь хорошо, что ты приехала, девочка! Перезнакомишься сразу со

всей родней. Иди-ка сюда, обниму тебя, душа-девица.

Олейникова заключила Машу в крепкие объятия. Потом отстранила, держа за плечи, пытливо заглянула в лицо:

– Устала? Вижу, что устала. Дорога до нас долгая, тяжелая. Ничего, скоро отдохнешь. Знаешь, как спится у меня! Забери свой скарб из машины да поставь ее вон туда, под навес. А потом приходи в избу, покажу тебе твою комнату.

Маша отогнала «мазду», вытащила из багажника спортивную сумку и остановилась, наблюдая за появлением гостей, только что подъехавших на сером «опеле».

Из машины вышли двое: очень полная женщина в сарафане и щуплый человечек в очках и детской панамке. Оба замерли перед избой Марфы Степановны, открыв рты. Из чего Маша сделала вывод, что не она одна оказалась неподготовленной к встрече с реальностью.

Это ее немного утешило.

– Господи, Лена! – ошеломленно сказал мужчина в панамке. – Ты это видишь?

Лена что-то ответила и нырнула в багажник почти целиком. Через пару секунд оттуда полетели пакеты, сумки, коробки в таком количестве, словно «опель» был безразмерным.

– Нет, ты посмотри, – настаивал мужчина. – Помнишь, что здесь было? Лена, это невероятно!

Маша негромко кашлянула, чтобы обозначить свое присутствие. Мужчина обернулся так резко, что панамка едва не свалилась с него.

– Ого! – удивился он. – Здравьете. Вы кто?

Маша всегда представлялась по частям, как Джеймс Бонд. Знакомясь, говорила: «Меня зовут Маша. Маша Успенская». И замирала, ожидая реакции.

Если новый знакомый радостно восклицал: «О, как певицу Любовь Успенскую!», Маша мысленно причисляла его к духовно несостоявшимся людям. Если же понимающе кивал: «Ах, как писателя Эдуарда Успенского», то Маша понимала, что перед ней интеллигентный человек. Не в полном смысле интеллигентный, конечно... Но хотя бы не поклонник шансона.

«А в наши дни, – думала Маша, – все, кто не поклонники шансона, могут смело называться интеллигентными людьми».

И на этот раз она не изменила привычке.

– Маша. Маша Успенская, – отрекомендовалась она. – Я дальняя родственница Марфы Степановны. Внучка Зои.

– Гена, – извиняющимся тоном сказал мужчина и так осторожно взялся за протянутую руку Маши, как будто боялся обжечься. – Коровкин. Тоже дальний родственник. Вы, случайно, не родственница писателю Успенскому?

Маша сказала, что не родственница, и мысленно поставила напротив фамилии Коровкина галочку в графе «интеллигентный человек».

Из-за приоткрытого багажника высунулась женщина в сарафане.

– А это Лена, моя жена, – с гордостью представил Коровкин.

Маша восхищенно уставилась на нее.

Полнота Лены не была сродни мягкотелости медузы или пышности булочки. В ней чувствовалось что-то могучее, навевавшее мысли о пахоте или сенокосе. Маша легко представила эту женщину, идущую по полю с плугом в крепких сильных руках.

– Привет, – поздоровалась Лена и улыбнулась.

Улыбка преобразила ее, придала мягкости и милоты. Из богини пахоты она превратилась в румяную хозяйку пекарни, что по утрам раздает соседским детишкам свежееиспеченные рогалики. «Да ведь она красавица, – подумала Маша, любуясь полнокровным, свежим лицом. – Только совсем не вписывается в нынешние каноны красоты».

– Кто-то уже приехал? – спросила Лена, кивая на черный джип.

– Да... Но я не знаю, кто именно. Я ведь пока ни с кем не знакома, – призналась Маша. – Только видела, что водитель высокий и обрит наголо.

– Борис, – хором сказали Лена с Геной, переглянулись и рассмеялись.

– Ярошкевич, – добавил Коровкин. – Бизнесмен. Примчался первым, значит...

И снова переглянулся с женой. Маша переводила взгляд с одного на другого. Определенно, одна и та же мысль мелькнула у обоих, и они поделились ею без слов. Но какая?

Повисла неловкая пауза, и Успенская поспешила нарушить ее.

– Невероятный дом, – сказала она искренне. – Такой большой... Я ожидала увидеть избушку и десять соток огорода, а увидела целое поместье. Хорошо, пусть не поместье... Но все же хозяйство меня поразило.

Лена наклонилась к ней и доверительно шепнула:

– Нас поразило не меньше. Мы ведь были здесь тогда, десять лет назад.

– На прошлом дне рождения Марфы, – кивнул Коровкин.

– Ты хотел сказать – юбилее.

– Да-да, юбилее. Троиц из нас пришлось спать в палатках, потому что

в доме все не поместились. У Марфы была старенькая газовая плита, но готовила она в основном в печи. Боялась, что газ рванет.

– А помнишь, как разрушился сарай? – спросила Лена.

– Развалился практически на наших глазах, – подтвердил Коровкин. – Крыша вдруг прогнулась одним махом, точно на нее сел великан. И провалилась в сарай.

– Только доски торчали наружу.

– Задняя стена сложилась, как спичечная. Треск стоял ужасный!

– А потом завопила Вера Львовна.

Супруги посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Вы, наверное, не знаете, – поспешила объяснить Лена. – Вера Львовна – покойная жена Иннокентия, двоюродного брата Гены. О покойниках плохо не говорят, но Вера была немного...

– Крикливой, – пришел на помощь Геннадий.

– Да, именно крикливой. К тому же ей страшно не понравилось у Марфы Степановны, и Вера постоянно шпыняла мужа, требовала уехать как можно скорее. Ночью ее кусали то ли клопы, то ли комары, а утром она пошла прогуляться по огороду и попала ногой в кротовью нору. После завтрака все отправились на речку, и там Вера порезалась осокой.

– Крику было – жуть! – вставил Геннадий.

– В конце концов, Вера заявила, что единственное безопасное место в этом деревенском клоповнике – это туалет. А туалет у Марфы действительно был сделан на совесть. Конечно, обычная выгребная яма, ничего особенного, но Марфа поливала ее каким-то специальным составом, отбивающим запах, и к тому же он был довольно теплый...

– Потому что находился в сарае, – закончил Гена.

Маша вскинула брови.

– Вы хотите сказать... – осторожно начала она, – что сарай обрушился...

– ...именно тогда, когда в туалете сидела Вера Львовна, – подтвердила Лена, сдерживая смех. – Причем в полной уверенности, что это единственное безопасное место в доме Марфы.

Геннадий согласно кивнул.

– И она вопила, как пожарная сирена. Решила, что случилось землетрясение, и стульчак вместе с ней вот-вот провалится в тартарары. Досталось, как обычно, бедному Иннокентию, хотя уж он-то ни в чем не был виноват. Просто домишко состарился, вот и начал понемногу осыпаться. Да, здесь была бедность и разруха, не то что сейчас.

Гена покачал головой, снял очки и сразу стал беззащитным, как крот.

Маленькие серые глазки подслеповато щурились. Он повел влево-вправо длинным носом, точно приносясь. В детской панамке, нахлобученной по самые брови, Геннадий выглядел так уморительно, что Маша не смогла сдержать улыбки.

– Коровкин, ты чучело, – покровительственно сказала Лена. – На кого ты похож? Над тобой люди смеются.

– Пускай смеются, – невозмутимо возразил ее муж. – Это единственный головной убор, который закрывает лицо от солнца.

– Чучело-чучело, – повторила Лена, посмеиваясь.

Но за насмешкой Маша уловила в ее голосе нежность.

– Не обращайтесь на нас внимания, – сказал Коровкин. – Ей бы только критиковать меня, героя. Между прочим, я нашел сюда дорогу без навигатора! Хотя последний раз был в этом богом забытом месте десять лет назад! Ой, посмотрите-ка, кто к нам пришел.

Пестрая курица, осмелев, подошла поближе. Черный круглый глаз скосила на Машу, подождала – не нападут ли эти двуногие, не схватят ли за перо в хвосте – и начала поклевывать что-то в траве. За ней потянулись остальные, и вскоре вокруг Маши и Коровкиных ходили, удовлетворенно кудахта, не меньше десятка пеструшек.

– Я, наверное, пойду, – извиняющимся тоном сказала Маша. – Меня Марфа ждет.

Геннадий привстал на цыпочки и посмотрел за Машино плечо.

– Кто-то едет, – сообщил он. – Даже без очков вижу.

Женщины обернулись. По дороге с медлительностью навозного жука тащился синий автомобиль. Хромированные детали сверкали на солнце.

– «Мини купер», – определила Лена. – Ген, кто у нас на «мини купере» ездит?

– Кто угодно может. Кроме Иннокентия.

«Почему кроме Иннокентия?» – хотела спросить Маша, но сдержалась. Она едва познакомилась с этими милыми, хоть и странноватыми людьми. Время вопросов еще не пришло.

– Полагаю, это Ева, – задумчиво сказал Геннадий, снова снимая очки и принимаясь вертеть их за дужку. – Мини-купер – в ее стиле.

Теперь Маша не смогла удержаться от вопроса:

– Простите, кто такая Ева?

– Это жена Марка Освальда, – охотно ответил Коровкин. – Он мой двоюродный брат по линии деда Степана. Наши матери, Вера и Наталья, родные сестры.

Лена заметила недоумение на лице Маши и истолковала его по-своему:

– Поначалу вам очень непросто будет разобраться во всех хитросплетениях наших родственных отношений. Но со временем вы привыкнете, и эти семейные связи перестанут быть для вас тайной.

Но Машу озадачило вовсе не это. Она обернулась к Гене:

– Так у Марка Освальда жена! И ребенок?

– И ребенок, – подтвердил Геннадий, удивленно посмотрев на нее. – Мальчик, ему уже лет тринадцать.

– Он тоже будет здесь?

Геннадий помрачнел, с лица Лены сползла улыбка.

– Вряд ли, – сдержанно сказал Коровкин. – Его отец погиб десять лет назад, и с этим домом у Евы связаны...

Он взглянула за Машино плечо и оборвал фразу.

Маша обернулась. На крыльце стояла Марфа Степановна и укоризненно качала головой.

– Стоят, языки чешут! Нет бы поздороваться со старухой, в дом пройти!

Пока Лена и Геннадий пылко обнимались с Олейниковой, Успенская стояла рядом, ощущая себя бедной родственницей. Сумку она повесила на плечо, но та все время норовила свалиться. Разговаривая с Коровкиными, Маша почувствовала себя легко, но пришла Марфа и сразу расставила все по своим местам: вот по-настоящему родные люди, а Успенская – неизвестно кто. Внучка Зои. Где, спрашивается, та внучка была прежде? О самой Зое и говорить не приходится...

Наконец Марфа обратила внимание и на Машу:

– Пойдем, провожу тебя в твою светелку. А вы тащите в дом свои сумки, скоро и до вас дойдет очередь.

Кивнув Гене и его жене, Успенская последовала за старухой.

– Туфли сымай, – приказала Марфа, когда они оказались в прихожей. – У меня половики, по ним только босиком или в тапочках.

Маше достались огромные тапочки с овчиной. Казалось, они вот-вот заблеют и сами понесут Машу из комнаты в комнату.

Марфа толкнула дверь, и Успенская шагнула внутрь. С губ ее снова сорвался восхищенный свист, второй раз за этот день.

– Не свисти! – старуха больно ткнула ее пальцем в спину. – Денег не будет.

Но Маша не могла не свистеть. Они стояли в большой, просторной комнате, залитой солнечным светом. Посреди комнаты широкий дубовый стол, вокруг стулья, кресло-качалка, покрытое пледом... Пахло деревом – можжевельником и сосной. В дальнем конце комнаты виднелся камин, пол

перед которым устилали белые искусственные шкуры.

В Москве Маша жила в однокомнатной хрущевке, вылупившейся из комнаты в коммуналке в результате многолетней выплаты оброка, лицемерно именуемого ипотекой. Оброк начинала платить еще мать, потом эстафету перехватила Маша.

Свою квартирку Успенская очень любила. Она любила бы и коробку, если бы ей пришлось жить в коробке. Маша обладала счастливым даром обживать и обустраивать пространство вокруг себя таким образом, что оно расцветало и чудесно преображалось.

Но здесь, в этом доме она почувствовала себя так, будто ее долгое время держали где-то скомканной, а потом достали и развернули.

Камин со шкурами окончательно добил Машу.

– Это для баловства, – кивнула Марфа на камин, словно прочитав ее мысли. – Так-то печка русская есть, она лучше любого камина. А в сильные холода, конечно, газ. Такую махину без газа никак не протопить.

Старуха одобрительно похлопала рукой по стене, как будто дом был живым существом. Словно хозяин, гордящийся породистым конем, которого он кормит лучшим сеном.

– Пойдем наверх, там у меня комнаты для гостей.

Хозяйка привычно подобрала подол и неторопливо начала подниматься вверх по лестнице.

– Обедать будем здесь, – она указала на стол. – Справа от камина дверь на кухню ведет. За кухней есть кладовочка, там у меня и соленья, и варенья, и грибочки маринованные и соленые. Прошлый год был богатым на грузди, двадцать банок черных я закатила. Муж есть у тебя?

Переход от черных груздей к мужу был таким неожиданным, что Маша оступилась и чуть не свалилась с лестницы.

– Нет, я не замужем.

– А была?

– Была.

– А детишки?

– Детишек нет, – суховати ответила Маша. – Вы меня уже спрашивали, Марфа Степановна. По телефону.

Старуха резко обернулась, сверкнула на нее черным раскосым глазом.

– Разве спрашивала? – удивленно протянула она. – Когда же это я успела? Быть такого не может, и не уговаривай, не поверю. Вот с Зоей я о тебе беседовала, было дело. Мало ли, думаю, вдруг кто чужой решил ко мне в дом забраться. Спрашиваю Зою – а она в ответ: э-э, милая, какая же она нам чужая, если в ней моя кровь течет!

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», – ухнуло в голове у Маши. Она остановилась на середине лестницы.

А Марфа продолжала:

– Зое верить можно. Она бы кого попало не разрешила в дом приводить. Считай, Зоя тебе рекомендацию дала.

– Кто такая Зоя, Марфа Степановна? – спросил сверху низкий мужской голос.

Маша подняла голову. Наверху стоял тот самый тип с бритой головой, который не помог ей в лесу. Он непринужденно облокотился на перила.

Маша всегда обращала внимание на носы. У бритого нос был короткий, словно обрубленный, с мясистыми крыльями. Он портил красивое самодовольное лицо. Но зато череп был идеальной формы, а отросшая на щеках и подбородке щетина с проседью Борису очень шла.

Успенская не могла не признать, что перед ней очень привлекательный мужчина. Подруга Олеся называла таких «высокоранговый самец». На губах его играла улыбка, и выглядел он как довольный сытый кот, но взгляд оставался колючим.

На Успенскую Борис не смотрел, глаза его буравили Олейникову.

– Зоя, сестра Николая и Степана, – недоуменно отозвалась Марфа. – Ты что, Боря?

– Та, которая померла двадцать лет назад? – уточнил бритый.

Повисла неловкая пауза. Маша отвела взгляд от сытого лица Бориса и стала смотреть на широкую, как лопата, спину Марфы.

Но старуха не смутилась ни на секунду.

– Та самая, – невозмутимо кивнула она. – Только не двадцать, а все тридцать. Кстати, познакомься с Марией. Это наша новая родственница.

Маша высунулась из-за спины Марфы и сказала «здравствуйте».

– Очень приятно. – Борис мазнул по ней холодным взглядом. – А откуда взялась новая родственница? Нам, кажется, и старых хватало...

– Вам хватало, а нам нет, – отрезала старуха.

– Я только недавно узнала о том, что у бабушки были братья, – вмешалась Маша. – Если вам будет интересно, я расскажу, при каких обстоятельствах.

Лицо Бориса недвусмысленно выразило, что интересно ему не будет.

– Вы появились удивительно вовремя, – бросил он. – Лучше нельзя было и подгадать.

– Борька, не язви! – в голосе Марфы прорезались властные нотки. – Вспомни, что в Библии говорится о злыязычных. А ты, Мария, пойдем, не стой столбом.

Лицо Бориса приняло странное выражение, но он смолчал. Молча следил, как Олейникова с Машей поднялись по лестнице, прошли мимо него, и только чуть повернул голову им вслед.

Пройдя мимо двух закрытых дверей, старуха остановилась у третьей и начала шарить в карманах фартука.

– Куда же я его засунула... – бормотала она. – Был ведь ключ, только сегодня видела его! Ах ты старость, старость...

Повинуясь неясному чувству, Маша толкнула дверь. Та беззвучно приоткрылась.

– Точно! – просияла Марфа. – На ключ-то я ее не заперла. Это ты молодец, девонька, это ты хорошо сообразила. Заходи, заходи! Вот твоя светелка.

«И правда светелка», – подумала Маша, оглядывая маленькую комнатку с нежно-голубыми обоями.

Здесь были только широкая кровать с белым покрывалом, шкаф и маленький столик у окна. Из окна открывался вид на поле и край леса.

– Здорово! – искренне сказала Маша. – Мне очень нравится, Марфа Степановна.

– Скромненько, конечно, – проворчала старуха. – Но уж чем богаты. Отдыхай, племянница!

Она похлопала Машу по плечу и вышла. Показалось Успенской, или в последних словах старухи проскользнула ирония?

«Марфа сама тебя пригласила, – напомнила себе Маша, – ты не напрашивалась».

Но до чего же все не совпадает с ее ожиданиями!

И непонятно, как относиться к увиденному и услышанному. Особенно к упоминанию Марфой разговора с покойной Машиной бабушкой.

«Милая моя, ей восемьдесят лет! Посмотрим, с кем ты сама станешь беседовать, когда доживешь до такого почтенного возраста».

Но что-то не складывалось. Марфа Степановна показалась Маше на редкость здравомыслящей старухой, мало склонной к встречам с духами умерших. Впрочем, Маша отлично понимала, что впечатление могло быть обманчиво.

Но за одно впечатление она могла ручаться: Борис Ярошкевич – неприятный человек, который по необъяснимой причине плохо отнесся к самой Маше. Хоть это и странно. И что означают его слова о ее своевременном появлении? Неужели не постеснялся при самой Олейниковой намекнуть на ее преклонный возраст и возможное наследство?

В памяти Маши встал рисунок, который она набросала в самолете. Борис Ярошкевич – внук Николая.

Вспомнилось предупреждение Лены Коровкиной. «Поначалу вам непросто будет разобраться в хитросплетениях родственных отношений»...

Хитросплетения? Маша покачала головой: никаких особенных хитросплетений нет, зря Лена пугала ее. Ей удалось разобраться почти сразу.

Маша задвинула дверной засов и присела на мягкую кровать, пахнущую отутюженной наволочкой и еле слышной отдушкой для белья... Заманчивое приглашение ко сну после долгой дороги. Ехать пришлось почти семь часов, останавливаясь лишь изредка, чтобы свериться с картой и размять ноги. Теперь, после проделанного пути, после встречи, которую Маша ждала и побаивалась, на нее навалилась сонливость. Все звуки стали убаюкивающими, даже квохтанье куриц во дворе, даже бравое «ку-ка-ре-ку» горлопана-петуха.

Маша стянула футболку, сняла джинсы и повалилась на кровать, раскинув руки в стороны. Господи, как хорошо! Как тихо и спокойно! Беленый потолок над головой кажется высоким, будто небо. И небо это поднимается, поднимается... Вот поплыли по нему облака, взбитые в пену, гонимые зеленым майским ветром, тем, что приносит счастье и мечты о вечном лете...

В дверь громко постучали. Маша вскочила, протирая глаза. Что это? Неужели она успела уснуть? Майский ветер... облака... Какой май, когда за окном середина июня!

– Сейчас-сейчас, – крикнула она, скача по комнате в одной штанине. Вторая штанина извивалась и уворачивалась от ее ноги. Наконец Маша усмирила джинсы, натянула футболку и открыла дверь.

За дверью стоял гладкий, лоснящийся полосатый кот и выжидательно смотрел на нее желтыми, как одуванчики, глазами.

– Здравсьте, – брякнула Маша.

Какую-то долю секунды ей казалось, что кот вот-вот ответит. Но полосатый помолчал и неспешно двинулся к лестнице. Кончик короткого толстого хвоста подергивался. Перед лестницей кот остановился, обернулся на Машу.

– Кис-кис-кис, – неуверенно сказала она.

«Какой я тебе кис-кис-кис?!» В круглых желтых глазищах отразилось презрение, кот мявкнул и пошел вниз, осторожно ставя лапы на ступеньки.

Маша посмотрела влево, вправо – никого. Что за шутки? Ведь кто-то же стучал!

Она закрыла дверь и вернулась на кровать. Но сон больше не шел. Снизу доносились оживленные голоса. Наверное, кто-то еще прибыл, пока она дремала. Может быть, тот самый Иннокентий?

Маше почудилось, что она не в частном доме, а в номере отеля, где все постояльцы знакомы между собой, приезжают из года в год в одно и то же место, а хозяин знает все их вкусы и привычки. Но она не из этих постояльцев. Она из тех, кого они обсуждают друг с другом, посмеиваясь и отпуская колкости.

«Комплекс чужака» – вот как называется это чувство. Успенская старательно изживала его, но к двадцати восьми годам не добилась особенных успехов.

В детстве они с матерью часто переезжали, и Маша меняла классы каждый год, а иногда и чаще. Самым тяжелым всегда оказывалось расставание с музыкальной школой. Здесь существовал свой мир, казавшийся неизменным, а Маше приходилось насильно вычеркивать себя из него. Конечно, на новом месте она находила новую «музыкалку», но чувство потери уходило далеко не сразу.

Когда, уже став взрослой, Маша попала в оркестр, она не сразу смогла поверить, что это – окончательно. Что ее работа не исчезнет, что Машу не выдернут с места, не перебросят в другой город. Она научилась с гордостью отвечать на вопросы о ее работе: «Я – флейтистка в Оперном театре. Да, в том самом».

Казалось бы, в детстве за много лет можно было привыкнуть к неприменным ритуалам обживания новых мест. Но у нее всегда болезненно екало под ложечкой, когда учительница объявляла: «Ребята, у нас новая ученица. Ее зовут Маша Успенская!» Маша вся сжималась, ожидая этой фразы. Как только учительница произнесет ее, десятки пар глаз вопьются в новенькую. В глазах любопытство, неприязнь, равнодушие... А вслед за этим нужно пережить несколько тяжелых первых дней, когда ты для всех чужая, когда ты не успела слиться с местностью настолько, чтобы на тебя не обращали внимания. Это время – как болезнь! Маша в самом деле чувствовала себя плохо в эти дни, у нее болела голова и поднималась температура.

Мама говорила, что это все из-за чрезмерной зависимости от чужого мнения. «Будь сама по себе! – призывала она. – Не обращай ни на кого внимания!»

Матери легко удавалось быть самой по себе, она всегда была одиночкой, и даже в путешествия предпочитала ездить одна, чтобы полнее впитывать впечатления.

А Маша – совсем другая. «Как же можно не обращать ни на кого внимания?» – удивлялась она.

Ей остро хотелось дружить с одноклассниками, чтобы те встречали улыбками и спрашивали: «Машка, пойдешь с нами сегодня в кино?»

И до сих пор ей обязательно нужно делиться увиденным, чтобы кто-то толкал под локоть и восхищенно кричал: «Смотри! Смотри скорее!» А она бы смотрела, и ахала, и тоже восхищалась, и радовалась, что через год можно будет сказать тому, кто сейчас стоит рядом: «А помнишь, тогда, в Стамбуле...»

С одноклассниками так и получалось: за короткое время Маша становилась своей. Ее записная книжка за годы их переездов разбухла от адресов и телефонов. Мать сбрасывала все старые знакомства вместе со сменой места жительства, словно стряхивала старую шкуру. Она никогда потом не общалась с теми людьми, с которыми дружила до переезда, забывала о них, словно их никогда и не было.

Маша копила все, имевшее отношение к прошлому: вещи, фотографии, людей. Помнила имена, биографии, дни рождения, не прикладывая к этому усилий. Мать смеялась: «Ты – всемирная сиротка, везде ищешь родных». Маша не могла скрывать от себя, что в жестоких словах есть большая доля правды.

Когда подруга предложила составить Машино генеалогическое древо, Успенская сразу отказалась.

– Олеся, у нас никого нет, – грустно сказала она. – И я не хочу получать этому известному факту документальное подтверждение. Мы с мамой всю жизнь переезжали с места на место, ее замкнутый характер не выдерживал ни один из тех мужчин, которых я звала дядей Колей, дядей Сережей, дядей Вовой... Отца я не знаю. Бабушка Зоя умерла до моего рождения. Не стоит ворошить прошлое. Там ничего нет, кроме ожидаемого разочарования.

Но Олеся все-таки уговорила ее. В то время она страстно увлеклась «семейными раскопками» и хотела опробовать на Маше свои новые умения.

Результат поразил обеих.

Глава 2

Полтора месяца назад

– Олеся, этого не может быть! Ты где-то допустила ошибку!
Маша присела на подоконник, потрясенно перебирая бумаги.

– Никакой ошибки! – запротестовала Олеся. – Машка, все оказалось даже проще, чем я думала. Поверь мне, эти документы не врут. У тебя куча дальних родственников! Многие из них живут в Москве. Представь, ты даже могла с кем-нибудь из них случайно встретиться!

Случайно встречаться... Почему бы и нет? Вчера в парке она беседовала с седой старушкой, которая по возрасту вполне могла бы быть ее...

– Олеся, кто она мне? – спросила Маша, изучая свое фамильное древо. – Вот эта Марфа Олейникова?

Подруга задумалась.

– Могу сказать одно: она племянница твоей бабушки. Наверное, тебе придется какой-нибудь двоюродной или троюродной теткой.

Выходит, та старушка в парке могла бы оказаться ее двоюродной теткой Марфой Степановной. Имя-то какое... основательное.

– Мама не могла не знать, – вслух подумала Маша. – У нее даже есть альбом с фотографиями, я сейчас вспомнила. Фотографии середины двадцатого века... Снимки не подписаны, и мама всегда говорила, что эти люди не имеют к нам отношения. Думаю, хитрила: конечно, она вряд ли их когда-нибудь видела, но отлично понимала, что некоторые из них – наши родственники. Но почему мне ничего не рассказывала?!

Ответ на этот вопрос Маша получила неделей позже, когда приехала в Эстонию.

Анна Успенская теперь осела в Таллине. Ей понравился этот город, и она могла целыми днями бродить с этюдником по его улочкам. Квартиру мать превратила в мастерскую, как делала всегда, и десятки видов Таллина смотрели на Машу со стен.

– Картины продаются? – спросила Маша.

– Более чем успешно, – кивнула мать. – Думаю, ближайшие пару лет я точно не соберусь переезжать. К тому же мне по душе здешний климат.

Маша прошла мимо картин, отмечая, что у матери появилась новая, свободная манера письма. Неудивительно, что ее работы пользуются спросом. Наверняка их покупают туристы, желающие увезти с собой пойманные на холсте впечатления о старом городе.

Маша обернулась. Мать наблюдала за ней.

– Почему ты не рассказывала мне о том, что у нас есть родственники? – прямо спросила Маша. – У бабушки было два брата, а у них – куча детей. Но я ничего об этом не слышала. Почему?

– Вопрос не в этом, – возразила Анна. – Почему тебя это так задело – вот в чем загвоздка. Подумаешь, родственники! Уверю тебя, очень

дальние.

Ответ матери подтвердил то, о чем Маша и так догадывалась: Анна обо всем знала. Задавая свой вопрос, Успенская блефовала и была готова увидеть недоумение на лице матери. Но та не удивилась.

Маша отодвинула лист ватмана и присела на краешек стола. Мать с любопытством смотрела на нее.

– Как бы тебе объяснить, – задумчиво проговорила Маша. – Мы с тобой носились по всему свету, как перекасти-поле, я мечтала зацепиться за что-нибудь или за кого-нибудь. Мне казалось, что где-то живет человек, который заставит тебя остановиться. Например, властный дед. Или авторитетный дядюшка. Я понимала, что все это сказки, мечты, но все равно хотела в них верить. И вдруг выясняется, что такие люди действительно были! Мои мечты могли стать реальностью...

– Не могли, – оборвала мать. – Не говори глупостей. Я не рассказывала тебе не потому, что это страшная семейная тайна, а потому, что эти люди меня не интересовали и были крайне далеки от нашей жизни. Твоя бабушка встречалась с некоторыми из них и брала меня с собой, но мне это быстро надоело. Ты ведь знаешь, я не очень-то нуждаюсь в людях.

Маша обвела взглядом десятки картин, ни на одной из которых не было человеческого лица – ни в окнах, ни на улицах, ни в парках нарисованного города.

– Но я нуждаюсь! – настойчиво сказала она. – Мне это важно!

Анна вздохнула.

– Хорошо, я расскажу. А ты сама решай, нужны тебе эти родственники или нет.

.....

1924 год

В колхозе «Знаменский» среди односельчан ходили слухи о том, что в семье Олейниковых один ребенок не от Михаила. Иначе как объяснить, что Михаил с женой Татьяной коренастые и черные, как татары, и двое их сыновей, пятнадцатилетний Степан и четырнадцатилетний Николай, такие же: крепкие, чуть раскосые, черноглазые и свирепые. А младшая дочь Татьяны тонкая, гибкая, как плеть, высокая и рыжая. Даже брови светло-рыжие, как два пшеничных колоска, перестоявших на солнце.

Татьяна назвала девочку на городской манер – Зоей, чем только усугубила подозрения соседей. Значит, точно связалась с кем-то из приезжих.

Девчушка росла хоть и забавная, но некрасивая: глаза огромные, карие, и тоже с рыжиной, губы тонкие, щеки впалые. А ручки такие, что хочется схватить ребенка и откармливать, откармливать, пока не поправится. Виданное ли дело: такая худоба у здорового дитяти! Малыш должен быть крепкий, как поросенок. Чтобы щечки румяные, ручки и ножки в перетяжках и животик мешочком.

Правда, все признавали, что дочь Татьяны – на редкость смышленная девочка. Татьяна с ней возилась, с рук не спускала, нянчилась так, что над ней смеялись: нашла себе куклу на старости лет. Раздобыла в библиотеке старую книжку со сказками и в любую свободную минутку читала Зойке, качая девчушку на коленях.

В четыре года Зоя начала читать сама. Изумляя окружающих, четко произносила слова, даже самые сложные.

И это больше, чем что-либо другое, убедило Михаила в том, что ребенок не его. Чужое семя, чужое! Сыновья, Степка с Колькой, едва выучились грамоте. До сих пор губами шевелят, когда читают про себя, и лица у них при этом такие напряженные, будто мешки с картошкой ворочают. А Зойка шпарит с любого места, хоть вниз ногами написано, хоть вверх, хоть вбок. Сунули ей газету – прочла целую статью без единой запинки. Михаил там половины слов понять не смог, а эта рыжая в четыре года – прочла, не оступилась ни на одной строчке!

Вместо того чтобы гордиться дочерью, Мишка Олейников впал в ярость и избил жену. Раньше пальцем ее не трогал, а теперь рассвирепел. Зойка, случайно заглянув в дом, в ужасе закричала, рванулась к матери, и Михаил отшвырнул ее с руганью. Девчонка как ударилась об стену, так обмякла и упала.

Но Мишке было не до нее. Он бил, бил, бил Татьяну, ненавидя ее за то, что стал посмешищем для всего села. В ослеплении яростью он начисто забыл, что такой же рыжей была бабка его жены, и даже веснушки у нее сохранились до старости.

Очнулся лишь тогда, когда Степан, вбежав, стал оттаскивать его от неподвижного окровавленного тела. К брату на помощь подоспел Колька. Вдвоем им удалось уговорить отца. Тяжело дыша, Михаил отошел в сторону, сел на скамью и уткнул лицо в ладони.

– Ба-а-ать, – позвал Степка, пытавшийся привести в чувство Татьяну. – Батя!

В голосе его Михаил услышал страх. Страх был настолько несвойственным чувством для его старшего сына, что Михаил поднял голову.

– Бать, она не дышит, – прохрипел Степан, не отрывая взгляда от тела матери.

До суда дело не дошло. Михаил повесился неделей раньше, не выдержав приходов жены. Восемь дней Татьяна появлялась под утро, около четырех, становилась всегда в одном и том же углу камеры и умоляюще выталкивала вперед свою бабу. У бабушки почему-то было личико четырехлетнего ребенка, и с этого личика с тоской смотрели на Михаила огромные карие, с рыжиной, глаза.

Михаил выл, царапал стены, до крови сдирая ногти, пытаясь уйти от этих двоих.

– Ох, что ж ты, Мишенька, – плакала за его спиной старуха. – Зачем же ты так, Мишенька? Отдали тебе кровиночку нашу, Танюшу, а ты ее убил.

Жена стояла молча в углу, и Михаил знал: взглянет хоть раз на ее лицо – умрет на месте.

Но Татьяна на девятую ночь подошла сама. Подошла, заглянула в глаза мужу, ни слова не говоря. Мишка прирос к месту, даже кричать не мог.

Утром надзиратель, обходя камеры, нашел Олейникова, удавившегося собственными штанами.

Степан и Николай не любили младшую сестру. С ними молчалива, слова лишнего не скажет, а чуть выскочит из дома – поет. Злились оба, особенно Степан. Как-то раз он вышел во двор, постоял на крыльце и спросил с кривой ухмылкой:

– Что, радуешься, что из-за тебя батя с мамкой померли?

Зоина песня оборвалась на полуслове. Степан сплюнул, глядя на сестру:

– Тьфу, лисья порода проклятая!

В селе знали, что дом Олейниковых держится на Зое. Она готовила, мыла, стирала, штопала, ходила в лес за грибами-ягодами и даже рыбачила. Знала места, где хороший клев, и сама коптила во дворе рыбу.

– Братья Зойку держат в черном теле, – шептались соседи. – Тощая, страшно смотреть.

– Она у них прислуга за все. Говорят, Степан поколотил ее на днях.

Здесь соседи ошибались. Степан и в самом деле собирался поколотить четырнадцатилетнюю Зою. Но стоило ему занести тяжелую руку, как Зоя сама шагнула брату навстречу.

– Только тронь... – сорвалось с побелевших губ.

Несколько секунд они стояли друг напротив друга: нескладная девчонка-подросток и коренастый мрачный Степан. Отступил брат:

выругался и ушел. Но возненавидел Зойку еще сильнее за свое поражение.

Степан женился в восемнадцать, но детей долго не было. Только через семь лет родилась первая дочка, Марфа, и с тех пор каждый год толстая бессловесная Надежда приносила ему по ребенку. Оля, Вера, Наташа, Людмила... Степан смирился с тем, что парня ему не видать. Немного утешало то, что и жена брата родила Николаю всего двух девчонок.

Женившись, братья остались в родительском доме. Теперь Зое приходилось еще и нянчить их детей.

Марфа родилась, когда Зойке было всего десять, и с тех пор жизнь девочки превратилась в кромешный ад. За все, что ни случалось в доме, ругали Зою. Если кто-то из малышей падал и расшибал лоб, виноватой была она. Ей доставалось и от братьев, и от их жен – ленивых баб, таких же угрюмых, как мужья.

Правда, своих подопечных девчушек Зойка обожала. Лицо ее освещалось, когда она смотрела на толстеньких малышей, которые, словно матрешки – одна другой меньше – переваливались по комнате. И у девочек не было большей радости, чем возиться с теткой. Обе родные матери ревновали дочерей и шпыняли Зою еще сильнее.

Братья стали уважаемыми людьми на селе. Старший – начальник машинно-тракторной станции, младший – бригадир. Зоя по-прежнему жила с ними.

И вдруг случилось неожиданное.

Колхозный парторг, Григорий Воля, зашел к Степану по делу, увидел на дворе восемнадцатилетнюю Зойку, развешивавшую белье, и замер, будто пригвожденный к месту. Пять минут простоял, не в силах отвести от нее взгляда, и ушел, забыв, зачем приходил.

Надежда, жена Степана, посмотрела ему вслед и пренебрежительно поджала губы. И что парторг нашел в девчонке? Тощая да глазастая.

Неделю Григорий ходил как оглушенный. При любой возможности околачивался возле дома Олейниковых, смотрел на Зою жадно, с мольбой.

– Иди, поганка, поговори с мужиком, – шипела на девушку Надежда.

Зоя высоко вскидывала подбородок и молча уходила.

– Ты хоть понимаешь, от кого рыло воротишь? Иди к нему, дура! Иди, тебе говорят!

Зоя обжигала взглядом, но к Григорию не шла.

Воля пришел сам. Сказал братьям, что хочет жениться на их сестре.

Вот когда настал праздник на улице Олейниковых. Шутка ли, сестра выйдет замуж за парторга! Николай и Степан обрадовались, выпили за светлое будущее, позвали Зою.

– Долго тебя, нахлебницу, кормили, – сказал Степан, первый раз в жизни ласково поглядев на нее. – Пора и честь знать. В начале июня свадьбу сыграем. Повезло тебе, дура: выйдешь замуж за Гришку Волю.

Зоя вскинула голову.

– Не выйду, – отчеканила она. – За Гришку – никогда!

– Что-о?!

Оба брата вскочили. Благодушие с них как рукой сняло.

– Выйдешь как миленькая! – заорал Николай. – Такими женихами не швыряются!

– Такими?! – Зоя горько рассмеялась. – Сволочь ваш Григорий! Весь колхоз знает, какой он мерзавец.

– Придержи язык! – Степан угрожающе шагнул навстречу сестре. – У него все схвачено, все людишки в кулаке. Он тебя осчастливит!

– Вас он осчастливит, а не меня.

Николай стукнул кулаком по столу:

– Сказано, выйдешь – значит, выйдешь! А не выйдешь – убирайся из дома на все четыре стороны! Иди, живи, где хочешь, хоть на улице.

Зойка метнулась в свою комнату. Братья переглянулись, кивнули друг другу – кажется, поняла, что деваться ей некуда.

Вскоре Зоя вышла с заплечным мешком и направилась к выходу.

– Э-э! – Степан от изумления привстал. – Ты куда?

– Ухожу от вас, – спокойно ответила Зоя. – Лучше в лесу жить, чем с Григорием и с вами.

– Никуда ты не пойдешь! А ну вернись, падла!

Зойка лисицей метнулась на темный двор.

Но Степан с Николаем оказались проворнее: догнали ее в сенях, скрутили, потащили обратно. Колька за волосы дернул пару раз и дал по шее для острастки. Зоя зашипела от боли, но не вскрикнула.

Братья заперли ее в чулане, приперли дверь стулом для надежности.

– Не выйдет она за Гришку, – мрачно сказал Николай.

– Выйдет, – усмехнулся Степан. – Никуда не денется.

Он набил в рукавицу мокрого песка и зашел в чулан.

Изнутри донесся шум, потом что-то упало. Глухо закричала девушка – раз, и другой. Потом до Кольки доносились только стоны.

Брат вышел через десять минут – взмокший, но довольный.

– Жива хоть осталась? – спросил Николай, кивнув на дверь.

– Жива, что ей сделается. И синячка не будет. Ей ведь еще перед Гришкой красоваться!

Степан расхохотался, и брат подхватил его смех.

Из чулана Зойку так и не выпустили. Надежда приносила ей еду и видела, что девушка сидит, забившись в угол.

Через неделю Надежда буркнула, что свадьбу назначили на второе июня и что платье Зойке она даст свое.

– Тебе велико, я ушила.

Зоя кивнула и даже пробормотала что-то вроде «спасибо».

Олейниковы приободрились: значит, вразумили дурочку. Но решили, что еще три дня до свадьбы пускай посидит под замком.

И в этом заключалась их главная ошибка.

На следующее утро Зойка еще сидела в чулане. А вечером ее уже не было. В тонкой деревянной стене чулана, смежной с сараем, зияла дыра.

– Ты что, нож ей оставил?! – напустился на брата Колька.

– Какой нож?! Я весь чулан расчистил! Да не уйдет Зойка далеко в одном сарафане. Куда она денется? Не к кому ей идти.

Но девушка пропала, как сквозь землю провалилась. Никто ее не видел. Григорий лично обошел каждый двор, но без толку.

– Если найду, убью! – грозился Николай. – И плевать на Гришку! Стерва какая, а?! У кого же она прячется, у кого...

Но Зое и в самом деле не к кому было идти. Потому мысль укрыться у односельчан не пришла ей в голову. В лес, в сосновый бор на берегу реки – вот куда бежала девушка.

Место Зоя выбрала укромное, подальше от села, чтобы не наткнулись случайные рыбаки. Плохо, что не было с собой спичек: Степан забрал из чулана все спичечные коробки, опасаясь, что сестра подожжет дом. Только как же она могла его поджечь, когда внутри спали девочки?

Попыталась добывать огонь трением, но ничего не вышло: за несколько часов Зоя натерла ладони до мозолей, а под сосновой палочкой даже дымка не появилось. Тогда она отправилась на берег. Вернулась с острым куском кремня. Разложила на земле сухой мох, перехватила нож поудобнее и принялась бить камнем по лезвию.

Искра прыгнула с лезвия, как белка с дерева, и Зоя вскрикнула от радости. Есть огонь – значит, есть и жизнь.

Девушка устроила себе шалаш, набросала на землю сосновых веток, а сверху выложила постель папоротником. Снова пригодился складной ножик, который она всегда носила с собой в кармашке сарафана. Степан не догадался обыскать ее. Когда он бил Зою, ножик выпал, но в темноте брат его не заметил.

Зоя накопала червяков, выдернула нитку из подола, вырезала из сучка крючок и наловила рыбы. Запекла ее в углях, обмазав глиной. Обгладывала

костлявых карасиков, запивая речной водой, смотрела на закатное солнце и думала: что же делать, что?

Ночной чащи Зоя не боялась. Река и лес не дадут погибнуть с голоду, а от холода и хищников ее защитит костер. Чувствует она себя хорошо, разве что левый бок болит так, что трудно согнуться. Должно быть, Степан что-то ей повредил. Ничего, заживет.

Но сколько можно жить в лесу? Июнь, июль, август... А потом? Что делать ей, когда наступят холода? Неужели возвращаться к братьям, сдаваться на их милость? Нет, ни за что. Лучше уж сгинуть в лесу.

Восемнадцатилетняя девушка, никогда не уезжавшая из села и даже редко выходившая за пределы двора, пыталась представить свое будущее.

Нужно бежать. Бежать в большой город, где она затеряется, где сможет учиться. Но у нее ни денег, ни одежды, ни документов... Одежда беспокоила Зою больше всего. В одном сарафане далеко не убежишь, даже летом.

Значит, придется вернуться.

Зоя пробралась в дом ранним утром. Она следила из-за угла и видела, как братья ушли на работу. Девушка проскользнула в калитку, приласкала Бурана, который приготовился было залаять, но узнал хозяйку и радостно завилял хвостом.

– Тише, Бураша, тише!

Оказавшись в комнате, Зоя быстро собрала вещи. Сунула комом в мешок – потом разберется! – и бросилась к двери. Скорее, пока не заметили ее жены братьев, не подняли тревогу. Второй раз ей точно не сбежать.

Она распахнула дверь и ахнула. Перед ней стояла восьмилетняя Марфа, старшая из девочек Степана.

«Пропала я, – мелькнуло в голове Зои. – Сейчас закричит».

Но Марфа кинулась ей навстречу, прижалась всем телом, задрожала, как щеночек. Подняла лицо, залитое слезами, и забормотала:

– Зоинька, Зоинька, бедная ты моя! Тихо, не выходи пока, там мамка пошла к коровнику! Я тебя так ждала, все смотрела, когда же ты вернешься. Нам без тебя плохо, Зоя!

Зоя обхватила ее, уткнулась в чернявую головку, пахнущую воробушком.

– Девочка моя, милая, – она чуть не плакала, – мне бежать надо.

– Я знаю, знаю. Тебя дядька грозился убить. А еще приходил дядя Гриша, сказал, что даст денег тому, кто приведет тебя в село. Я все слышала. За дверью спряталась и слышала. Дядя Гриша на тебе жениться

хочет. Он как бешеный стал: говорит, ты ему в душу плюнула, на посмешище выставила, он тебе жить не даст, если не будешь его женой.

– Ты умничка, Марфуша, умничка моя. Только я за дядю Гришу не пойду.

– И правильно не пойдешь, – с глубокой убежденностью прошептала девочка. – Он слюнявый, хуже Бурана. И глаза как кисель. Ты себе лучше жениха найдешь, Зоинька. Подожди здесь, я мигом...

И исчезла. Зоя осталась ждать.

Марфа появилась очень скоро. В руках у нее был отцовский тулуп на овчине.

– Вот, возьми! Он в сундуке лежал, а ключ батя спрятал. Только я нашла, где он его прячет. Бери, Зоя, тебе на зиму пригодится.

Девушка схватила тулуп, расцеловала Марфушу.

– Милая моя, милая, спасибо тебе! А теперь я побегу.

– Куда денешься-то? – по-взрослому спросила девочка, глотая слезы.

Зоя понимала, что опрометчиво доверять свою тайну восьмилетнему ребенку. Но соврать или отмолчаться не смогла:

– На станцию пойду. Куплю билет на поезд, поеду в Москву. А там видно будет.

Она снова поцеловала племянницу, вытерла ей слезы, не замечая, что плачет сама.

– Зоинька... Ты забери меня, а? – с тоской проговорила Марфа. – Неужели не вернешься?

– Господи, что ты говоришь такое... – забормотала Зоя. – Как же я не вернусь? Обязательно вернусь за тобой. Не плачь, сердечко мое, не плачь... Я в городе работу найду, устроюсь, а как только ты подрастешь, приеду к тебе.

Марфа всхлипнула, вырвалась из ее объятий и распахнула дверь:

– Иди скорее. Да иди же!

И топнула ногой.

Зоя притянула ее к себе, поцеловала в лоб и быстро вышла.

От села до железнодорожной станции – десять километров. Пустяки, дойдет быстро.

Девушка вынула из тюка бечевку, обмотала тулуп, чтобы удобнее было тащить, и свернула в прогон.

Из соседнего двора вслед ей смотрел мальчишка, но Зоя не обратила на него внимания.

На станции она поначалу растерялась. Столько людей! Все с тюками, все толкаются, и запах стоит странный, словно в кузне. Девушка постояла в

уголке, наблюдая, потом напустила на себя независимый вид и подошла к пузану, торговавшему семечками.

– Дядя, вам тулупчик не нужен? Зимой пригодится, на морозе стоять.

Пузан дал ей за тулуп одну пятую его цены, но Зоя об этом не догадывалась. Она уже бежала к кассам, прижимая к себе свой мешок.

И вот – поезд. Господи, какая махина! «Скорее, скорее, – торопила его Зоя, сидя у окна в последнем вагоне, – поехали же, родненький».

Послышался гудок. Девушка бросила взгляд в окно и оцепенела: по перрону, расталкивая народ, пробивался к поезду Григорий Воля. А за ним шли ее братья, оперуполномоченный и еще двое односельчан.

Они залезли в поезд, и тот сразу тронулся. Зоя видела, как Воля махал какими-то бумагами, а оперуполномоченный кивал. «У него все схвачено, все людишки в кулаке», – вспомнилось Зое.

Она вскочила и торопливо направилась в конец вагона.

Поезд набирал скорость. Григорий с помощниками шли по проходам, глядя в лица пассажиров. Первый вагон, второй, третий... Оставался лишь последний. Люди затихали при их появлении. Николай заглядывал под скамьи, бесцеремонно двигал чужие вещи, словно подозревал, что Зойка может спрятаться в чьей-нибудь корзине.

Они обыскали весь поезд, даже на крышу залезли. Но девушку не нашли.

– Нет ее здесь, – разочарованно бросил Воля. – Обманул нас пацаненок. Или ошибся.

Вечером того же дня путевой обходчик Василий Золотарев шел по путям и вдруг услышал стон. Он остановился, прислушиваясь. Стон повторился.

Золотарев сбежал по насыпи вниз, к сломанным кустам. Раздвинул ветки – и ахнул. Там, в кустах, лежала рыжеволосая девушка такой красоты, что Василий не поверил своим глазам.

– Ты откуда здесь, милая?!

Девушка смотрела сквозь него мутными глазами. Присев, Золотарев увидел: правая нога у девицы нехорошо подвернута. Положил руку ей на лоб – и вздрогнул: горячий лоб, ох какой горячий.

Девица схватила его за руку.

– Дедушка... – просипела, – не отдавай меня им! Не отдавай!

Василий тащил ее до будки целый час и только диву давался, как же она со сломанной ногой доползла до кустов. А ведь доползла, спряталась! Значит, очень боялась кого-то.

В домике он уложил бесчувственную девушку на свою постель, нацепил очки и тщательно осмотрел. Перелом закрытый – что ж, уже неплохо. А что это у нас с левой стороны? Ай-яй-яй... Ребро сломано. И не одно, похоже, а целых два.

– В больницу вам надо, барышня, – вынес Золотарев свой вердикт. – Цыплячьи косточки вправлять и сращивать. Эх, не костоправ я, не костоправ!..

...Когда Зоя пришла в себя, то первое, что увидела – кусочек голубого неба за зарешеченным окошком. Неужели она в тюрьме?!

– Пить!

Из горла вырывалось жалкое сипение. Но ее услышали. Над Зоей склонился пожилой мужичок с усталым, обветренным лицом и седой бородой. Он приподнял девушке голову, поднес к губам кружку.

– Пей, милая, пей.

Зоин взгляд заметался по комнатке.

– Ты не бойся, не бойся, – мягко сказал старик. – Никого здесь нет. Это будочка моя, я здесь живу. Один живу, как перст.

Зоя выпила воду, откинулась на подушку. Скосила глаза вниз: под одеялом вместо ноги здоровенный бугор.

– Ты в лангете, – сказал старичок, снова прочитав ее мысли. – Ножку сломала, когда с поезда прыгала. И ребрышки тоже, уж не знаю как. Полежать тебе придется, девица. Как звать тебя, кстати?

– Зоя.

– Хорошее имя. А меня – Василий Иванович. Я местной железнодорожной станции путевой обходчик.

– Это вы мне ногу закрутили?

– Я. И лекарство тебе дал, чтобы ты не проснулась, пока косточки тебе вправляю. Голова от него еще может быть тяжелая. Но это скоро пройдет.

– Вы доктор? – спросила Зоя, вглядываясь в странного старика.

Тот помрачнел, коротко качнул головой:

– Бывший. Давным-давно бывший. Доктором меня звать не надо, я этого не люблю. Зови Василием Ивановичем.

Зоя протянула руку и схватила запястье старика:

– Спасибо вам, Василий Иванович! Спасибо, родненький!

– Спи, – проворчал тот. И как только Зоя уснула, едва голова ее коснулась подушки, добавил: – Родненький... Ишь ты!

Зоя быстро шла на поправку. Через месяц она уже готовила еду, опираясь на самодельные костыли, и звонко пела. Золотарев возвращался с

обхода, слышал ее голос и замирал, закрыв глаза.

Историю девчонки он восстановил без труда, осторожно расспросив людей на станции. По утрам, когда Зоя еще спала, Золотарев придвигал стул к ее кровати, садился рядом и смотрел, стесняясь самого себя.

Господи, красота какая... И ведь никто, кроме него, этого не понимает. Разве что этот Григорий Воля, устроивший целую облаву на невесту, чувствует, что потерял. Должно быть, на него напало умопомрачение, когда он увидел ее во всем сиянии рыжеволосой юности, тонкую, прекрасную, такую живую и светящуюся, как капелька росы под солнечными лучами.

Однажды Зоя открыла глаза и увидела старика, смотрящего на нее тоскливым, полубезумным взглядом. Она испуганно вскрикнула и попыталась закрыться одеялом.

Василий Иванович тяжело вздохнул.

– Зоенька, ты не подумай плохого, – тихо сказал он. – Я прежде не говорил, а сейчас скажу, чтобы тебе дурное не казалось. Дочь у меня была, Маша. Я тогда работал в уездной больничке и очень свою работу любил. Думал, я талантливый врач. Гордился собой. А потом в наш городок пришла эпидемия. Знаешь, что такое эпидемия? Не знаешь, наверное. Это когда такой старый пень, как я, хоронит свою семнадцатилетнюю дочку. А власти наверх рапортуют, что давно уже победили болезнь, и все у нас хорошо, и помощь не нужна. И еще пять тысяч человек умирает, потому что без лекарств, без вакцины мы, доктора, никто! Мы думаем, что многое умеем, но против природы мы пушинки, пыль! И не нам решать, кому жить, кому умереть.

Зоя отбросила одеяло. Страх в ее глазах не осталось – только сочувствие и скорбь.

– Я с этим жить не смог, – продолжал Василий Иванович, сгорбившись и опустив голову. – Какой из меня доктор, если я самое дорогое не сберег... Ушел, уехал, и вот уже пять лет обходчиком работаю. Такой хороший труд, я тебе скажу... Ни одного человека с тобой рядом нет. Никому ты навредить не можешь.

– Василий Иванович, миленький...

– Я ведь мог ее уберечь, Зоя! – внезапно хрипло выкрикнул Золотарев. – Мог увезти до болезни! А я ничего, ничего не сделал!

Он сжал кулаки, тихо застонал. Потом, опомнившись, встал и вышел из домика.

Вернулся Василий только к вечеру и сразу полез в сундук, стоявший в углу. Копался там, бормоча себе под нос, и, наконец, нашел то, что искал.

– Иди сюда, Зоя...

На стол, под качающийся круг света от лампы, выложил бумаги.

– Это документы моей дочери, Марии Золотаревой. Я, когда сбежал из города, захватил и их тоже. Она постарше тебя, но это ничего. В Москве тебе без документов делать нечего. Да и в любом другом месте. Возьмешь, они тебе поначалу сильно жизнь облегчат.

Зоя бросилась к старику, прижалась к нему.

– Второй раз спасаете меня, Василий Иванович! Как я благодарить вас буду?

– Жизнь проживи счастливо – вот это и будет твоя благодарность. А я умру спокойно, зная, что помог тебе.

... Зоя уходила утром, спрятав волосы под платок. На пороге будки обняла старика, троекратно поцеловала.

– Иди, иди, – проворчал тот. – Я тебе там написал, что с ногой делать. Сильно-то ее не напрягай поначалу, польку не танцуй.

– Я вернусь, как только смогу, – твердо сказала Зоя.

– Следи, чтобы документы не стащили у тебя, – будто не слыша, наставлял Золотарев. – Денег у тебя в обрез, а вид доверчивый – опасайся жулья. Все, шагай на станцию!

– Я за вами вернусь, – повторила Зоя.

– Глупостей не говори. Нам с тобой больше не свидеться, да и незачем. Зоя вскинула на него огромные свои карие глазищи.

– Я, батюшка, за вами вернусь, – третий раз сказала она.

Василий Золотарев ухватился за стену, чтобы не упасть.

– Я без отца четырнадцать лет жила, – тихо проговорила Зоя. – У меня никого нет, кроме вас и девчонок малолетних. Говорите, что хотите, а я за вами приеду.

Она повернулась и пошла к станции, чуть прихрамывая на правую ногу.

Василий Иванович Золотарев погиб под Смоленском в начале войны. Увидеться с Зоей они так и не успели.

...Десять лет спустя, в теплый майский день с поезда на станции «Знаменка» сошла молодая женщина. До села ее подвезла попутная машина. Шофер искоса посматривал на пассажирку, лицо которой показалось ему смутно знакомым. Но заговорить с ней так и не решился, хотя слыл в селе балагуром и трепачом.

Женщина попросила высадить ее у дома Олейниковых. Шофер знал их семью. Обоим братьям повезло живыми вернуться с войны. В селе их не любили за грубость, жестокость и изворотливость, а рассказам Кольки и

Степана про военные будни не верили ни на копейку.

Шофер сделал вид, что возится с заглохшей машиной, а сам с любопытством приглядывался к приезжей. Не успела она подойти к калитке, как навстречу выбежали две девушки. Одна – сухая, некрасивая, черноволосая – мельком взглянула на женщину...

И вдруг поменялась в лице, прижала ладонь к губам.

– Господи... Зоя!

– Марфа! Оленька!

Рыжая, смеясь и плача, прижала к себе обеих девушек.

На крики выскочил Степан, за ним Николай, и оба замерли в растерянности. Первым пришел в себя старший брат: оскалился и вразвалочку двинулся к приезжей.

«Сейчас ударит ее, – вдруг отчетливо понял шофер. – Вон, аж рыло у него свело от злобы».

Женщина подняла голову, отстранила девушек. И шагнула навстречу Степану.

– Только тронь! – донеслось до шофера.

Глаза у рыжей стали страшные, того гляди испепелит взглядом. Даже шофер оробел, хотя она на него вовсе не смотрела.

И Степан резко развернулся и скрылся во дворе. Николай потоптался-потоптался и сделал вид, будто просто так вышел, воздухом подышать.

А из дома уже летели навстречу гостье еще две девушки. С криками облепили ее, будто маленькие. И перед глазами шофера вдруг встала сцена десятилетней давности: рыжая деваха, тощая, большеглазая, возится с чернявыми девчушками мал-мала меньше.

Тут-то он и понял, кого подвозил. А ведь говорили в селе про Зою, что она утопилась, и даже тело нашли ниже по течению. Жива, значит...

– Мы ведь думали, Зоя, что ты погибла, – плакала Людмила, младшая из девочек Степана. – Не ждали тебя!

– Кто не ждал, а кто и ждал, – загадочно бросила Марфа. – За себя говори, а за всех не надо.

– Так ты им ничего не сказала! – догадалась Зоя. – Неужели молчала с того самого дня?!

– Я подумала, пускай лучше считают, что ты умерла.

Марфа подняла на Зою заплаканные глаза и вдруг улыбнулась:

– А про тулуп-то отец так и не дознался, куда пропал. Пригодился он тебе?

– Конечно, милая. Я его продала и билет на поезд купила. Правда,

ехать тем поездом мне так и не довелось, но это долгая история.

Зоя почувствовала чей-то взгляд. Из дома, прилипнув носами к окнам, на нее смотрели Степан, Надежда, Николай и Алевтина. Словно призраки прошлого... Но больше она их не боялась.

Зоя увлекла племянниц за собой:

– Идемте со мной, дорогие мои девочки. Нам с вами о многом надо поговорить.

Сидя на берегу реки неподалеку от того места, где она пряталась от братьев и Гришки-парторга, Зоя рассказывала свою историю.

После того как она приехала в Москву, ей повезло: почти сразу она устроилась работать няней к двухлетней девочке.

– Поразительная была семья, такая душевная! Инна Павловна меня случайно в парке встретила, она там с внучкой гуляла, а я сидела на скамеечке и думала, куда мне податься. С вокзала вышла, а куда дальше идти, не знаю. А город вокруг, девочки мои, такой огромный! Я пошла, куда глаза глядят, и вышла к парку.

Там малюсенькая девчоночка ко мне подскочила и давай со мной играть. А я с ней, как с вами когда-то. Бабушка ее расспросила меня – кто я и как в Москве оказалась – и вдруг предложила у них поработать. Я, конечно, обрадовалась. Но тогда и представить не могла, какая это удача – встретить на своем пути такую семью.

Инна Павловна мне все твердила: «У вас, Зоя, неожиданный и редкий для женщины талант – вы прирожденный чертежник». Она меня и в институт отправила. А потом к ней в гости приехал племянник из Куйбышева...

Зоя замолчала, улыбаясь.

– И ты в него влюбилась! – радостно закончила Людмила.

– Да. Мы с ним собирались пожениться, но тут началась война. Пришлось сыграть свадьбу позже, чем задумывали.

Она подмигнула Людке.

Зоя не рассказала племянницам, как погибли при бомбежке Инна Павловна и ее муж, как получила она похоронку на жениха и оплакала его, а Сережа вернулся через три месяца: похоронка оказалась ошибкой.

В Зоинном изложении жизнь получалась как река, которая сама выносила ее к нужным берегам. И одна из сестер, Рая, тут же озвучила общее мнение:

– Ты, Зой, ужас какая везучая!

Все согласились. И сама Зоя, с тихой улыбкой глядя на лес за спинами

девочек, в котором она когда-то засыпала, уткнувшись лицом в высохший папоротник, тихо подвывая от боли и одиночества, согласилась:

– И правда везучая.

.....

– Она дожила всего лишь до пятидесяти лет, – сказала Анна. – Сколько я себя помню, вечно возилась с этими своими родственниками. Кого-то пристраивала по больницам, кому-то искала работу... Она, архитектор! А эти даже не понимали, как далеко Зоя ушла от них. Она таскала меня к ним в гости. У этих колхозных теток не было салфеток на столах! Они чавкали, они выпивали, они не соблюдали элементарной бытовой гигиены, в конце концов! А мама не понимала, что это родство унижает нас.

– Но она их любила.

Мать пожала плечами, точно выражая сожаление.

– У нее была поразительная способность втягивать самых разных людей в свою орбиту. Она заставила меня пообещать, что я назову свою дочь в честь дочери обходчика, который спрятал ее после побега. Мне было тринадцать лет, когда она завела этот разговор! И ведь ни секунды не сомневалась, что у меня будет девочка, а не мальчик!

– Но бабушка же не ошиблась?

Анна отмахнулась:

– А, неважно! Эту ее просьбу я выполнила. Но общаться с ее родней – боже упаси! Сразу после переезда я выкинула все их телефоны и адреса, не оставив своего. Поэтому никто из этих теток с чудовищными именами вроде Капитолины не мог разыскать меня.

– Алевтины, – негромко сказала Маша.

– Что?

– Алевтины, а не Капитолины. Это жена Николая. У нее были две дочери, Ирина и Рая. Все они уже умерли.

– Возможно, – равнодушно согласилась мать. – Хотя какая, в сущности, разница?

– Мне есть разница, – сказала Маша. – Я предпочла бы застать их живыми и составить свое собственное впечатление о них.

– И ты упрекаешь меня в том, что я лишила тебя такой возможности? Не буду спорить. Но я считаю, что избавила нас от обременительной родни. Ты еще скажешь мне спасибо за то, что почти тридцать лет прожила в счастливом неведении.

Маша обежала взглядом картины с безлюдным городом. Нет, он не опустел... В нем никогда никто и не жил. Невозможно представить, чтобы

за нарисованными желтыми окнами кто-то пил чай и смотрел телевизор, а за углом нарисованного дома только что скрылись дети.

Ни детей, ни людей, ни животных... Присутствие лишь одного человека явственно читалось в полотнах: самого художника.

Уже выходя, Маша обернулась:

– Я на нее похожа?

Анна осуждающе поджала губы:

– Очень.

В самолете Маша вытащила тетрадь и нарисовала семейное древо. До сих пор его единственная ветка обрывалась на бабушке Зое. Теперь у корней расположились имена Михаила и Татьяны, а влево и вправо проросли толстые, крепкие побеги: Степан и Николай с женами. Карандаш быстро скользил по листу. В тетради проявлялись угрюмые обвисшие лица, смотревшие на Машу с ненавистью. Была бы их воля, обломали бы тонкую Зоину ветку под самый корень.

Маша обнаружила, что помнит всех, кто был в списке Олеси. Вот пять дочерей Степана: Марфа, Ольга, Вера, Наталья и Людмила. Все они с помощью Марфы выбрались из села. Кроме Ольги: та не бросила «Знаменское» и замуж не вышла. Эта веточка обломилась на ней.

У Люды, Веры и Наташи родилось всего по одному ребенку. Удивительно, учитывая, что сами они выросли в многодетной семье. «А может, потому и родили только по одному».

Людмила родила без мужа, и сына ее зовут Матвей Олейников. Он единственный, кто сохранил фамилию рода. Вера с Наташей вышли замуж, и одна стала Коровкиной, а другая Освальд. Их дети – Геннадий и Марк. Но Марк уже умер...

Значит, и линия Натальи оборвалась, если только у Марка Освальда нет детей. Но о них Олесины раскопки ничего не говорили.

Теперь Николай. Рука Маши сама пририсовала ему кабаньи клыки... Жена Николая родила двоих девочек, Ирину и Раису, и у каждой имеется по сыну. Маша изобразила двух похожих мужчин с усиками, подписала: «Борис Ярошкевич», «Иннокентий Анциферов». Борис и Иннокентий вышли похожими на гусар. Кажется, она никого не забыла...

Ах, нет же, она забыла Марфу, старшую дочь Степана! Ту самую девочку, которая помогла бежать Зое. Она – единственная, кто остался в живых из этого поколения. Все ее сестры, и родные, и двоюродные, умерли.

Занятно: в среднем поколении рождались только женщины, а в

младшем – одни мужчины. И она, Маша, единственная девочка среди них.

– Здорово вы рисуете! – заметил сосед, заглянув Маше через плечо. – Учились?

– Нет, само получается, – рассеянно ответила она.

– Значит, в роду был художник, – авторитетно заверил сосед. – У вас его гены режутся.

Вернувшись в Москву, Маша достала из сумки рисунок с деревом. «Гены режутся...» Что бы ни говорила мать, эти люди знали ее бабушку, умершую еще до Машиного рождения.

«Позвони, – шепнул внутренний голос, – чего ты боишься?»

Немного поколебавшись, Маша позвонила в справочную.

А час спустя, волнуясь, не попадая с первого раза по кнопкам телефона, набирала номер Марфы Олейниковой.

– Слушаю вас! – ответил бодрый старческий голос. Маша никогда бы не сказала, что его обладательнице без малого восемьдесят лет.

– Здравствуйте. Меня зовут Мария Успенская. Могу я поговорить с Марфой Степановной?

– Это я. Слушаю, голубушка, слушаю... – подбодрили ее.

– Марфа Степановна, вы меня не знаете...

– Зоя? – вдруг перебила Олейникова изменившимся голосом.

Маша оторопела.

– Я... Да, я ее внучка!

В трубке глубоко вздохнули.

– Ну, слава богу! – облегченно сказала Марфа Олейникова. – Я уж думала, ты не позвонишь.

Глава 3

Второй раз Маша вновь проснулась от стука. Но за окном уже стемнело, и ветер нес в приоткрытое окно не кукареканье петуха и ожесточенный стрекот кузнечиков, а вечерний шелест трав.

– Надеюсь, это не кот, – пробормотала Маша, мотая головой, чтобы стряхнуть остатки сна. Долго же она проспала, не меньше шести часов...

За дверью стояла Марфа Степановна.

– Выспалась? – ласково спросила она. – Все уже собрались, только тебя и ждут. Пойдем вниз, красавица.

Маша представила этих всех, которые только ее и ждут, и попятилась от Олейниковой. Подождите, она еще не готова! Ей нужно прийти в себя и настроиться!

– Я сейчас переоденусь и спущусь, – стараясь говорить твердо,

пообещала Маша. – Десять минут, Марфа Степановна, и я буду готова со всеми познакомиться.

– Ерунда, – прервала старуха, – пойдём-ка, милая, и не упрямясь. Ты и так одета!

«В потертые джинсы и старую футболку!»

Марфа цепко ухватила девушку чуть повыше локтя и увлекла за собой. Маша, от удивления растерявшая способность к сопротивлению, пошла бы безропотно, но взгляд ее упал на зеркало. Зеркало злорадно, без всяких прикрас, показало ее отражение.

Маша немедленно растопырилась во все стороны, как осьминог, лишь бы не дать вытащить себя из комнаты, и застряла в дверях.

– Что такое? – возмутилась старуха.

– Марфа Степановна, честное слово, я не могу в таком виде показываться людям! У меня воронье гнездо на голове! Я не накрашена!

– Меньше о суетном думай, больше о душе! – строго посоветовала хозяйка.

От удивления Маша выпустила косяк и тут же оказалась в коридоре. Дверь за ней с треском захлопнулась. Не оставалось ничего другого, как идти следом за Олейниковой, надеясь, что в комнате будет темно и ее никто толком не разглядит.

Но когда Успенская с лестницы увидела залу, она поняла, что отсидеться в темном уголке не получится. Не в этот раз.

Над длинным обеденным столом висели четыре кованые лампы с изогнутыми рожками, и в каждом рожке сияло по три ярких стеклянных «свечи». Марфа Степановна не экономила на электричестве.

– Прошу любить и жаловать, – зычно объявила хозяйка с лестницы, и все сидящие за столом, как один, взглянули вверх. – Вот и Мария, о которой я вам рассказывала. Внучка Зои.

Она отодвинулась к стене, освобождая проход, и Маша вынуждена была протиснуться мимо нее.

Странная вышла сцена: по лестнице спускается молодая женщина, словно гостья, опоздавшая на бал, а пирующие взирают на нее снизу, разве что не перешептываясь между собой. «Мне не хватает шуршащего платья с тугим корсетом», – чуть отстраненно подумала Маша, преодолевая ступеньку за ступенькой.

Она всегда стеснялась, когда на нее смотрели. В оркестре Маша ощущала себя лишь приложением к флейте, удачным дополнением к инструменту, и взгляды зрителей не тревожили ее. Без флейты музыкант исчезал, оставался человек наедине с чужим любопытством.

«Любопытство!» Маша ухватилась за это спасительное слово. Не только они, семь человек, собравшихся вокруг дубового стола, имеют право смотреть на нее изучающе, но и она на них.

Маша на секунду остановилась на последней ступеньке и обвела взглядом собравшихся.

Трое из семерых ей знакомы: смешной худенький Гена Коровкин, его милая жена и высокомерный Борис Ярошкевич.

Четверых Маша видела первый раз в жизни.

Ближе всех к ней – высокий худой мужчина в белой рубахе-косоворотке, с жидкими волосами, зачесанными назад, и обвисшими дряблыми щеками. Зато нос – ровный, практически римский. На подбородке вьется козлиная бородка. Наверное, в молодости считался красавцем, но сейчас выглядит несколько...

«Потасканным», – подсказал внутренний голос.

Козлобородый, наморщив нос, нервно постукивал пальцами по столу.

Слева от него – молодая девушка в светлом платье, нежная, как ландыш, с гладким белым личиком. При взгляде на нее в голову приходили мысли о деревне, сенокосе, васильковых венках и отпечатках босых ног на песчаной дороге.

Лицо девушки поразило Успенскую тем, что ничего не выражало, хотя взгляд голубых глаз был устремлен прямо на Машу. Казалось, она к чему-то прислушивается. Такой взгляд бывает у слепых, и на секунду Маше стало не по себе.

Напротив девушки, откинувшись на спинку стула и забросив ногу на ногу, сидела загорелая женщина с безупречно белыми, как лен, волосами. Полная противоположность девушке-ландышу. «Про таких, наверное, говорят: притягательна, как грех», – подумала Маша, с интересом разглядывая ее. Женщина-сияние. Пухлые губы блестят, и в сощуренных глазах блеск, и вся она точно надкушенная спелая груша, исходящая соком из обнажившейся золотистой нежной плоти.

Тонкое белое платье с глубоким вырезом оттеняло загар. И недвусмысленно подчеркивало формы: взгляд проваливался в ложбинку между двумя высокими полукружьями груди. На ногах женщины поблескивали золотистые босоножки, по последнему слову моды зашнурованные выше лодыжек. Шнурки, точно змеи, обвивали тонкие щиколотки.

Легкомысленный городской наряд был неуместен в избе, но женщину, похоже, это не волновало. «Ее трудно чем-либо смутить, – решила Успенская. – Она сама смутит кого угодно».

Блондинка изучала Машу очень пристально, по-кошачьи сузив глаза.

А вот темноволосый мужчина, сидевший рядом с ней, Машей вовсе не заинтересовался. Он смотрел на Марфу Степановну, и Успенской показалось, что в глазах его читается вопрос. Лет сорока, высокий и грузный, словно боксер-тяжеловес. И нос переломан и искривлен, как у боксера. Волосы по-мальчишески взъерошены. «Жерар Депардье, – подвернулось Маше подходящее сравнение. – Только обрусевший». Самым забавным в его облике была рубашка – нежного розового оттенка, который любят молодые менеджеры. Маша невольно улыбнулась, подумав, что этому типу больше подошли бы шкуры или бойцовские белые майки.

«Депардье» соизволил наконец перевести взгляд на нее. Мрачный, недобрый, предостерегающий взгляд. Люди в рубашках нежно-розового цвета не должны смотреть как некормленные тигры.

– Здравствуйте, – от неожиданности сказала Маша. (Вышло так, как будто она здороваается персонально с ним). К счастью, голос прозвучал мягко и не выдал, как сжата она внутри. – Мне очень приятно познакомиться с вами. С некоторыми даже второй раз.

И улыбнулась чете Коровкиных.

– Я тебе сейчас всех назову, – сказала очень вовремя подошедшая Марфа. – А ты смотри и запоминай. Вот перед тобой, – она показала на козлобородого, – Иннокентий Анциферов. Напротив – Борис, с ним ты уже виделась.

Иннокентий привстал и поклонился, Борис даже не шевельнулся. «А я-то представляла их гусарами!»

– Иннокентий в этот раз жену привез с собой, – продолжала старуха. – Правильно сделал, пускай девочка входит в семью. Вот она, наша Нюта!

– Здравствуйте, – улыбнулась голубоглазая девушка.

«Этот юный цветочек – жена козлобородого? – ахнула Маша про себя. – Вот это да... Ай да Иннокентий Анциферов».

Девушка отодвинулась от стола и сложила ладошки на круглом, как мячик, животе, туго обтянутом платьем. Тотчас стала понятна отрешенность Нюты, ее взгляд, углубленный в себя. «Судя по животу, у нее седьмой месяц, не меньше».

– Теперь смотри сюда! – Старуха довольно бесцеремонно дернула Успенскую за руку. – Ева, жена покойного Марка, упокой господь его душу. – Она перекрестилась.

Женщина с льяными волосами кивнула Маше.

– Геннадий с женой своей, Леной, – продолжала Марфа, указывая на Коровкиных. – А это мой последний племянник, – с гордостью представила

она, указывая на темноволосого, – Матвей.

– Приятно познакомиться. – Мужчина с перебитым носом улыбнулся одними глазами.

Так вот это кто: Матвей Олейников, сын Людмилы, младшей сестры Марфы Степановны. Неудивительно, что Олейникова гордится им: он продолжатель рода, единственный, кто сохранил наследственную фамилию.

Удивило Машу другое: во взглядах троих гостей из семерых сквозила враждебность. У Бориса Ярошкевича – ничем не замаскированная, у Евы Освальд скрытая за милой улыбкой, и, тем не менее, заметная. Третьим, кто взирал на Машу с откровенным недовольством, был высокий немолодой красавец с бородкой – Иннокентий Анциферов.

– Садись! – старуха подвела Машу к свободному стулу, а сама встала во главе стола. – Что ж, теперь все в сборе, можно и к делу перейти. Почти все вы знаете, что я собрала вас здесь не просто так.

Маша насторожилась. Конечно, не просто так. Они собрались, чтобы отметить юбилей Марфы: тринадцатого июня ей исполнилось восемьдесят. Но что-то в голосе старухи наводило на мысль, что предметом разговора будет вовсе не праздник.

И собравшиеся – Маша только теперь поняла это – слишком серьезны. Разве что Иннокентий загадочно улыбается, будто предвкушая нечто приятное.

– Я пригласила вас всех, чтобы решить важный вопрос, – продолжала Марфа Степановна. – Начну с того, что три года назад я вышла замуж.

– И ничего нам не сказали! – тут же укоризненно заметил Анциферов, глядя на Олейникову преданными влажными глазами.

– Сказала, когда приглашала на юбилей.

– Всего лишь две недели назад! Почему же не сразу?

– А ты, голубчик, в то время не особенно интересовался моей жизнью, – осадила его Марфа. – С моего семидесятилетия и не позвонил ни разу, не справился, как мое здоровье!

Иннокентий пробормотал, что травма, нанесенная ему, оказалась слишком сильна, чтобы...

– Так я буду говорить или ты? – недобро сощурилась Марфа. – Травмированный ты наш!

Анциферов смолк и перестал улыбаться.

– Так вот, сподобил меня Иисус на старости лет найти себе мужа. Муж мой, Яков Семенович, был мужчина умный и скопил небольшое состояние. Распоряжался он им грамотно, деньги вкладывал в дело, но кое-что и для

души оставлял. Под конец жизни Яков Семенович владел фабрикой в Пензе, на которой производят шины, двумя типографиями в Минске и в Подмосковье, еще имел акции разных прибыльных предприятий. А для души держал заводик орловских рысаков. Домик вот этот для меня построил, опять же. Хорошо мы с ним жили, душа в душу... Жаль, недолго.

Марфа вздохнула и смахнула невидимую слезу.

– Год назад Якова Семеновича призвал к себе Господь. Детей у него не было, родители давно в могиле, поэтому все имущество дорогого Якова перешло ко мне.

– И заводик орловских рысаков? – вдруг тоненько спросила Нюта.

– И он тоже, – кивнула Марфа. – Говорю вам, все. И акции, и вклады, и черт его разберет, что еще.

Она вдруг быстрым движением перекрестила рот и сплюнула три раза через левое плечо.

«Черта помянула!» – догадалась Маша.

– Вот уже полгода как я вступила в права наследования, – с расстановкой проговорила Марфа Степановна, – и ни дня не проходило, чтобы я не задумывалась: достойна ли я того богатства, что оставил мне Яков? Для чего Господь судил именно мне стать его преемницей? Ночи я проводила в молитвах, а днем размышляла, надеясь, что Господь в милости своей не оставит меня без ответа. Даже в Свято-Троицкий монастырь сходила паломницей. И там мне открылась истина!

Старуха сделала паузу, давая родственникам время осмыслить сказанное.

– Какая же истина? – не выдержала Ева Освальд. – Что вам открылось, Марфа Степановна?

– Что ноша сия не для меня и не по мне. Ибо сказано в Евангелии: легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное. Деньги ведут к соблазнам, и только стойкий духом может избежать их и использовать богатство во благо людям. Быть может, и я оказалась бы способна на это... Но мне восемьдесят лет. Сколько еще отпущено Богом – мне неизвестно. Не хочу остаток жизни провести, пересчитывая накопленное. Мне самой на жизнь многого не нужно: в моем возрасте уже потребна душе и телу аскеза. Поэтому я подумала и рассудила так...

Марфа оглядела сидящих за столом, будто желая убедиться, что ее слушают. Все глаза были устремлены на нее. Они слушали, и еще как!

И Олейникова закончила:

– Что наследство мое я передам одному из вас. Выберу

достойнейшего, и пусть он сам решает, что делать с накоплениями Якова. Ни в чем препятствовать не стану, все имущество по дарственной перепису на него. А я, душу облегчив, смогу в монастырь уйти, в Свято-Троицкий. Я уже договорилась с настоятельницей: за небольшую мзду меня туда примут, и доживу я дни свои у Господа под крылом.

Марфа Степановна перекрестилась и благочестиво склонила голову.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Даже за окном стало очень тихо.

«Они меня разыгрывают, – сказал кто-то в Машинной голове. – Не может быть, чтобы все это было всерьез!»

Но быстрый осмотр всех сидящих за столом убедил ее, что это не шутка. Они тоже были изумлены.

Иннокентий переглянулся с женой, и Нюта ответила ему недоумевающим взглядом. Ева не сводила со старухи расширенных глаз. Гена Коровкин с женой сидели с открытыми ртами, и вид у них был довольно глупый. Борис часто моргал, как будто его только что разбудили.

Матвей Олейников наклонился вперед:

– Тетя Марфа, мы вас правильно поняли? Вы хотите при жизни передать все имущество одному из нас?

– Ну конечно, – ворчливо ответила старуха, – что тут непонятного? Я же вам еще по телефону все рассказала!

– Вы рассказали, что вышли замуж и овдовели, – промямлил Гена. – Мы и подумать не могли...

– Э-э, нет! – старуха хитро ухмыльнулась. – Не только о вдовстве я рассказала. Еще я упомянула, что покойный муж оставил мне наследство. Не скажи я об этом, никто из вас и не подумал бы появиться сегодня здесь.

Раздался хор протестующих голосов. Но старуха оборвала его одним взмахом руки:

– Может, двое-трое и приехали бы... И не стали бы ссылаться на дела. – Выразительный взгляд на Матвея. – Но мне нужны все вы! Дорогие мои племяннички, я хотела взглянуть на каждого из вас, чтобы точно знать, что не ошиблась с выбором.

– Так вы уже определились?! – Борис Ярошкевич привстал от волнения.

– Конечно же нет! Должно быть, я неправильно выразилась. Выбор мне только предстоит. Большинство из вас я видела десять лет назад, а за десять лет люди сильно меняются. Я ведь не кролика отдаю и не кошку! Я хочу передать все и спать спокойно, зная, что сбережения Якова в надежных руках. Что их не пустят по ветру, но и не употребят лишь для

собственного обогащения.

– А критерии? – рискнул подать голос Иннокентий. – Как вы будете отбирать... претендента?

– Об этом вам знать незачем! – заявила Марфа.

– То есть как? Как же это...

– А вот так. Буду слушать голос свой внутренний и тот, что со мной с небес говорит.

На лице Иннокентия Анциферова явственно выразилось сомнение в способности небесного голоса нашептывать тетушке что-нибудь конструктивное в такой деликатной области, как распоряжение финансами. Да и остальные, судя по вытянувшимся лицам, были обескуражены.

– Тетя Марфа, вы над нами шутите, – внезапно сказал Матвей.

Борис и Геннадий утвердительно кивнули. Конечно же, тетушка шутит.

– Я так и знала, что среди вас найдется Фома неверующий! – старуха выглядела почти довольной. – Поэтому запаслась доказательствами.

Она подошла к старому комоду и вынула из ящика пакет. Небрежно бросила его на стол. Несколько секунд никто не решался протянуть руку. Наконец Борис, нервно проведя ладонью по бритому затылку, подвинул его к себе.

Пока он листал бумаги, все молчали. Первым не выдержал Иннокентий:

– Что там? Ну, что?

Ярошкевич поднял на него глаза.

– Сам посмотри.

– Я в этом ничего не понимаю!

– Дайте мне! – вмешалась Ева. – Ну, дайте же!

Она схватила документы и впилась в них взглядом. Зашуршали листы, которые женщина откладывала в сторону, пробежав глазами.

Марфа Степановна опустилась на стул и сидела неподвижно, словно высеченный из камня идол. Руки спрятала в карманы лоскутного фартука и смотрела перед собой, строго поджав губы.

– Все правильно, – изменившимся голосом проговорила Ева. – Марфа Степановна действительно собственница всего, что перечислила.

– Собственница, но лишь временно, – поправила Марфа. – Вот найду хозяина этим деньгам и все передам ему.

По комнате пронесся еле слышный вздох. На секунду Маше показалось, что она слышит мысли, повисшие в загустевшем воздухе.

«Старуха совсем съехала крышей. Свихнулась на почве религии, ударила в православие».

«Черт, все правда... Она богата!»

«Какой же я идиот... Надо было приехать к ней раньше. Обтяпали бы дельце втихую, без этих глупостей с самым достойным».

«Нас не так много... У меня есть шанс!»

«Господи, сколько денег... Этого не может быть!»

Маша даже зажмурилась, чтобы прогнать голоса, витавшие в воздухе.

Когда она открыла глаза, Иннокентий дрожащими руками надевал очки в золотой оправе. Ева нервно накручивала на палец белокурый локон.

Гена Коровкин, точно проснувшись, придвинул к себе чашку с чаем и одним глотком осушил ее. Похоже, он даже не заметил, что именно выпил. Жена что-то шептала ему на ухо. Матвей Олейников сгреб бумаги и внимательно изучал их, покусывая губы. Борис с Нютой погрузились в размышления и сидели с отсутствующим видом.

Маша ожидала от встречи всего, что угодно, но только не этого. Теперь стало ясно, отчего так неприязненно и молчаливо встретили ее новые родственники: опасались, что появился новый претендент на наследство.

«Но они могут не волноваться, – подумала Маша. – Каждому ясно, что Олейникова остановит свой выбор на ком-то из тех, кого знает всю жизнь. Но как же это все странно и неожиданно...»

Марфа Степановна хлопнула ладонью по столу, прервав молчание:

– Ну что, все убедились, что я вам не сказки рассказываю? И не сошла с ума на девятом десятке? А, Иннокентий?

Анциферов вздрогнул и дернул себя за бородку, словно желая проснуться.

– Мы, конечно, сразу поверили, – пробормотал он. – Правда, скажу честно, решили, что Светицкий оставил вам кругленькую сумму на старость... Не думали, что все имущество.

«Светицкий – это ее покойный муж, – сообразила Маша. – Значит, Анциферов навел справки, прежде чем приехать».

Та же самая мысль пришла в голову Еве Освальд, потому что она тряхнула белой гривой и насмешливо поинтересовалась:

– Что, Иннокентий, провели проверку, да?

– А что такого? – вскинулся Анциферов. – Конечно, когда тетя Марфа сказала, что вышла замуж, я заинтересовался ее супругом! Это естественное человеческое любопытство! И потом, простите, тетя Марфа, но я, не скрою, был удивлен, услышав, что вы обрели мужа в семьдесят с лишним лет. Согласитесь, довольно почтенный возраст для брака! Я опасался, не обманул ли вас молодой аферист.

Ева насмешливо фыркнула.

– Именно так! – воинственно заявил Иннокентий. – Мало ли вокруг бездельников, покушающихся на чужое жилье. Я счел своим долгом навести справки. И узнал, что господин Светицкий обладал безупречной деловой репутацией. И к тому же – простите, тетя – был уже немолод.

Нюта успокаивающе погладила его по плечу.

– Поздновато ты решил наводить справки о молодом аферисте, – усмехнулся Борис. – Когда он уже скончался.

– И рад бы раньше, но ведь тетя Марфа скрыла от нас факт своего замужества! – парировал Анциферов. – Я узнал обо всем уже с запозданием, так сказать. Поэтому ваши намеки неуместны!

– Хорошо-хорошо! – Ева подняла руки, сдаваясь. – Мы поняли, что вами двигала только забота о Марфе Степановне.

Она переглянулась с Борисом и подмигнула ему.

Это подмигивание вывело Иннокентия из себя. Он расплылся в улыбочке, не предвещавшей ничего хорошего, и обратился к Олейниковой:

– Тетя Марфа, вы ведь сказали, что будете выбирать из родственников? Вот и всплыл один критерий: значит, смогут участвовать только мужчины. Женщины у вас в наследниках не водятся!

И зло сверкнул глазами из-под очков на Еву.

– Теперь водятся, – тихо сказал Коровкин, взглянув на Машу.

Анциферов только отмахнулся: эта не в счет!

– Надо бы еще проверить, что там за родственные связи такие, – пробормотал он. – Документики посмотреть. В соответствующих органах поинтересоваться. А то один телефонный разговор ничего не подтверждает. Кто угодно может мне позвонить и навязать себя в качестве родственницы!

Маше стало и смешно, и противно.

Она действительно раздобыла телефон Анциферова и позвонила на другой день после разговора с Марфой Степановной, почему-то решив, что ее ждет такой же теплый прием. Но Иннокентий, выслушав объяснения об открывшемся родстве, сдержанно выразил удивление по поводу обретения троюродной племянницы и решительно распрощался.

«Значит, это называлось „навязывать себя в качестве родственницы“?» – разозлившись, подумала Маша, решив не спускать Анциферову такой наглости.

Но ответить она не успела – ее опередила Ева.

– Меня, уважаемый Иннокентий, пригласила Марфа Степановна, – с лучезарной улыбкой, от которой Анциферова перекосило, поведала она.

Тот вопросительно взглянул на тетю.

– Ева у меня вместо Марка, – кивнула та, и Иннокентий сник. – Хоть

замена и неравноценная.

Теперь настал черед Евы прикусить язык.

– Вы меня спрашивали, – Марфа повысила голос, – как я выберу самого достойного! Таиться не стану: я собираюсь неделю посмотреть за вами, родные мои, понаблюдать, проверить вас кое в чем. Есть у меня несколько задумок...

– Каких задумок? – тут же спросил Борис.

– Узнаешь в свое время, – загадочно ответила старуха.

– Но неделя – это очень долго... – жалобно протянула Нюта.

– Кому долго, тот может уехать в любую минуту. Я здесь насильно никого не держу. Мне же легче будет выбирать из *оставшихся*.

По дружному молчанию Маша поняла, что *оставшимися* будут все.

Олейникова удовлетворенно кивнула.

– А пока разговоры окончены, помогите-ка мне накрыть стол к ужину.

Все поднялись и, толпясь, отправились на кухню, излучая притворный энтузиазм.

Ужин был прост и вместе с тем бесподобен: отварная картошка с укропом, над которой поднимался ароматный пар, и куски мяса в горшках, запеченные в духовке. Мясо плавало в собственном соку и пахло так, что Маша, открыв крышку, едва удержалась от искушения вытащить здоровенный ломоть руками и обкусывать его со всех сторон, словно дикарь, дорвавшийся до добычи.

А Марфа уже доставала из трехлитровой банки упирающиеся пупырчатые огурчики, выкладывала на блюдо один к одному. За огурчиками из банок последовали блестящие грузди, лопающиеся от натуги помидоры, пестрое лечо.

Маша давно отвыкла от вкуса настоящей картошки. На рынке и в магазинах ей попадались только аккуратные, безупречные и безвкусные, как картон, клубни, и лишь изредка удавалось купить то, что напоминало картошку, которую она ела в детстве. Но блюдо Марфы было превосходным.

– Молодой картошечки еще нет, – развела руками Олейникова, – не сердитесь, буду потчевать вас прошлогодним урожаем.

Никто и не думал сердиться. Даже Ева Освальд, с сомнением глядевшая на угощение, в конце концов не устояла и, бормоча себе под нос: «прощай, диета, здравствуй, целлюлит» – осторожно положила на тарелку две картошины.

Все словно сговорились не упоминать о том, что собрало их вместе. За

ужином никто не говорил ни о наследстве Марфы Степановны, ни о ее странном решении. Даже Иннокентий и Ева мило улыбались друг другу и болтали о пустяках. Лена расспрашивала Машу о ее работе, Матвей обсуждал с Коровкиным какой-то новый компьютерный вирус, а Борис Ярошкевич интересовался у Марфы, сколько человек помогает ей справляться с хозяйством.

Почти идеальное семейное торжество.

– Я наняла троих, – донесся до Маши ответ Олейниковой. – Нет, не из деревни. Местные мужички ленивые и безрукие. Им сколько ни заплати, все одно работать не будут.

– Где же вы своих работников нашли?

– Дала объявление в газету, все честь по чести: требуются работающие, непьющие, бессемейные. Жилье предоставлю, платить стану исправно. Приезжали ко мне разные люди, я с каждым поговорила, совета у высших сил испросила и, помолясь, определила к себе в помощницы трех женщин.

– Как – женщин? – изумилась Нюта.

– А вот так. Рассудила, что если баба решила приехать, значит, положение ее совсем отчаянное. И работать она будет не за страх, а за совесть. Так оно и вышло. Помощницы у меня крепкие, рукастые, непьющие и за любое дело берущиеся.

– И где же они сейчас? – любопытствовал Иннокентий. – Почему мы их не видели?

– А я их по домам пока отправила, в отпуск, – отозвалась старуха. – На ближайшую неделю они мне здесь ни к чему. У меня другие помощники будут.

На миг наступило неловкое молчание, которое прервал Матвей.

– А как у вас, тетя Марфа, с теплицами обстоят дела? – спросил он.

И все вздохнули с облегчением: напоминание о предстоящем соперничестве больше не омрачало вечер.

После ужина Маша вышла на крыльцо. Ей хотелось разобраться в собственных ощущениях, разложить их по полочкам, но ничего не получалось: в голове оставалась мешанина из впечатлений от лиц, взглядов, слов, приправленная удивлением.

«Пропrocаться бы сейчас, сесть в машину и уехать, невзирая на темень, – промелькнула вдруг мысль. – А эти пускай разбираются, кого осчастливит Марфа Степановна».

«И правильно, – одобрительно произнес в голове голос матери. – Жили без этих людей почти тридцать лет и еще столько же проживем. Чужие, странные – для чего они нам? Лучше бы так и оставались».

абстрактной родней, о которой мы знаем по фотографиям и старым письмам».

«У тебя, Аня, никаких писем не сохранилось, – вмешался неожиданно другой голос, мягкий. – Ты и фотографии оставила лишь потому, что забыла о них. Сама всю жизнь бежала от себя, а теперь хочешь, чтобы и дочь последовала твоему примеру. Зачем?»

Маша никогда не слышала бабушкиного голоса, но отчего-то была уверена, что Зоя именно так и говорила: мягко, неторопливо и с такой интонацией, словно улыбалась про себя. Но улыбалась не обидно, а понимающе.

«Не от себя, а от них», – холодно возразила мать.

«А они – это часть тебя, Анюта. Твое прошлое, пусть и не самое приглядное».

Скрипнула дверь – и голоса смолкли, точно оборвались.

Маша обернулась. На крыльцо, зябко ежась, выбрался Иннокентий и потянул воздух носом.

– Деревня, – доброжелательно поведал он. – Хорошо здесь, не правда ли?

Маша решила не напоминать о том, как он рвался проверить ее документы, и заставила себя вежливо поддержать разговор.

– Да, живописное место, – согласилась она. – Лес только мрачноватый. А река поблизости есть?

– Река имеется, а как же! Приток Оки. Чрезвычайно опасное место, я бы вам очень не советовал купаться там одной. Особенно ночью!

И многозначительно взглянул на Успенскую.

– Не буду, – пообещала Маша. – А что там опасного? Сильное течение?

– Омуты! – устрашающе сверкнул очками Иннокентий. – И течение тоже. Вы же слышали, наверное, об этом трагическом...

Дверь снова приоткрылась, и Маша не узнала, о чем трагическом она должна была слышать. Из дома осторожно выбралась Нюта, несмело улыбнулась им:

– Я не помешаю?

Такая она была беленькая, чистенькая и славная, что сразу хотелось улыбнуться ей в ответ.

– Ни в коем случае... – начала было Маша, но Иннокентий перебил ее:

– Ты уже сделала гимнастику? – строго спросил он.

– Конечно, – послушно кивнула Нюта.

– И дышала?

– Нет, не дышала.

– Сейчас же дышать, сейчас же! – загорячился Анциферов. – Нюточка, что за преступное пренебрежение своим здоровьем! А главное – здоровьем плода!

Он так и сказал: «здоровьем плода». Маша почувствовала, что краткий принудительный прилив симпатии к Иннокентию растворяется, словно под воздействием кислоты.

– Нюта обязательно должна дышать древесными испарениями, – объяснил Анциферов. – Последние исследования показали, что плодовые деревья выделяют эндорфины, благотворно влияющие на умственное развитие плода. Они всасываются на уровне клеточной мембраны, которая у беременных расширена.

Всю эту ахинею Иннокентий высказал с крайне серьезным видом. Он был похож на ученого, сообщающего группе последователей о недавнем открытии.

Маша открыла рот, чтобы поинтересоваться, насколько сильно расширяется клеточная мембрана у беременных и сузится ли она после родов. Но перехватила взгляд Нюты и промолчала.

Нюта смотрела на мужа с восторгом и обожанием.

– Кеша, я уже иду, – заверила она.

И пошла, переваливаясь, в сторону темнеющего сада.

«Господи, бедная девочка...»

На крыльцо вышла, кутаясь в белую шаль, Лена Коровкина.

– За окнами нашей комнаты кто-то хрюкает, – вздохнула она. – Предчувствую интересную ночь. А куда пошла Нюта? Уже темно...

– Дышать эндорфинами, – поведал Иннокентий, глядя вслед жене. – Это очень пригодится ей, когда настанет время рожать.

– Каким образом?

– Видите ли, мы планируем соло-роды, – с гордостью сообщил Анциферов. – Слияние с природой на каждом этапе беременности.

Маша с Леной недоуменно переглянулись.

– Что такое соло-роды? – уточнила Маша.

– Роды наедине с природой. Новая жизнь должна появляться естественно!

Женщины некоторое время осмысливали сказанное.

– Наедине с природой – это что же, совсем одной? – глупо спросила Маша.

Анциферов снисходительно рассмеялся и даже снизошел до того, чтобы похлопать ее по плечу.

– Вот видите, насколько вы, современные женщины, испорчены цивилизацией! Как сильно зашорен ваш разум! Вам сложно даже представить, что вы способны дать начало новой жизни без помощи многочисленных врачей и акушерок. А ведь еще сто лет назад простые русские бабы легко рожали в поле!

– И там же в поле мерли, как мухи, – дополнила Лена. – Не говоря уже о том, что ваша жена совсем не похожа на простую русскую бабу. Вы не находите?

Иннокентий небрежно пожал плечами:

– Ресурсы организма огромны! Надо лишь создать условия для их пробуждения. Именно этим я и занимаюсь.

– Вы врач? – ужаснулась Маша.

Анциферов приосанился.

– Я преподаватель философии! В некоторой степени и сам философ. Изучаю и трактую мир!

– Да-да, я заметила, – пробормотала Маша, вспомнив про расширяющуюся клеточную мембрану.

– Я уже подыскал для Нюты дом в деревне, – воодушевленно продолжал Иннокентий. – Представьте: не тронутая цивилизацией природа, вокруг хвойные леса, в деревушке пять стариков. В доме – одна комната с русской печью. Я отвезу туда Нюточку за неделю до родов, а потом, когда все благополучно завершится, заберу в город. И никаких врачей! Она все сделает сама.

В наступившей паузе отчетливо стало слышно, как тихонько напевает Нюта, бродя по саду.

– Иннокентий, вы в своем уме? – поинтересовалась Лена. – А если что-то пойдет не так? До нее же врачи доберутся только через три часа. Вы угробите и жену, и ребенка.

– Зашоренность! – ухмыльнулся Анциферов. – Это говорит ваша зашоренность! Что может пойти не так? Она молодая здоровая женщина. Следуйте зову природы, дамы, слушайте свое тело, и вы тоже поймете, что никакие врачи вам не нужны! А сейчас – пардон... Кое-что вспомнил.

Он протиснулся между Леной Коровкиной и Машей и скрылся в доме.

Маша обескураженно посмотрела на Лену.

– Послушайте... Он же дурак!

– Феноменальный, – подтвердила та. – И всегда таким был, сколько его знаю. А теперь его бредовые идейки подпитываются влюбленностью молоденькой девушки. Попробовал бы он провести свои эксперименты на первой жене! Она бы его самого отправила рожать в какие-нибудь Дальние

Колдобины.

– Надо попробовать поговорить с Ньютой, – решила Маша.

– Это ничего не даст. Муж для нее – колоссальный авторитет, а вы – малознакомая женщина. Вы же слышали: Анциферов – целый преподаватель философии! А она всего лишь медсестра.

Лена зябко закуталась в шаль.

– Что-то холодает... А я так надеялась, что установится жара и можно будет купаться в реке. Что ж, пойду к мужу, посмотрю, кто там хрюкал за окном. Спокойной ночи, Маша!

– Спокойной ночи, – машинально откликнулась Успенская. Она пыталась поймать мысль, которая несколько секунд назад, буквально только что, царапнула ее, словно иголкой.

Мысль поймалась, когда Коровкина уже почти закрыла дверь – только белый уголок шали мелькнул в темноте.

– Стойте! Лена, подождите!

– Да?

– Река! – Маша попыталась собрать в одно целое обрывки услышанных сегодня фраз, и ей наконец удалось это сделать. – Иннокентий сказал, с ней связано что-то трагическое, и прибавил, что я должна была об этом слышать. Вы не знаете, о чем?

Коровкина постояла молча, теребя бахрому. Маша решила, что женщина вот-вот уйдет, но Лена все-таки решила ответить.

– Я догадываюсь, что он имел в виду, – проговорила она, тщательно подбирая слова. – Дело в том, что десять лет назад, когда мы в последний раз собирались все вместе, случилось большое несчастье. Погиб Марк Освальд, муж Евы. Он пошел купаться ночью и утонул в реке. Это стало ударом для всех нас, особенно для Марфы Степановны и Матвея.

– Матвея Олейникова?

– Да. Они с Марком были не просто двоюродными братьями, они дружили. И у Гены были с ним прекрасные отношения. Знаете, если бы вы познакомились с Марком, я уверена, у вас сложилось бы совсем иное представление о нашей семье. Он был очень спокойный, порядочный и добрый. Его все любили. Кроме...

Лена запнулась.

– Кроме?... – повторила заинтригованная Маша и тут же спохватилась: – Простите, это не мое дело.

Лена поколебалась немного и качнула головой:

– Здесь нет никакого секрета. Я имела в виду Еву, жену Марка. Они с ним были уже в разводе, когда приехали на юбилей Марфы Степановны.

Грустная это была картина, и жалко было смотреть на Марка. А потом все так ужасно закончилось...

Она оборвала фразу, словно поймав себя на том, что сказала лишнее. Быстро попрощалась и ушла.

От ее короткого рассказа у Маши осталось ощущение недоговоренности. Но задумываться об этом не хотелось. Случившееся десять лет назад не могло иметь к ней никакого отношения.

Маша постояла минут пять на крыльце, слушая тихое пение Нюты, доносившееся из сада. Бедная Нюта все гуляла между яблонь. «Как же ее угораздило выйти замуж за такого идиота, как Анциферов?! – сочувственно подумала Маша. – Хотя Иннокентий умеет пустить пыль в глаза... Все-таки нужно будет попытаться поговорить с ней, хоть это и не мое дело».

На низком черном небе одна за другой зажигались звезды. Пролетел невидимый самолет, мигая огнями. Запрокинув голову, девушка смотрела на огни, и одна Маша стояла на нижней ступеньке крыльца, подняв лицо к небу, а другая летела в самолете, прильнув носом к холодному иллюминатору, и пыталась разглядеть что-то там, внизу, в непроглядной черноте. Старая детская игра – представить себя где-то далеко-далеко, раздвоиться, посмотреть вниз с отстраненностью путешественника.

Потом самолет улетел, и Маша осталась наедине со звездами.

Возвращаться в дом не хотелось, но озноб пробирал все сильнее с каждой минутой. И пение в саду смолкло.

Маша перегнулась через перила и негромко позвала:

– Нюта!

Тишина.

– Ню-ю-юта!

Жена Анциферова не отзывалась.

Чертыхнувшись про себя, Маша переобулась в калоши и пошла по направлению к саду, от души жалея, что фонарик остался в машине.

Девушка вынырнула из темноты так неожиданно, что Маша вздрогнула.

– Нюта, все в порядке?

– Все замечательно! – заверила девушка. – После города здесь так хорошо дышится!

– В унисон с деревьями, – пробормотала Маша.

– Что? А, вы об идее Кеши! – Нюта негромко рассмеялась. – Мне не трудно сделать ему приятное и погулять среди яблонь. Ведь это и правда идет на пользу и мне, и малышу. Но четверти часа мне хватает, и больше я не выдерживаю.

– Так вы сейчас были не в саду, – догадалась Маша. – Неужели решились ночью исследовать территорию?

– Что вы! Я смотрела на деревню. Отсюда ее не увидеть, но если подняться на пригорок, то можно разглядеть огоньки за полем. В Зотово когда-то жила моя бабушка, а я гостила у нее каждое лето.

– Так эти места вам знакомы?

– Да. Хотя, знаете, – Нюта доверчиво склонилась к Маше, – в юности каждое лето я мечтала только о том, как бы поскорее вырваться из деревни в Москву. Мне казалось, здесь так скучно! Пять лет назад бабуля умерла, и мы сразу продали дом. А теперь я об этом жалею. Чудесные здесь места, такие тихие, привольные...

Хлопнула дверь, и громкий голос с крыльца недовольно окликнул:

– Нюта! Где ты?

– Это Кеша! Тревожится за меня...

Девушка горделиво улыбнулась и поспешила к дому.

– Если бы он за тебя тревожился, то не бросал бы одну в незнакомом месте, – пробурчала под нос Маша.

Слышно было, как на крыльце Иннокентий отчитывает жену за долгое отсутствие. Нюта покорно соглашалась.

Наконец голоса стихли, и Маша решила пройти в дом. Сталкиваясь с Анциферовым и вновь выслушивать его разглагольствования ей не хотелось.

Но в столовой было пусто и темно. В камине догорало одно-единственное полено, а в кресле кто-то сидел спиной к Маше и негромко посапывал.

Тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить спящего, она начала подниматься по лестнице. Но ступенька скрипнула под ногой, и человек у камина тут же вскинул голову и обернулся.

Это оказался Борис Ярошкевич. При виде Маши Борис рывком поднялся из кресла и направился к ней, слегка покачиваясь.

«Сейчас скажет какую-нибудь гадость, – поморщившись, подумала Маша. – Такие мужчины, как Борис, любят говорить гадости женщинам. Обязательно с обаятельной улыбочкой».

Ярошкевич остановился внизу, уцепившись за перила, глядя на Машу припухшими глазами. До нее донесся резкий запах алкоголя.

– А-а, свеженькая претендентка на наследство! – протянул он. – Наша новообетенная родственница! Признайся – думаешь, всех переиграешь? А, тихоня?

– Успокойтесь, Борис, мне некого переигрывать, – устало сказала

Маша. – Марфа Степановна видела меня сегодня первый раз в жизни. Вряд ли она доверит имущество человеку, о котором ничего не знает.

– Первый раз, говоришь, видит, – Ярошкевич ухмыльнулся. – Почему же старуха сказала, что включила тебя в число тех, кто может рассчитывать на наследство Светицкого?

– Она так сказала?

– Да ладно тебе, не придуривайся! Ты же наверняка все продумала! Появилась вовремя, не раньше и не позже. Приехала сюда, чтобы запудрить Марфе мозги. Сидела здесь, притворялась, что интересуешься нами... От тебя разит враньем за десять шагов!

– А от вас разит перегаром, – резко сказала Маша. – Всего хорошего.

– О-о, как ты заговорила! Тихая-тихая, а с зубками! Стой! Куда пошла?!

Он ухватил ее за руку и потянул к себе.

– Рыжая стерва...

Звон оплеухи разнесся по всей комнате. Борис отшатнулся, ошеломленно держась за щеку.

Маша сделала шаг к нему. Голос ее дрожал от сдерживаемой ярости, когда она тихо сказала:

– Предупреждаю: еще одно оскорбление, и пощечиной вы не отделаетесь.

Отвернулась и неторопливо стала подниматься по лестнице.

Ярошкевич выругался. Будь на месте этой рыжей другая, она сразу получила бы сдачи. Борис не разделял глупое старомодное убеждение, запрещающее бить женщин. Можно, и даже нужно! Особенно если она первая подняла на мужчину руку.

Но в этой тонкой женщине с широко расставленными глазами необычного светло-орехового оттенка было что-то, что помешало Борису ответить ударом на удар. Быть может, то, что она его совершенно не боялась. Ярошкевич умел хорошо чувствовать чужой страх, особенно женский. Женщины всегда ощущали его готовность переходить границы – и боялись. «Трепетали», – так называл это Борис.

Он любил, когда трепетали. Любил их подчинять, и наибольшее удовольствие получал тогда, когда видел, что женщина унижена. «Дрессировка», – говорил Ярошкевич. Унизил – значит, показал, кто хозяин.

Эта рыжая почему-то не боялась и не трепетала. И пощечину ему вlepила не возмущенно или с перепугу, а почти небрежно. Борис и не помнил, когда ему в последний раз с такой презрительной небрежностью

давали по морде.

Он давно уверился в том, что является хозяином жизни, и женщин брал с той же надменной уверенностью. Это сводило их с ума. Ярошкевич вылезал из «лексуса», небрежно швырял ключи от машины на столик в ресторане, звал официантов халдеями и сидел, широко расставив ноги, – все это были минимальные и необходимые признаки настоящей мужественности, обеспечивавшей ему внимание девиц. И вдруг его облили презрением! И кто?! Женщина, на которую при других обстоятельствах он бы даже не взглянул. При мысли об этом правая щека Бориса вспыхивала, как будто его снова ударили.

«Ничего, – успокоил он себя, – еще сочтемся».

А Маша поднялась на второй этаж и возле своей комнаты столкнулась с Евой Освальд. Та не шла, а плыла в длинном шелковом халате нежно-розового цвета.

– Вы кого-нибудь видели внизу? – заинтересованно спросила она. – А то все разошлись, и мне так скучно!

– Там Борис, – сдержанно ответила Маша.

– А-а, Борис! Чудно. Он такой милый!

Маша в эту секунду скорее назвала бы милой гюрзу. Но спорить с Евой не стала.

– Оч-чень привлекательный мужчина, – промурлыкала Ева. – Вот с кем можно развлечься.

Последняя фраза вышла двусмысленной. Маша взглянула на улыбающуюся Еву и неожиданно прониклась уверенностью, что так и было задумано. Ее провоцировали.

Стоя лицом к лицу в узком коридоре, две женщины смотрели друг на друга: одна – с интересом, вторая – с вызывающей полуулыбкой.

«Если приглядеться, – думала Маша, – то становится ясно, что она вовсе не красива. Приплюснутый нос, лягушачий рот, небольшие глаза... Но при этом чертовски привлекательна».

«Ну же, разозлись! – мысленно подзадоривала Ева. – Или смутись! Пора уже пробить твою защиту, вывести тебя из равновесия».

– А вы не хотите составить нам с Борей компанию? – предложила она. – Это поможет нам лучше узнать друг друга. Раскрепостит.

– Вы нуждаетесь в раскрепощении? – с дружелюбным удивлением спросила Маша. – Могу порекомендовать знакомого психоаналитика. Он ведет тренинги личностного роста. Говорят, неплохо раскрепощает.

Улыбка исчезла с лица Евы.

– Спасибо, но вряд ли мне это пригодится. У меня нет лишних денег на психоаналитиков.

– Конечно, Борис обойдется значительно дешевле, – тут же согласилась Успенская, сохраняя выражение идиотского дружелюбия на лице.

«Она надо мной смеется?!» – Ева подозрительно уставилась на молодую женщину. Но та улыбнулась еще шире и пожелала хорошей ночи.

– Спокойной ночи, – любезно попрощалась Ева. – Завтра предстоит непростой день.

Обе они даже не догадывались, насколько непростым он окажется.

Глава 4

Утро Маши началось не с крика петуха, как она ожидала, а с мелодии Вивальди. Телефон вибрировал на стуле, угрожающе подползал к краю и грозился окончить жизнь самоубийством, если Маша немедленно не ответит на вызов.

Маша нашла сонным взглядом часы на стене. Стрелки стыдливо показывали семь двадцать.

Звонить в семь двадцать Маше мог только один человек. Она вздохнула и подхватила телефон, который уже нависал над пропастью.

– Привет, Олеся.

– Успенская, здорово! – Голос подруги звучал до отвращения бодро. – Ты что, еще спишь? Утро красит нежным светом!

– Олеся, у тебя совесть есть?

– А у тебя? Обещала позвонить, как только приедешь, и отчитаться. Я беспокоилась!

– Прости, забыла обо всем, – покаялась Маша. – Слишком много впечатлений.

– Мужчины? – жадно спросила Олеся и, не дождавшись ответа, потребовала: – Рассказывай!

Маша снова вздохнула. Это утро обещало стать утром тяжелых вздохов.

Олеся была давно и счастливо замужем. Ее муж обладал темпераментом флегматичной коалы, и все безумные Олесины затеи разбивались о него, словно волны об скалы. В качестве более податливой жертвы Олеся выбрала Машу и вот уже несколько лет бомбардировала подругу идеями о том, как обустроить ее жизнь.

На первом месте стоял выбор спутника. С энтузиазмом собаки, выкусывающей блох, Олеся выискивала мужчин в самых неподходящих и

труднодоступных местах. Апофеозом ее заботы о Машиной судьбе стал визит в школу моделей, откуда Олеся привела за руку домой к подруге высоченного негра. Негр был цвета перезревшей сливы и не говорил по-русски.

Когда первый приступ естественного изумления у Маши прошел, она поинтересовалась, что ей делать с этим сокровищем.

– Распоряжайся! – разрешила Олеся с широким жестом Деда Мороза, отдающего ребенку весь мешок с подарками. – Заодно попрактикуешься в английском.

В эту секунду ее добыча, широко улыбнувшись, бойко залопотала по-французски.

– И во французском тоже, – ничуть не смутилась Олеся. – Машка, ты что?! Посмотри, какой красавец! Я ведь тебе не предлагаю выходить за него замуж. Приглядитесь друг к другу, обвыкнете... А там видно будет.

Маша обреченно привалилась к стене.

– Безумная ты женщина! – простонала она. – Отведи его туда, откуда взяла.

– Что, не нравится? – огорчилась Олеся. – На тебя не угодишь... Может, все-таки присмотришься к нему?

Но Маша так взглянула на подругу, что та поспешила ретироваться вместе с темнокожим спутником. Они исчезли, но Маше показалось, что широкая белозубая улыбка еще некоторое время висела в воздухе, как у чеширского кота.

С возвратившейся Олесей Маша попыталась поговорить очень сурово, чтобы вразумить раз и навсегда. Но куда там!

– Тебе двадцать восемь лет! – в Олесиной интонации звучал затаенный ужас, словно Маша давно перешагнула двухвековой рубеж. – А ты до сих пор не замужем. Ты женщина с неустроенной личной жизнью!

– С устроенной! – сопротивлялась Маша. – Меня все устраивает – значит, с устроенной! Хватит осаждать меня красавцами. Дай мне прийти в себя после развода!

– Уже шесть месяцев прошло!

– Олеся!

– Ну, хорошо, хорошо! Больше не буду о тебе заботиться, даже если попросишь.

Но исполнить обещание Олесе было не под силу.

– Так что там с мужчинами? – уточнила Олеся, заинтригованно дыша в трубку.

– Мужчины спят, – сообщила Маша. – И я тоже сплю! Позвоню позже.

– И все расскажешь! – настойчиво потребовала Олеся.

– И все расскажу, – слушавила Маша. – Пока!

Она отложила телефон и закрыла глаза. Но сон, как назло, испарился после разговора. Маша лежала в постели и вспоминала свой неудачный брак.

.....

Есть взрослые женщины, которые настоящие взрослые женщины, а есть выросшие маленькие девочки, играющие во взрослых женщин. Их нормальное состояние – это удивление. Они рожают детей, удивляясь сами себе, водят машину, говоря каждый раз «ну, я совсем как большая», ходят на работу с той же увлеченностью, с какой в пять лет играли в куклы. С некоторых эта детскость облетает со временем сама. Другие теряют ее, получив оплеуху от судьбы – резко, наотмашь. А третьи сохраняют до самой смерти. И в гробу лежат с таким лицом, как будто сами удивляются: «Надо же! Вы только посмотрите, я – и в этом деревянном ящике! Разве не странно?»

Маша Успенская была из этих, последних.

Когда она встретила Артема, ее все в нем удивляло. Во-первых, невероятный красавец. Во-вторых, что поражало еще больше, не глуп.

Маше единственный раз в жизни попадался похожий типаж мужской красоты: он пользовался в компании большой популярностью, поскольку умел глазом открывать пивные бутылки. Когда все бутылки бывали открыты, окружающие теряли к нему интерес. В том числе и девочки.

Поэтому поначалу Машу поражало даже умение Артема строить связные фразы. Глобально – его способность разговаривать. В нем было что-то от красоты дерева, скалы или цветка. Ведь никто не ожидает, что они станут обсуждать пьесы Чехова или живопись Моне...

Но Артем разговаривал, и говорил умно и по делу. Он даже подшучивал над собой, что поднимало его в Машиных глазах на недостижимую высоту. Красивый умный мужчина, ироничный, образованный, прекрасно играющий на фортепиано, влюбленный в нее... Маша перечисляла достоинства любимого и мрачнела. Должен существовать какой-то подвох. Должен!

И подвох нашелся. Он носил красивое имя Изабелла, сокращенно – Белла. Белла Андреевна.

Белла Андреевна была мамой Артема. Она вырастила сына одна, без мужа. То есть мужья наличествовали, даже двое или трое, но к воспитанию мальчика не допускались. Белла желала сама взрастить цветок своей души.

Артем привел Машу в просторную квартиру в старом районе Москвы, где подъезд называли парадной, как в Питере, а возле лифта сидел консьерж с моноклем. Этот консьерж так поразил Машу, что она даже не услышала предупреждение Артема.

– Мама вечно боится, что я приведу кого-нибудь не того, – с улыбкой сказал он. – Постарайся ее понять. Все-таки я единственный сын.

Белла Андреевна оказалась прелестной крошечной женщиной с балетной осанкой. Рядом с ней Маша почувствовала себя неуклюжей дылдой. Белла окинула Машу ничего не выражающим взглядом и предложила поговорить тет-а-тет.

Машу провели в комнату, все стены которой были увешаны картинами кубистов. Успенская заинтересовалась одной, самой большой, висящей напротив входа. Художник, как ей показалось, весьма натурально изобразил ингредиенты для окрошки. Маша уже собиралась сделать комплимент таланту живописца, но тут Изабелла уронила мимоходом:

– Это мой портрет.

И Маша прикусила язык.

Ее усадили в кресло и приступили к допросу.

– Кто вы по профессии?

– Музыкант, – улыбнулась Маша. – Играю на флейте.

– Ах, на флейте, – зловеще протянула Белла Андреевна.

Это прозвучало так, словно ее ближайшие родственники погибли от рук сумасшедшего флейтиста. Маша поежилась и попыталась исправить дело.

– Флейта – чудесный инструмент... («Господи, зачем я оправдываюсь?») Если хотите, я могу вам как-нибудь сыграть...

– Боже упаси, – отказалась Белла. – У нас приличный тихий дом.

Маша едва не брякнула, что ведь она и не предлагает сплясать канкан, но удержалась.

Белла закурила, откинула назад черноволосую головку и выпустила дым в потолок.

– Ну, хорошо, – утомленно произнесла она, словно они беседовали целый час, – а животных вы любите?

– Люблю.

– И собак?

– Собак особенно, – подтвердила Маша.

Белла Андреевна приподнялась на стуле, вытянула шею, как цапля, напряглась и вдруг взвизгнула так громко, что Успенская вздрогнула.

– Леметина! Леметина! – верещала Белла.

Личико ее покраснело.

– Леметина!!!

У Маши мелькнула страшная мысль, что она наблюдает начало приступа болезни. А кричит мама Артема, требуя лекарство. Цвет лица Беллы укреплял Машу в ее подозрениях.

Она вскочила, готовая бежать за чертовым леметином и проклиная неизвестно куда пропавшего Артема. Он не может не слышать эти крики! Может, нужно вызвать врача?

И тут в приоткрытую дверь вбежало существо. У существа было толстое белое тельце, из которого там и сям торчали клочки, словно изнутри его слишком крепко набили ватой, четыре тощих кривых ножки и вытаращенные в немом ужасе огромные черные глаза.

Маша никогда еще не встречала таких пучеглазых собачек. К тому же на кончике морды у нее красовалась гигантская нашлепка размером со сливу и такого же цвета. «Вот это нос!» Маша замерла, разглядывая поразительное животное.

– Леметина! – облегченно воскликнула Белла Андреевна. – Гадкая, гадкая девочка! Я зову тебя уже полчаса.

Она подхватила собачонку на руки и звонко поцеловала в нос. Та приняла ласку снисходительно.

– Познакомься, Леметина, – церемонно сказала Белла, указывая на Машу, – наша гостья, Мария. Ей очень нравится Артем.

Собачка уставилась на Машу. «Ну-ну, – говорил этот взгляд. – Видали мы таких, которым нравится наш Артем».

– Иди, поздоровайся!

Белла Андреевна спустила собачку на пол, и та засеменила к Маше. В вытупленных глазах читалось недружелюбие.

– Леметина у меня как детектор лжи, – продолжала Белла, скрестив руки. – У нее удивительное чутье на людей. К нам в дом приходил один человек, и Леметина все время облаивала его. А потом оказалось, что он крал у нас серебряные ложечки и даже унес одну фарфоровую пару. Английскую чашку с блюдцем, вы можете себе представить?

Собачонка уселась напротив Маши. И вдруг гавкнула низким басом. Маша подскочила на стуле, и Леметина тотчас разразилась торжествующим лаем. «Вот она! Воррррр-ровка, ворррр-овка! Хватайте ее! Держите ее! Р-р-рр-гав!»

Белла Андреевна высоко подняла тонкие брови.

– Леметина, ко мне!

Собачка послушно потрусилась к хозяйке, то и дело оглядываясь на

Машу, словно проверяя, не собирается ли та сбежать.

– У меня есть свои серебряные ложечки, – заверила Маша, пытаясь шуткой разрядить обстановку. Но чувствовала, что выглядит как закоренелый грабитель, специализирующийся на серебре. – И фарфоровая чашка с блюдцем тоже!

«Неубедительно оправдываешься», – говорил собачий взгляд.

В комнату заглянул Артем:

– Ну что, познакомились?

– Познакомились, – многозначительно уронила Белла Андреевна и поджала губы.

Маша промолчала.

Она надеялась, что ей все-таки удастся найти общий язык со вздорной Леметиной, по-домашнему – Лямочкой....

Как бы не так! Собачонка бдительно стояла на страже хозяйских интересов. Белла Андреевна не желала, чтобы ее сын женился на музыкантше. И Лямочка следовала по пятам за Машей, точно конвоир, сопровождающий опасного преступника. Невозможно было повернуться, чтобы не наступить на подлую собачонку. Леметина путалась под ногами, словно нарочно. А стоило Маше ненароком задеть ее, она раздражалась отчаянным пронзительным визгом.

Однажды девушка не сдержалась и в сердцах бросила собачонке:

– Один из твоих родителей наверняка был свиньей!

На ее беду, в комнату как раз вошла Белла Андреевна, обеспокоенная визгом своей любимицы. Она услышала слова Маши и побагровела от возмущения.

– Будьте любезны, оставьте генеалогические изыски для своей семьи, – отчеканила Белла. – А у Леметины блестящая родословная.

Подхватила тут же замолчавшую собачонку под мышку и поплыла к двери с видом вдовствующей королевы. Но перед тем, как выйти, обернулась и уколола напоследок:

– И вряд ли вы можете похвастаться таким же родословным древом, как у нее!

«Было бы странно, если бы я могла похвастаться таким же древом, – мысленно возразила Маша. – Я же не собака».

Хлопнула дверь, Успенская осталась в одиночестве.

Маша прилагала все усилия, чтобы понравиться Белле Андреевне. В преддверии Нового Года обегала всю Москву в поисках ее любимой косметики и нашла то, что требовалось. Но в подарочный набор, к несчастью, затесался шампунь. Его-то цепким взором и выхватила из кучи

пузырьков и баночек «мама Белла».

– Надо полагать, это намек на то, что у меня грязные волосы? – сухо осведомилась она, держа шампунь на расстоянии вытянутой руки. – Спасибо, я учту.

Маша принесла конфеты, которые нравились Белле Андреевне.

– Благодарю, благодарю, – с тихим трагизмом в голосе сказала Белла. – Конечно, состояние моих зубов вас совершенно не волнует, и это понятно – ведь вы, Машенька, по сути, для нас посторонний человек. Откуда вам знать, как утомительны постоянные встречи со стоматологом...

Маша, сцепив зубы (на редкость здоровые и нечасто встречающиеся со стоматологом), вынесла и это. Но к следующему празднику договорилась с Артемом о совместном подарке.

Когда они вручали свой дар Белле Андреевне, Маша тихо сияла. Артем развернул упаковку, разрезал огромную коробку, и глазам Беллы предстала ее тайная мечта – электронное пианино.

Артем откинул крышку, и пианино призывно улыбнулось Белле Андреевне клавишами цвета слоновой кости. А Белла Андреевна призывно улыбнулась ему.

– Мама, это тебе совместный подарок от нас с Машей. – Артем нежно поцеловал мать.

Улыбка увяла на лице Беллы. Маша затаила дыхание. Не может быть, чтобы и в этот раз Белла нашла, к чему придраться! Это невозможно! Самое прекрасное, лучшее в мире электронное пианино благородного кофейного цвета стояло перед ней. Что, что в нем может быть не так?

В следующую секунду Маша узнала, что именно. Белла и тут осталась на высоте. Она перевела взгляд на Машу и, к ее ужасу, тихо всхлинула. Из уголка глаза выкатилась скупая слеза.

– Вы купили именно эту модель, потому что у нее можно отключить звук, правда? – горьким шепотом спросила она. – Вам неприятно слышать, как я музицирую?

И Маша Успенская сдалась. Она поняла, что никогда, ни при каких условиях не сможет подарить то, что будет одобрено Беллой Андреевной.

Маша с Артемом все-таки поженились. На свадьбе Белла очень натурально потеряла сознание, и расписались они в такой суматохе, что уронили кольцо.

Все хлопотали вокруг бледной Беллы Андреевны, а Маша ползала по красной ковровой дорожке, то и дело сталкиваясь с распорядительницей церемонии, и бормотала «ну где же, где же оно?!»

В конце концов кольцо нашлось. Артем торопливо надел его на

средний палец вместо безымянного, поставил дрожащую роспись и метнулся в тот угол, откуда доносились тихие стоны мамы, приходившей в себя. Остаток праздника прошел под знаком Красного Креста.

Поняв, что изменить случившееся ей уже не под силу, Изабелла перестала терять сознание. До конца вечера она слабым голосом жаловалась на мигрень, что не помешало ей с аппетитом съесть бутерброды с икрой и запеченную куриную ножку.

Обглодав курицу, Белла облизнулась и взглянула на Машу.

– Что-то вы плохо выглядите, моя дорогая, – сочувственно заметила она. – Улыбайтесь, ведь это начало вашей новой жизни!

И в подтверждение своих слов плотоядно ухмыльнулась, отчего у Маши исчезли последние иллюзии на тему, какой именно будет ее новая жизнь.

Машиной любви к Артему хватило на три года. Все эти годы Белла зримо или незримо присутствовала рядом. Иногда Маше казалось, что она замужем за Беллой Андреевной.

Из своего брака Маша вынесла одно очень полезное умение. Когда Белла Андреевна принималась читать невестке нотации, Маша смиренно повторяла про себя, как заклинание: «Говорите-говорите, вы мне совсем не мешаете». При этом на губах у нее сама собой возникала рассеянная улыбка. Эта улыбка страшно злила Беллу. Нападки ее становились все более колкими, замечания – оскорбительными, но Маша все твердила свою мантру «говорите-говорите, вы мне не мешаете», и вывести ее из себя не было никакой возможности.

Конец Машиному терпению наступил ровно на третью годовщину их свадьбы. Они с Артемом собирались ехать в ресторан, где она заказала столик.

Ровно за пять минут до выхода позвонила Белла Андреевна.

– Темочка! – прорыдала она в трубку. – Леметина охромела!

В ходе сбивчивого рассказа выяснилось, что собачка неловко спрыгнула с дивана и теперь поджимает заднюю лапку.

– Она заваливается вперед! – чуть не плакала мама Белла.

– Неудивительно, – тихо сказала Маша, – с таким-то носом...

– Ты должен, должен что-то сделать!

– Спокойно, мама! – решительно сказал Артем. В его голосе лязгнула сталь и послышался шелест плаща супермена. – Я сейчас приеду и отвезу тебя и Лямочку к ветеринару.

Он повесил трубку и обернулся к жене:

– Прости, дорогая! Ты слышала, маме срочно нужна помощь...

– Маме? – переспросила Маша. – Маме?!

Негодование наполнило ее, словно гелий – воздушный шарик. Маша ощутила: еще чуть-чуть – и она или взлетит, или лопнет.

– Что такое? – встревожился Артем. – Ты покраснела...

Он сделал попытку обнять жену.

– Машуткин, я понимаю, как ты огорчилась, но...

– Я не огорчилась, – перебила его Маша. – Но я не понимаю, какая необходимость в твоём приезде к маме. Зачем ты там?

– Их нужно отвезти к ветеринару, ты же слышала!

– Твоя мама прекрасно справится с этим сама. Телефон такси у нее есть, она всегда вызывает машину, чтобы доехать до салона красоты.

– Да, конечно, – забормотал Артем, – то есть, нет, ты не права. Мама волнуется! В таких ситуациях присутствие близкого человека очень помогает.

– Я тоже волнуюсь, – жестко сказала Маша. – Мне тоже поможет присутствие близкого человека. То есть твое. Тем более, у нас сегодня праздник.

Артем прибегнул к последнему аргументу:

– Неужели ты сможешь спокойно ужинать, зная, что мама нервничает?

– Отлично смогу. Я с полудня ничего не ела.

Артем схватился за голову. Он не понимал, просто отказывался понимать, отчего его отзывчивая жена вдруг проявляет такую черствость. Он плюхнулся на стул и воззвал к остаткам Машиной совести:

– Пойми, мама страдает!

Маша села напротив и наклонилась к мужу.

– Ты сказал Изабелле, что мы собираемся в ресторан?

– Ну конечно! При чем здесь это?!

– И сказал во сколько. – Маша не спрашивала, а констатировала.

– Да, она сама спросила. И что?

– А то, – очень спокойно сказала Маша, – что твоя мама – не страдалица, а расчетливый манипулятор. Она подгадала свой звонок к тому времени, когда мы будем выходить из дома, чтобы гарантированно не дать тебе доехать до ресторана.

Артем недоверчиво уставился на жену.

– Это неправда, – наконец сказал он. – Ты так не думаешь!

– Думаю. Артем, неужели ты не замечаешь, что твоя мама не дала нам отметить нормально ни один праздник? На Новый год она подвернула ногу, и мы не поехали в Прагу. Перед моим днем рождения она легла в больницу, и вместо того, чтобы жарить шашлыки с друзьями на даче, мы сидели с ней

в палате. Ровно год назад мы собирались в Крым, помнишь? И что? У нее внезапно, на ровном месте, случился астматический приступ, и ты бегал по всей Москве, разыскивая врачей. Напомнить тебе, чем закончилось дело? Вы с мамой поехали в Крым, поскольку ей был показан целебный крымский воздух, а я осталась в Москве одна. Замечательно отметила вторую годовщину нашей свадьбы вдвоем с Леметиной. Ведь меня попросили приглядывать за ней, ты не забыл?

– Маша, я тебя не узнаю, – Артем сдвинул брови. – Ты обвиняешь маму в том, что она болеет?!

– Не в том, что болеет, дорогой. А в том, что она болеет очень расчетливо. В основном приступы приходятся почему-то именно на те дни, когда мы с тобой собираемся провести время вдвоем. А в остальное время Белла Андреевна здорова, как только может быть здорова женщина ее возраста.

Артем с ужасом взглянул на жену.

– Ты цинична!

– Да, стала за три года, – согласилась Маша.

– Но ведь на этот раз заболела не мама! Заболела Леметина! Или ты думаешь, что и она нарочно упала с дивана? Господи, что у тебя в голове?!

Маша тяжело вздохнула и поднялась.

– Хорошо. Ты меня убедил. Поедем и отвезем Леметину к ветеринару.

– И ты тоже поедешь? – недоверчиво сощурился Артем.

– Обязательно.

Обрадованный Артем позвонил Белле Андреевне и сообщил, что они с Машей уже едут.

– С Машей? – удивилась Белла. – Зачем с Машей? Мы и сами прекрасно справимся. Пускай остается дома!

Но Маша уже спускалась по лестнице, не слушая призывов мужа.

Увидев ее в дверях, Белла Андреевна слегка растерялась. Но быстро овладела собой, подхватила собачонку на руки и радостно объявила:

– А Леметиночке уже лучше! Правда, Лямочка?

Артем, ласково сюсюкая, склонился над питомицей Беллы. Маша без лишних церемоний отодвинула мужа в сторону и взяла собачку из рук хозяйки.

Изабелла Андреевна с Леметиной так изумились, что не издали ни звука. Успенская опустила собачку на пол и слегка подтолкнула под попу.

Леметина замерла на месте, выпучив на Машу глаза.

– Иди-иди, – подбодрила Маша.

Леметина не двигалась.

– Давай же!

Леметина точно оглохла.

– А ну, пошла, хромоногая! – гренадерским басом рывкнула Маша.

Подпрыгнули все: и Артем, и Белла Андреевна, и собачка. Леметина рванула к выходу с такой скоростью, словно ей под хвост попала горящая спичка.

Ни на одну из лапок она не прихрамывала.

Маша посмотрела сперва на Артема, затем на Беллу Андреевну.

– Вы ее испугали своим криком! – воскликнула Белла, защищаясь от этого взгляда. – У животного шок! Стресс! Уверяю вас, у нее перелом!

– Мы это обязательно проверим у ветеринара, – пообещала Маша подозрительно сладким голосом. – Леметина! Леметина, сюда!

И побежала ловить собачонку. Выбитая из колеи Белла последовала за ней.

Час спустя все семейство вернулось от ветеринара. Как и ожидала Маша, врач, тщательнейшим образом обследовавший Леметину, не нашел ни переломов, ни вывихов. Под давлением Беллы он неуклюже признал, что собака могла ушибиться. Но сейчас от ушиба нет и следа.

По возвращении домой Белла от усталости упала на диван, Артем засуетился вокруг нее, принося то воду, то лекарство, а Маша стояла в стороне и смотрела на них. Три года она наблюдала похожую картину. Все это время она не теряла надежды доказать Артему, что его мама не настолько нуждается в помощи, как желает показать. И что же? Сегодня он получил самое убедительное доказательство. И просто не обратил на него внимания.

С большим опозданием Маша поняла, что роль заботливого сына для Артема важнее, чем роль любящего мужа. И что она никогда не сможет дать ему то, что дает Белла Андреевна – осознание своей абсолютной необходимости.

Прежде ей казалось, что мать манипулирует сыном, водит марионетку по сцене, дергая за нужные ниточки.

Но сейчас на подмостках были не кукловод и марионетка, а два актера. Одна постанывала, свесив с дивана белую руку, другой нежно протирает ей лоб влажным полотенцем, и оба были так увлечены своей игрой, что им даже не требовались зрители.

Маша постояла, решая что-то для себя, и подошла к ним. Присела на корточки возле дивана, не обращая внимания на Артема. Белла скосила на нее карий глаз.

– Я тут подумала, Белла Андреевна, – начала Маша, взвешивая

слова, – и решила: нам с Артемом лучше развестись.

– Что?! – ахнул Артем.

Белла молчала. Только чуть повернула голову, и теперь оба карих глаза пристально смотрели на Машу.

– Машуткин! Что ты говоришь?! – позвал Артем.

– Ничего, дорогой, – ласково сказала Маша. – Для тебя почти ничего не изменится. Это наше с Беллой Андреевной дело. Правда, Белла?

Не такой женщиной была Белла Андреевна, чтобы оставить последнее слово за противником.

– Я всегда знала, что этим кончится, – низким печальным голосом констатировала она. – Я была уверена, что рано или поздно ты бросишь моего сына.

Но и Маша слишком долго сдерживалась за эти три года, чтобы промолчать напоследок.

– Еще бы, – понимающе улыбнулась она, – ведь вы столько для этого сделали.

Встала и вышла, сопровождаемая почтительным молчанием Леметины, которая впервые не облаяла уходящую Машу.

.....

– Поразительная я была идиотка, – пробормотала Маша и выбралась из-под одеяла. – Невероятная. За три года не разобраться, что происходит! Марине хватило на это четырех месяцев.

Мариной звали новую жену Артема. От знакомых Маша знала, что Белла Андреевна возненавидела Марину еще сильнее, чем ее. Марина была костистой брюнеткой с сердитым личиком, чем-то напоминая саму Беллу.

На четвертый месяц совместной жизни Белла устроила молодоженам «цыганочку с выходом». Повод не имел значения.

Кажется, Артем собирался уехать на две недели вдвоем с Мариной, оставив маму Беллу страдать в Москве в полном одиночестве, и ее старое больное сердце не могло выдержать такого пренебрежения.

Вместо того чтобы разделить заботу мужа о маме, Марина закатила головокружительный скандал. Стены старого особняка не слышали прежде таких обвинений, которыми она осыпала Беллу. Старуха тихо торжествовала, полагая, что открыла сыну истинное лицо его возлюбленной. Но под конец выступления Марина очень натурально схватилась за сердце и осела на пол.

«Симулянтка! – бушевала взбешенная Белла. – Наглая притворщица!

Темочка, выгони эту лицедейку!» Но Артем отчего-то не послушался. Он отвез стонущую Марину в больницу и провел с ней целые сутки, не отходя от постели больной.

А как только Марина выздоровела, улетел с ней на две недели в Марокко. Как и планировалось.

И Белле, умной женщине, не оставалось ничего иного, как признать свое поражение. И как умная женщина, по возвращении молодой семьи она сделала вид, что ничего особенного не произошло. С невесткой с тех пор была мила, а если и теряла иногда сознание, то лишь затем, чтобы не утратить полезный навык.

Маша заставила себя выбросить из головы Артема и его семью. Набрав в зубы шпилек, она встала перед зеркалом и принялась сосредоточенно заплетать косы во «французскую корзинку».

Красивые прически Успенская научилась делать в четырнадцать лет. Директриса очередной школы не поощряла распущенные волосы у своих учениц, а мать наотрез отказалась помогать Маше заплетать их.

– Отрежь их – и дело с концом, – посоветовала она. – Сделай каре, тебе пойдет.

Маша так и поступила бы, если бы не вмешалась соседка, Татьяна Ивановна. Милая улыбчивая женщина случайно услышала их разговор на лестничной клетке и вдруг обрушилась на Анну, покраснев от возмущения.

– Отрежь?! Ты с ума сошла! Другая девочка за такую красоту полжизни отдаст!

– Мне кажется, это наше семейное дело, – заметила мать с холодностью, исключаящей любое продолжение разговора.

Но, к удивлению Маши, ее слова не возымели эффекта.

– Послушай моего совета, милая, – увещающе обратилась к Маше соседка, – не стриги. Избавиться от волос всегда успеешь. Но сколько тебе придется растить такую копну? Лет десять, не меньше.

Волос действительно была целая копна. Даже когда Маша собирала ее в хвост, он выглядел слишком длинным и пышным для строгой школы.

– Меня на уроки не пустят, – пожаловалась Маша. – Не косу же мне заплетать. С косой я как дура.

– А ты не делай из себя сестрицу Аленушку. Пойдем, покажу, что можно придумать с твоим богатством.

И Татьяна Ивановна с поразительной быстротой и ловкостью соорудила на рыжей Машинной голове с дюжину косичек, хитро переплетая их друг с другом, так что получилась сеточка. Маша ахнула, увидев свое отражение.

– Здорово! Но я сама так не смогу.

– Сможешь, – подбодрила соседка. – Руку набьешь – и все получится.

Мать осталась недовольна Машиным решением. Один раз обмолвилась, что эти косы придают дочери сходство с бабушкой Зоей. Много позже Маша поняла, что Анна надеялась этим высказыванием заставить ее избавиться от несвоевременной прически. Но добилась противоположного результата: Маша обрадовалась сходству и принялась подчеркивать его.

Сейчас, стоя босиком на холодном полу, она расчесала волосы и за пять минут привычно заплела их в «корзинку». Дом еще спал, но Маша не сомневалась, что Марфа Степановна уже встала и хлопчет по хозяйству. Возвращаться в кровать было глупо, сидеть без дела в комнате – еще нелепее, и Маша решила прогуляться.

На крыльце ее окатила утренняя прохлада, словно плеснули в лицо родниковой водой. Пахло землей, мокрыми от росы листьями, розовой свежестью начинающегося дня. Прибежала собачонка Тявка, деловито обнюхала Машины джинсы и повалилась на спину, приветственно подставив белое пузо.

– Ах ты доверчивая собаченция, – рассмеялась Маша, потрепав Тявку по нежному животу. – Что, нравится? Лапа ты, лапа...

Какой-то звук донесся до ее ушей, заставив на минуту забыть о собачонке. Как будто кто-то кашлял. Звук доносился со стороны сада.

«Неужели снова Нюта?!»

Кашель повторился, но теперь Маша отчетливо расслышала, что кашляет мужчина.

Крадучись, она пересекла двор и остановилась в тени старой яблони. В глубине сада виднелась лужайка, и там танцевал Матвей Олейников.

Нет, не танцевал, поняла Маша секунду спустя. Тренировался.

Из одежды на нем были только широкие белые штаны. Загорелое тело блестело от пота. Матвей кружился по лужайке плавно и в то же время быстро и поочередно выбрасывал вперед и вверх то правую, то левую ногу. При каждом ударе он издавал тот самый звук, который Маша приняла за кашель.

– К-ха! К-ха!

Маше стало неловко. Надо бы уйти, а не стоять в десяти шагах от него, подглядывая за тренировкой, но она почему-то не уходила. Его движения завораживали. Хотя Маше никогда не нравились такие мужчины: с мощными, рельефными плечами, словно вылепленными скульптором для статуи атланта, с широким торсом и могучей шеей. Слишком много грубой

силы, до поры до времени скрытой под цивилизованной розовой рубашкой. Маша предпочитала высоких утонченных юношей, как ее бывший муж Артем – с правильными чертами лица, стройных и легконогих.

А у этого, все быстрее крутящегося на лужайке среди яблонь, ноги кривые и грудь мохнатая. Фи.

Неожиданно Олейников резко выдохнул и застыл, стоя спиной к Маше. Она разглядела длинный белый шрам, пересекающий левую лопатку. «Все, теперь нужно осторожненько уйти, сделав вид, как будто меня здесь не было».

Она осторожно попятилась назад.

– Что, не спится? – негромко спросил Матвей, не оборачиваясь.

Маша вздрогнула от неожиданности.

– Я думала, вы меня не заметили, – призналась она. – Простите, я не хотела вам мешать.

Олейников обернулся.

– Вы не помешали. Тем более, я как раз хотел с вами поговорить.

– Хорошо, давайте поговорим... – Маша немного растерялась. – Прямо сейчас?

– Через десять минут, если вы не возражаете. Здесь, на этом же месте.

И Олейников быстро ушел, не узнав, возражает Маша или нет.

«Что за манера разговаривать, как со своей секретаршей, – сердилась Маша, бродя между яблонями и ощущая себя козой на привязи. – Поставил перед фактом и исчез».

Ей было не по себе. Маша рассердилась еще сильнее, когда поняла, что она побаивается Матвея Олейникова.

Он вернулся быстрее, чем прошло десять минут: чистый, с влажными после душа волосами, прилипшими ко лбу.

И в нежно-голубой рубашке оттенка юной незабудки.

– О чем вы хотели поговорить, Матвей? – спросила Маша, зачарованно глядя на рубашку.

– О вашем отъезде, – сказал Олейников.

Рубашка тут же была забыта. Маша сосредоточилась и приготовилась к бою.

– Хотите, чтобы я подвезла вас до Москвы? – любезно поинтересовалась она.

– Я живу в Петербурге.

– Петербург мне не по пути, – с сожалением сказала Маша.

– Вы прекрасно понимаете, что я не об этом.

Матвей остановился, и девушка тоже вынуждена была встать.

– А о чем? – холодно спросила она, сбрасывая притворную любезность.

– Когда вы собирались домой?

– Через неделю.

– Я бы на вашем месте изменил свои планы и уехал раньше. Скажем, завтра. В крайнем случае послезавтра.

Маша пожала плечами.

– С какой стати? Я приехала знакомиться с родственниками. Уверена, что двух дней мне не хватит.

– Послушайте, вы не получите наследства Марфы, – проникновенно и очень убедительно сказал Матвей, – поверьте мне, это так. Я хочу предупредить вас, чтобы вы не теряли времени зря.

– Очень мило с вашей стороны. Фактически вы только что обвинили меня в том, что я интересуюсь лишь деньгами вашей тети. А заодно сообщили, что денег мне не видать. Очевидно, такая стяжательница, как я, должна после этих слов залиться слезами и уйти пешком прочь со двора, метя пыль подолом.

– У вас нет подола, – некстати заметил Олейников.

Но Машу было уже не остановить. Ее душили горечь и злость.

– У вас не возникло даже мысли, что у меня могут быть другие причины, чтобы быть здесь. Знаете, пожалуй, я постараюсь оправдать репутацию, которой вы меня наградили: останусь и буду участвовать в этих крысиных гонках наравне со всеми. У меня ведь есть шанс победить, не правда ли? Именно поэтому вы так неуклюже пытаетесь отправить меня домой, прикрываясь моими интересами.

Она обогнула Матвея и быстрыми шагами пошла к дому, покраснев от негодования. Слышать гадости от Бориса Ярошкевича было и вполнину не так неприятно, потому что Ярошкевич сразу ей не понравился. Олейников – другое дело. Но на поверку оказалось, что и он ничуть не лучше.

«Еще немного – и я начну понимать, почему мать не общалась с ними всю жизнь».

На ступеньках крыльца сидела закутанная в белое фигурка. Подойдя ближе, Маша узнала Еву Освальд. Из пушистого белоснежного халата, приспущенного до груди, поднимались золотистые плечи – словно из пены; казалось, одно движение – и халат свалится с нее.

– Доброе утро, – мило улыбнулась Ева. – Уже уезжаете?

– Нет, – отрезала Маша так отрывисто, что лицо Евы вытянулось. – Я остаюсь. Причем надолго.

Из-за угла дома вышла Марфа Степановна в цветастом платке и с

пустым ведром в руке. Обе женщины хором поздоровались с хозяйкой.

Олейникова остановилась, поставила ведро на землю и напустилась на Еву:

– А чтой-то ты, красавица, в каком бесстыдном виде тут сидишь? В бане девки так ходят, а ты на люди показалась! А ну, марш в дом, бесстыдница, и больше срамотой своей глаз не оскорбляй!

Ева вскочила, словно школьница, которую отчитала учительница.

– Как скажете, Марфа Степановна!

Присела в почтительно-ироническом книксене и убежала.

Старуха оглядела с ног до головы Машу, кажется, ища к чему придраться.

– Почему носишь джинсы, а не платье? – проворчала она наконец. – Женщина ты или нет? Ступай, переоденься. Сарафанчик какой-нибудь найди, или юбку...

В другое время Маша не стала бы спорить с пожилой женщиной и согласилась бы, что настоящая женщина должна носить исключительно платье. Но разговор с Матвеем Олейниковым выбил ее из колеи и лишил обычного миролюбия.

– Я, Марфа Степановна, уже вышла из того возраста, когда мне делали замечания по поводу одежды, – чуть резче, чем следовало, сказала Маша. – И носить буду то, что мне нравится.

Она ожидала вспышки, но Марфа вдруг улыбнулась и подмигнула ей:

– Молодец! Отстаиваешь свое мнение. Одобряю. Кстати, скоро будет завтрак, далеко не уходи!

Подхватила ведро и пошла наискосок через двор к курятнику.

Пока Успенская провожала старуху взглядом, ей на память пришло воспоминание о приятеле школьных лет, Вовке Мартынове. Любимой фразой Мартынова было: «Не обращайтесь внимания, мы все здесь немного чокнутые». Вовка применял ее к месту и не к месту. Но наиболее удачным следовало признать тот случай, когда они вдвоем залезли в кабинет биологии, чтобы украсть скелет. Скелет требовался для вечеринки, после которой Маша с Мартыновым собирались вернуть костлявого обратно.

Хохоча как сумасшедшие, они нацепили на скелет (который ласково называли Гришей) плавки и подводную маску. Согласно Вовкиному замыслу, на вечеринку с ними в обнимку должен был явиться покойный водолаз. Пикантность всей затее придавал тот факт, что именинник увлекался плаванием и собирался вскорости нырять где-то в Крыму, разыскивая на глубине археологические древности.

Но плану ребят не суждено было исполниться. В разгар суматохи в

кабинете появился охранник и обнаружил Машу, Вовку и скелет Гришу в маске, натянутой на его желтый череп.

Охранник застыл в немом изумлении. На скелет покушались и раньше, но сделать из него водолаза додумался только Мартынов.

Вовка первым пришел в себя.

– Не обращайтесь внимания, – проблеял он и приветственно помахал рукой скелета на шарнире, – мы все здесь немного чокнутые!

Шарнир вылетел, и несостоявшийся подводник шлепнулся охраннику под ноги. Мартынов остался стоять, сжимая плечевую кость.

После этого случая их долго песочили у завуча. Мартынов рвал волосы, каялся и брал вину на себя. А выйдя, отряхнулся, словно воробей после пыльной ванны, и с сожалением сказал:

– Эх, жалко, с нами у завуча не было Гриши. Пускай бы ему тоже устроили выволочку!

– Вовка, ты чокнутый, – убежденно сказала Маша.

– Мы все здесь немного... – ухмыльнулся Мартынов.

Стоя у крыльца, Маша вспоминала друга Вовку и думала, что его любимое выражение подходит сейчас как нельзя лучше.

«Что ж, хоть право носить джинсы я отстояла...»

С этой мыслью Маша распахнула неплотно прикрытую дверь и оказалась нос к носу с Борисом Ярошкевичем. Он шагнул вперед, вынуждая ее попятиться.

– Подлизываемся к Марфе, ага, – саркастически улыбаясь, констатировал Борис. – Стараемся заслужить ее одобрение. «Марфа Степановна, я уже вышла из того возраста...», – передразнил он противным тонким голоском.

– Вас в детстве не учили, что подслушивать неприлично? – поинтересовалась Маша. – Отойдите, я пройду.

Но Борис встал в дверях основательно. Даже ноги расставил, словно готовился переждать порыв шквального ветра. По его сузившимся глазам Маша поняла, что на этот раз оплеуха не поможет.

Ей снова вспомнился Мартынов. Про таких, как Ярошкевич, он говорил – «нет тормозов и парашюта». При чем здесь парашют, Успенская не знала, но фраза казалась ей точной.

– Пропустите меня, – твердо сказала она.

Но ее вчерашнее бесстрашие испарилось. В самом деле, какой вред она может причинить этому наглому раскормленному бугаю? Самое плохое заключалось в том, что и Ярошкевич отлично это понимал.

– А ты попроси по-хорошему! – Борис явно издевался над ней.

«А ведь он даже Марфы не боится, – поняла Маша. – Если я вздумаю жаловаться, скажет, что я все придумала. Или соврет, что заигрывал со мной. Вчера я ему пригрозила, но не драться же мне с ним...»

Маша развернулась, спустилась с крыльца и вновь пошла к саду. Ей вслед Ярошкевич засвистел что-то веселенькое, победное.

Солнце поднималось так быстро, как будто сверху его тянули за ниточку. Тени от яблонь укорачивались на глазах.

«Ты же видишь, тебе здесь никто не рад, – вкрадчиво сказал голос матери. – Уезжай».

«Никто – слишком сильно сказано, – возразила Маша. – Пока мне не рад только один человек. Хорошо, пусть два. И именно поэтому я никуда не поеду. Они только этого и хотят».

– Куда вы? – окликнул Машу уже не воображаемый голос, а настоящий.

Матвей стоял в двух шагах и вопросительно смотрел на нее.

– Я только что видел Марфу. Она ждет всех на завтрак через десять минут.

Маше вдруг очень захотелось пожаловаться, что у входной двери караулит Борис и не пускает ее в дом. Но это выглядело бы глупо и жалко. И еще унизительно, словно она школьница, над которой издевается десятиклассник. «Кому ты собралась ябедничать? – язвительно поинтересовался голос матери. – Человеку, который тоже хотел избавиться от тебя? Ты, кажется, растеряла остатки самоуважения».

– Спасибо, – выдавила Маша. – Через десять минут я приду.

Матвей внимательно посмотрел на нее и вдруг сказал:

– Слушайте, я хотел извиниться за свое предложение. Когда я говорил, что вам нужно уехать, то имел в виду...

– Тихо! – перебила его Успенская. – Слышите?

За домом кто-то тоненько и жалобно взвизгнул.

– Это что еще такое? – вскинулась Маша, которой сразу представилась Нюта Анциферова, обливающаяся холодной водой под надзором тепло одетого супруга.

– Это свинья, – проинформировал ее Матвей.

– Какая еще свинья?

– Белорусская черно-пестрая. Но я не уверен, породу надо уточнить у Марфы.

Маша осознала, что речь без всяких иносказаний идет о парнокопытном.

– А можно на нее посмотреть, как вы думаете? – с интересом спросила

она, тут же забыв про гнусного Бориса.

Олейников уставился на нее с насмешливым любопытством.

– Не думаю, что она будет возражать, – после недолгих размышлений ответил он.

– Я не собираюсь бить ее по пяточку, – заверила Маша.

– Я о тете Марфе. Идите за мной.

Они пересекли сад, обогнули дом и оказались на заднем дворе. Здесь Маша еще не была. С одной стороны двор был ограничен сараем с приоткрытой дверью, за которой в полумраке блестел руль новенького велосипеда. С другой стороны возвышался коровник, из которого несло сеном и навозом. В центре двора был устроен загончик, обнесенный крепким забором, а в этом загончике...

А в этом загончике стояла свинья.

Никогда в жизни Маша не видела такой огромной, такой невероятной свиньи.

Грязно-розовая, с бочкообразными, как у бегемота, боками в черных пятнах, с растопыренными ушами размером с Машину ладонь, с высокомерно вздернутым вверх пяточком, перепачканным в грязи, эта свинья была ростом с доброго пони. Вся ее голова была покрыта редкой желтой щетиной, а между ног висело, почти волочась по земле, брюхо. В крошечных раскосых глазках светились ум и достоинство.

Это была богиня свиней.

– Вот это да-а-а! – восхищенно выдохнула Маша. – Какая потрясающая хавронья! Интересно, как ее зовут.

– Дульсиня, – сказал Матвей и уточнил: – Она вам в самом деле нравится?

– Очень, – честно сказала Маша. – Не в гастрономическом смысле, а вообще. Можете смеяться, сколько хотите, но я люблю свиней.

– Не собираюсь я смеяться, – пробормотал Олейников. – Мне и самому очень симпатична эта свинья.

Дульсиня подняла голову. Откуда-то из глубины ее утробы донесся, набирая силу, громкий хрюк, больше похожий на рык.

– Хорошая девочка, – одобрительно сказал Матвей и, подойдя, почесал хрюшку за ухом. – Умная, чистоплотная! Для свиньи...

Дульсиня по-собачьи потерлась лбом об его руку. «И не боится рубашку испачкать, – с удивлением подумала Маша о Матвее». На рукаве и в самом деле осталась грязная полоса.

Откуда-то прибежала Тявка, повалилась под ноги Матвею. Дульсиня покосилась на нее и ревниво заворчала.

– Кто здесь еще живет? – любопытствовала Маша, забыв о том, что больше не собиралась разговаривать с Олейниковым. – Собака, куры, свинья... Все?

– Корова и коза. Вы с ними еще познакомитесь. Кстати, Марфа терпеть не может, когда опаздывают на завтрак. Идите, я догоню.

Маша помялась. Новая стычка с Борисом наверняка закончится скандалом. Скандалить страшно не хотелось.

– Можно я вас подожду? – не выдержала она. – Мне не хочется возвращаться одной.

– Уж не боитесь ли вы Марфу? – удивился Олейников.

– Марфу? – в свою очередь удивилась Успенская.

Матвей озадаченно вскинул брови.

– Ага, – сказал он, помолчав, как будто что-то понял. – Нет, ждать меня не надо. В смысле, пойдете вместе.

Когда они подошли к дому, Борис все еще торчал на ступеньках. Увидев Машу, радостно привстал и даже взмахнул рукой. Но стоило ему заметить неторопливо идущего следом Матвея, как вся радость его улетучилась.

– Здорово, – пробасил Олейников. – Ты чего здесь? Марфа всех на утреннюю трапезу собирала.

– Покурить вышел, – криво улыбнулся в ответ Борис. – А у вас романтическая прогулочка с утра пораньше, а?

– Романтическая, – кивнул Матвей. – Свиной наблюдаем. Помогает расслабиться после трудовых будней.

«Свиной?»

Маша встрепенулась. Откуда взялось множественное число, если свинья в загоне была одна?

– Ты все в своей конторке трудишься? – небрежно спросил Ярошкевич. – Или нашел нормальную работу?

Матвей рассмеялся.

– В конторке, Боря, в конторке. Про тебя не спрашиваю – знаю от Марфы, что варишься в бизнесе. Уже практически сварился вкрутую.

– В каком смысле?

– В хорошем, Боря. Крутой стал, заматерел.

– А-а-а... – расслабился Ярошкевич. – Это да. Москва, знаешь, такой город... закаляет. Тебе этого не понять, а я на своей шкуре испытал.

– Конечно, не понять, – согласился Олейников. – В России ведь только Москва – всесоюзная здравница, всех закаляет. А мы сидим себе в Питере: тишь, гладь и никакого насильственного оздоровления организма.

Борис дернул уголком губы. Кажется, хотел усмехнуться, но получилось похоже на нервный тик.

«А ведь эти двое терпеть друг друга не могут, – поняла Маша. – Прямо-таки не переваривают».

– Верно говоришь про ваш Питер, – согласился Ярошкевич. – Тишь, гладь – короче, болото. Бабы, как пиявки, так и норовят присосаться. А все мужики, с которыми я там дело имел, – сплошь нытики. Дел никто вести не умеет, зато умеют сидеть и жаловаться, что в Москве люди зашибают хорошее бабло, а им только объедки остаются. Тьфу!

И Борис выразительно харкнул на траву.

Теперь у Маши не осталось сомнений в том, чего хочет Борис Ярошкевич. Он хотел драки. Ни Гена Коровкин, ни Иннокентий не были достойными противниками: избеи он их – и Марфа могла бы выгнать его. Но тяжеловес Матвей, тренированный, мощный, был как раз тем человеком, на ком Борис мог сорвать злобу. К тому же Матвей мешал ему разобраться с Машей, и этим окончательно вывел Ярошкевича из себя.

«Просто замечательно, – с тоской подумала Маша. – Как я удачно приехала: к семейным разборкам с применением физической силы».

Но Матвей Олейников вместо того, чтобы оскорбиться, только покачал головой.

– Ты меня удивляешь, Боря.

– Это чем же? – радостно осклабился Ярошкевич, у которого руки чесались врезать Олейникову. Он ждал только повода.

– Как тебе известно, у приматов наибольшей импульсивностью и агрессивностью обладают особи, стоящие в самом низу социальной иерархии. А ты давно уже не там. Или там?

Лицо Бориса озадаченно вытянулось.

– В общем, ты подумай пока, – мягко предложил Матвей. – Определись со статусом. А мы пойдем.

Он открыл дверь перед Машей:

– Ого, блинами пахнет!

Изнутри и впрямь доносился густой блинный дух. За накрытым столом уже сидели Лена с Геннадием, Анциферов со своей Ньютой и Ева, сменившая халат на спортивный костюм.

Из кухни выплыла Марфа Степановна, неся на блюде гору блинов.

– Это Лена напекла, – объявила старуха. – Я-то с утра совсем закрутилась без помощников.

И многозначительным взглядом обвела племянников.

Намек поняли: все вразнобой высказались в том смысле, что готовы

предложить тетушке любую помощь. Дальше всех пошел Иннокентий, пообещав сделать все, что Марфа ни пожелает.

– И туалеты будете чистить? – невинно спросила Ева.

– Господу любая работа угодна, – веско уронил Анциферов. – Если тетя сочтет нужным, то и туалеты почищу. Ничего зазорного в таком труде нет.

Наградой Иннокентию был милостивый взгляд Марфы Степановны.

– Молодец, Кешенька, – ласково сказала она. – Трудолюбив ты, значит. Это хорошо.

– Мы все здесь трудолюбивы, – хохотнул Борис. – На словах-то уж точно.

– Что такое? – взъерошился Анциферов. – На что ты намекаешь?

– На то, что у тети Марфы в доме канализация. Так что чистка выгребной ямы тебе, Кеша, не грозит. Кстати, давно ли ты стал религиозным? Господа поминаешь к месту и не к месту. Что-то раньше я не замечал в тебе такого рвения.

– А много ли ты, Борь, замечаешь? – вдруг вступил в разговор Гена Коровкин. – Мы с тобой виделись последний раз десять лет назад. А с Иннокентием ты когда встречался?

– Всего две недели прошло, – ухмыльнулся Борис.

– Не забудьте сказать, что вы случайно встретились на выставке, – тихо заметила Нюта. – И если бы Кеша вас не окликнул, прошли бы мимо.

Борис так удивился тому, что молчаливая Нюта заговорила, что даже не нашелся, что возразить.

– Давайте есть блины, – дипломатично предложила Лена. – Они быстро стыннут.

Но на ее призыв отреагировали только Маша и Матвей. Остальные бросали друг на друга враждебные взгляды, и было понятно, что ссора – лишь вопрос времени.

– Странно, что ты вспомнил о семейных связях, – бросил Борис Гене Коровкину. – Ты тоже не особенно рвался поддерживать отношения.

– Интересно, почему? – Гена с преувеличенной задумчивостью почесал в затылке. – Может быть, потому, что при нашей последней встрече ты дал понять, что не хочешь общаться с неудачником? Как ты выразился... С лузером! Мы ведь все для тебя лузеры.

– Положим, не все, – подала голос Ева. – Говорите, Геннадий, только за себя.

– Грех гордыни – страшный грех, – глядя в пространство, произнесла Марфа, ни к кому конкретно не обращаясь.

Но Ярошкевич отлично понял, что его акции падают. Маша не могла не отдать ему должное: он быстро перестроился и вместо обороны перешел в нападение.

– Злопамятный ты, Гена, – посетовал он – Столько лет прошло, а все тешишься обидой.

Хозяйка вздохнула.

– Злопамятным быть тоже негоже, – поведала она. – Кто зло в себе хранит, тот и в мир его несет, к людям.

Ярошкевич бросил торжествующий взгляд на притихшего Коровкина.

«А ведь Марфа уже начала свой отбор, – подумала Маша, наблюдая за старухой. – Смотрит, кто как себя проявит, понемногу подливает масла в огонь. Все они разыгрывают перед ней роли, пытаются казаться лучше, чем есть, а заодно выставляют друг друга в неприглядном свете. Но она тоже играет».

В следующую секунду Олейникова мелко перекрестила плоску со сметаной, и Маша усомнилась в своей правоте. Нет, не играет и не притворяется. Пожалуй, немного провоцирует, чтобы каждый раскрылся ярче.

И у нее это получается.

Марфа свернула блинчик, обмакнула его в сметану и откусила с сокрушенным видом.

– У каждого свои недостатки, – пробормотала старуха, будто говоря сама с собой. – У кого больше, у кого меньше... Не в них дело. Любой недостаток можно исправить. А вот те достоинства, что есть, увеличить нельзя. Не прибавляются они, вот в чем дело. Нельзя стать умнее, добрее или вдруг обрести способности к счетоводству или учительству. Только притвориться можно.

Все притихли. Бормоча, Марфа наклоняла голову то вправо, то влево. Сначала слегка, потом все сильнее и сильнее, словно разминала шею. Черные глаза устремлены перед собой, в руке зажат надкушенный блин... «Все-таки она не в себе», – ужаснулась Маша, не замечая, что меняет мнение об Олейниковой уже третий раз за последние пять минут.

Но судя по лицам родственников, большинство из них думало о том же. Марфа не в себе. Да и какой человек в своем уме откажется от состояния, доставшегося в наследство?

– Так что я, голубчики мои, буду смотреть на ваши достоинства, – важно закончила Олейникова и медленно выпрямила голову. – Все бумаги для передачи имущества подготовлены, с нотариусом дела обговорены. Даже справка у меня медицинская есть, что я нормальная. Как это...

дееспособная!

Маша дала бы голову на отсечение, что минимум трое из собравшихся подумали, что грош цена этой справке.

Но никто не возразил старухе. Магические слова «передача имущества» заморозили всех или почти всех.

– Марфа Степановна, вы больше в своем уме, чем многие из нас, – грубо польстил Иннокентий.

– Точно подмечено, – улыбнулась Ева Освальд.

Завтрак продолжался.

Машу снова кольнула тревога, происхождение которой она не смогла понять. Что-то было не так... Не так, как должно быть.

«Разумеется, не так, – насмешливо заметил внутренний голос, похожий на голос матери. – Вместо того чтобы отмечать чужой юбилей, ты оказалась втянутой в свару за наследство. Разве это нормально?»

Но Маша отмахнулась от голоса. Нет, дело заключалось в чем-то другом. Не в странности и необычности самой ситуации, в которую она попала... Что-то внутри этой ситуации тревожило Машу, казалось неестественным.

– А у меня для каждого из вас сегодня найдется дело, – сообщила Марфа, утирая губы. – Есть такие, кто не хочет помогать мне по хозяйству?

Хотели все.

– Вот и чудненько. Начнем, Кеша, с тебя, – Олейникова окинула Анциферова нежным взглядом. – Говоришь, готов за любую работу браться?

Иннокентий с пионерским блеском в глазах подтвердил, что готов.

– А ты, Ева?

– Конечно, Марфа Степановна, – подтвердила Ева.

– Хорошо... – Старуха немного подумала. – Тогда вот что: после завтрака познакомлю вас со своим хозяйством, все покажу и расскажу. А там и дело каждому из вас найдется.

Маша поймала взгляд Бориса Ярошкевича. Он смотрел на нее и ухмылялся с таким видом, как будто знал что-то, скрытое от Маши. Незаметно от остальных поднял ладонь, приложил ее к своей щеке и сделал вид, будто голова его мотнулась в сторону.

«Оплеуху он мне не простит, – поняла Маша. – Будет пакостить на каждом шагу».

Она отвела глаза от Ярошкевича и вдруг заметила, что один человек все же наблюдал за его пантомимой: Матвей Олейников.

.....

Борис Ярошкевич не любил читать книги. Его сугубо практический ум не находил пищи ни в приключенческих романах Жюль Верна, ни в расследованиях Шерлока Холмса, ни в похождениях капитана Блада. Мать заставила его прочитать Джеральда Даррелла, полагая, что веселые истории о животных должны понравиться подростку. Борис дочитал книгу до середины, пришел к матери и мрачно поинтересовался:

– Мам, этот мужик, Даррелл, он правда занимался животными?

– Правда, – подтвердила обрадованная Раиса, решив, что сын наконец-то нашел, чем увлечься. – Все его книги автобиографические.

– Во идиот, – констатировал Борис. – Делать больше нечего было?

И вернул книгу матери, сказав, что кретинов и в жизни хватает, чтобы еще и в книгах про них читать.

Но как-то раз на отдыхе ему попалась книжонка, детектив Агаты Кристи, которую от скуки он прочел от корки до корки. И там наткнулся на слова, которые запомнились Ярошкевичу на всю жизнь. *«Прилив бывает и в делах людей. Прилив, который, если не упустишь, к богатству приведет».*

Он даже не обратил внимания, что фраза принадлежала Шекспиру. Какая разница, кто это сказал? Главное – кто прочитал! А прочитал он, Борис Ярошкевич, и понял, что к нему высказывание подходит, как костюм, сшитый хорошим портным.

С детства в Боре сидела глубокая убежденность: мужское занятие должно приносить деньги. Если не приносит, ты неудачник и ничтожество. Даррелл был неудачник, потому что растратил впустую талант зверолова, а его зоопарк особой прибылью не приносил. А мог бы добывать шкуры редких зверей и жить припеваючи.

Врачей, учителей, ученых и прочих идейных Борис Ярошкевич считал обслуживающим персоналом. Художников, поэтов, музыкантов и вообще творческих личностей – паразитами. Но если встречал врача, заработавшего имя и деньги своими операциями, относился к нему уважительно. И не побрезговал бы пожать руку художнику, чьи картины хорошо продавались.

Для Бориса Ярошкевича главным и единственным мерилем смысла деятельности был доход. Книжка Агаты Кристи, прочитанная в восемнадцать лет, помогла ему дойти до важной мысли: прилива ждать нельзя, иначе можно всю жизнь просидеть на берегу моря. А вдруг случится один-единственный, и ты проспичь его? Нет, приливную волну нужно устроить своими руками. И не одну, а много! Какая-нибудь

обязательно вынесет его к богатству.

Раиса Ярошкевич была замужем всего три месяца. Муж погиб в автомобильной аварии. На память Раисе осталась лишь свадебная фотография и фамилия Ярошкевич. Завести ребенка супруги не успели.

Она родила в тридцать восемь лет от случайно встреченного мужчины, который больше не появлялся в ее жизни. Для сына мать придумала романтическую балладу о моряке, который должен был вернуться, чтобы жениться на ней, но разбился с кораблем у мыса Доброй Надежды. Но к пятнадцати годам Борис догадался, что его пичкают выдумками, и потребовал назвать имя отца.

Раиса решила, что Боря уже достаточно большой, чтобы знать правду.

В ее жизни не было поступка, о котором она пожалела бы так же сильно. Потому что сын-подросток, выслушав рассказ, посмотрел на мать с плохо скрываемым презрением и спросил:

– Выходит, ты даже папашу нормального не смогла мне выбрать? Такого, который хотя бы алименты нам платил?

Несколько секунд Раиса не могла выговорить ни слова. Она ожидала чего угодно – сочувствия, огорчения, слез – но только не холодного пренебрежения.

Сын отвернулся к окну, и женщина собралась с силами.

– Боря, я не думала об алиментах. Пойми, мне было тридцать восемь лет. Я страшно боялась, что время уйдет и я не успею родить ребенка. Но, к счастью, я успела. – Она просительно улыбнулась. – Тебя.

Но Боря не растрогался. Пожал плечами, не поворачиваясь к ней:

– Значит, ты поздно очнулась. Ждала до последнего, а потом схватилась за первого попавшегося... Большое достижение!

– Не смей так говорить! – вспыхнула Раиса. – Я твоя мать!

– Мать, – признал Борис, как ей показалось, с неохотой. – Ладно, закрыли тему. Я все понял.

И ушел.

Несчастливая Раиса, оставшись одна, расплакалась. Она пыталась убедить себя, что у мальчика кризис подросткового возраста, что он расстроился из-за ее рассказа и вылил раздражение на мать... Что он ее любит, просто редко выражает свои чувства. Но тоска, глухая, съедающая душу тоска никуда не уходила.

Раиса включила радио, чтобы заглушить страшноватую тишину, воцарившуюся в доме после ухода сына. Пела Вероника Долина. Этой песни Раиса прежде не слышала.

И была на целом свете тишина,

И плыла по небу рыжая луна.

И зайчоночка волчиха родила,

И волчоночка зайчиха родила.

...«Ты зачем же нам зайчонка принесла?

Он от голода, от холода помрет».

«Ты зачем же нам волчонка родила?

Он окрепнет, осмелеет, нас пожрет».

Та качает свое серое дитя,

Та качает свое сирое дитя.

Та качает свое хищное дитя,

Та качает свое лишнее дитя.

И стоять на целом свете тишине,

И луне на небо черное всходить,

И зайчоночка родить одной жене,

А другой жене волчоночка родить.

Раиса спохватилась и выключила проклятое радио, но песня уже прозвучала. Слова вертелись в голове, как заевшая пластинка: «та качает свое хищное дитя»...

Про нее было спето, про Раису. Это она – зайчиха: маленькая,

серенькая, хвостик дрожит от страха. А родила волчонка. Как такое вышло? Теперь не разобраться. И не сделаешь ничего: волчонок подросший, уже и зубы начал показывать. Ничего ей не исправить, и зря она утешала себя. Поздно утешать.

Раиса уронила голову на руки и снова заплакала.

В девятнадцать лет Борис Ярошкевич решил основать свой бизнес. Не хватало только первоначального капитала.

Борис обшарил весь дом в поисках вещи, которую можно было бы продать за большие деньги. Но ничего не нашлось, кроме старенького золотого кольца матери. Он прикинул стоимость кольца и вернул на место: дешежка.

Начинать с мелочей не хотелось, душа требовала размаха. И тогда Борис отправился к деду.

Николай Михайлович Олейников был очень стар. Две дочери не оправдали его надежд: одна вышла замуж за полное ничтожество, другая и вовсе сподобилась родить без мужа. Жалкие, жалкие бабы! Эх, был бы у него сын... Одно время Николай Михайлович с надеждой посматривал в сторону подрастающего Иннокентия, сына младшей дочери. Но когда тот вырос, стало ясно: не мужчина, а какое-то недоразумение. Длинный, вихлястый, с бородкой... И одни женщины на уме. Тьфу!

Николаю Михайловичу было очень любопытно, каким растет другой внук, Борис. Но девятнадцать лет назад, когда Раиса сообщила ему, что ждет ребенка, он наговорил ей такого, что дочь ушла и больше никогда не звонила отцу. «И на что она обиделась? – размышлял старый Олейников. – Сказал, что дура? Так это чистая правда, и обижаться не на что. Нехорошим словом назвал? Чего не скажешь под горячую руку. Отправил ее избавиться от ублюдка, не позориться перед людьми? Но ведь не избавилась же. Родила, вырастила... И не звонит уже двадцать лет, не хочет узнать, как ее старый отец поживает. Дрянь такая!»

Восемь лет назад Николай Михайлович позвонил Раисе сам. Он только что выписался из больницы после операции, и врач предупредил, что восстанавливаться Олейникову не меньше месяца. Старик рассудил, что ему понадобится помощь: убраться, приготовить еду, сходить в магазин... Кто лучше годился на эту роль, чем тихая послушная Раиса? Конечно, когда-то он очень сердился на нее за то, что она родила, не посоветовавшись с ним, но это дело давнее. Теперь он ее простил.

Олейников позвонил старшей дочери и бодрым голосом начал излагать свое дело. Как будто не было ни их последнего разговора, ни двенадцати

лет молчания... Раиса послушала пять минут – и повесила трубку.

Николай Михайлович опешил. Он перезвонил и злобно осведомился, с какой стати его родная дочь не хочет с ним разговаривать? Что она вообще себе...

Раиса снова бросила трубку. Ни слова не возразила. Он слушал сначала ее молчание – а потом только короткие гудки.

Третий раз Николай Михайлович перезванивать не стал. Его трясло от ярости.

Пришлось на два месяца нанять проходящую женщину, которая помогала по хозяйству. Каждый раз, когда Олейников глядел на нее, ему вспоминались короткие гудки в телефоне, и кровь ударяла в голову.

Но пообщаться с внуком очень хотелось. Может, хоть этот окажется по духу настоящим Олейниковым?

И вдруг Борис нашел его сам. Позвонил, сказал: хочет познакомиться.

Николай Михайлович пригласил внука к себе домой и с волнением ждал его визита.

Борис не разочаровал его: высокий, мускулистый – не то что эта рохля Иннокентий. Выглядит старше своих лет, улыбается так, что видны розовые блестящие десны, а глаза при этом сверлят деда.

В общем, внук Николаю Михайловичу понравился.

Борис не стал ходить кругами и сразу изложил свое дело. Ему нужны деньги. Он вложит их в свой бизнес, сейчас как раз удачное время для этого. А проценты будет возвращать с прибыли.

– Откуда же я тебе возьму деньги? – прищурился старик. – Сказать, какая у меня пенсия?

– У вас гараж стоит в центре города, – невозмутимо ответил Ярошкевич. – Он вам не нужен. Продайте – вот и деньги.

Николай Михайлович крякнул и почесал в затылке. Значит, внук разведал обстановку, прежде чем идти в гости...

– Ну так что? – поторопил его Борис. – Согласны?

– Подумать надо. Не гони коней! – осадил парня старик. – Придешь через неделю – дам ответ. Напиши-ка мне на бумажке, сколько хочешь получить и какие проценты будешь мне отдавать. Да поразборчивей пиши! У меня глаза не казенные.

Через неделю Борис позвонил деду и услышал в ответ, что тот согласен на его предложение. Только ежемесячный процент Николай Михайлович увеличил: не шесть, а десять процентов. Ярошкевич пытался протестовать, но старик оборвал его:

– Будешь платить как миленький! А нет – так иди к лихим людям, занимай у них. Потом пожалеешь, что не у меня взял, а поздно будет!

Борис тут же пошел на попятный. Старик удовлетворенно усмехнулся: куда внуку против него! Мал еще, сопляк.

Судьба гаража была решена, и вскоре Николай Михайлович передал Борису требуемую сумму. Под расписку, конечно же. Составляя документ, Олейников сделал вид, будто задумался на секунду, поднял от бумаги выцветшие глазки и проскрипел:

– А что, Боренька, может, и тринадцать процентов мне дашь? А? Я человек старый, мне деньги не лишние...

И подвинул к себе цепкой лапкой уже приготовленную пачку денег.

К его удивлению, Ярошкевич согласился, не раздумывая:

– Конечно, дедушка, пишите. Только не тринадцать, а четырнадцать. Тринадцать – нехорошее число.

Николай Михайлович просиял:

– Ай да внучок! Ай да щедрая душа!

– Я еще пока ничего не заработал, – улыбнулся Борис, снова сияя деснами. – Вот заработаю – тогда буду щедрым.

И добавил прочувствованно, поставив подпись на расписке:

– Спасибо, дед!

Олейников светился от удовольствия. Наконец-то в его отпрысках нашелся достойный продолжатель семейных традиций! Чувство гордости не помешало ему выжать из внука все, что можно. Но деньги деньгами, рассуждал Николай Михайлович, а родственные чувства идут в балансе отдельной строкой.

Он спрятал расписку в буфет и приготовился ждать первых поступлений.

Борис сразу пустил деньги в оборот: взял в аренду машину, развозил по ночам ящики с водкой, договорившись с районными ларьками. Где он закупал водку, Борис так и не рассказал деду. Он был скрытен, но зато раз в неделю, а то и чаще, находил время, чтобы заехать к Николаю Михайловичу и привезти продукты, хороший коньяк или просто сигареты.

«Заботится, – умилялся Олейников. – Как же у моей дуры Раисы такой отличный парень вырос? Мои, мои гены!»

И вдруг в один день все оборвалось. Ни визитов, ни звонков... Олейников выждал пару дней, затем позвонил сам. Он готовился объясняться с Раисой, но трубку взял Борис.

– Куда пропал? – спросил Николай Михайлович.

– Извини, сейчас не до тебя, – без всякого почтения ответил внук,

проглотив обычное слово «дед». – И не звони мне. Понадобисься – сам позвоню.

Николай Михайлович взбеленился. Никто никогда не позволял себе так разговаривать с ним! Даже глупая овца, его дочь, и та посмела только молча повесить трубку.

– Ах ты, щенок!

Олейников сверился с календарем и перезвонил снова.

– Я же сказал тебе... – начал Борис, но старик перебил его.

– Платить пора! – визгливо выкрикнул он. – Ясно тебе? Срок подошел по расписке. Чтобы сегодня же был у меня с деньгами, пакость ты эдакая!

Внук помолчал немного.

– По какой еще расписке?

– Хорошо дурачка корчить! – взвился Николай Михайлович. – По твоей расписке, по которой ты мне денег должен! С процентами!

– Дед, – дружелюбно сказал Ярошкевич. – Ты бредишь. Иди проспись.

– Верни деньги!

– Какие деньги? Я тебе ничего не должен. Завязывай с выпивкой, иначе крыша съедет окончательно.

Швырнув трубку, Николай Михайлович ринулся к буфету. Там, в ящике, лежала заветная расписка. Он прижмет этого подлеца к ногтю! Он покажет ему, как хамить деду!

Олейников выдвинул ящик, перерыл бумаги и замер. Где расписка? Она была здесь, он положил ее под книжку с рецептами...

Где же она?

И вдруг старик вспомнил, что всего неделю назад Борис привез ему лекарства. Перед глазами его встала картина: Ярошкевич, ссутулившись над ящиком, раскладывает таблетки, приговаривая: «Сиди, дед, сиди, я сам!»

Олейников сообразил, что за несколько месяцев внук незаметно изучил всю его квартиру, обшарил все ящики до единого. У него не было повода исследовать буфет, но старик сам предоставил ему такую возможность, попросив разложить лекарства и рецепты по местам.

– Спер у меня расписку, сволочь! – взвизгнул Николай Михайлович.

Теперь ему стала ясна и причина удивительной покладистости Бориса, и его готовность к помощи. Деда затрясло от бессильной злобы. Как?! Его обманули?! Провел какой-то мальчишка, сопляк?!

Старик отчетливо осознал, что всю операцию Ярошкевич задумал еще тогда, когда пришел к нему первый раз. Вор, паршивый вор!

«Паршивый вор» в этот момент сидел в кресле, с усмешкой

разглядывая расписку. Вовремя же он ее раздобыл! Борис уже начал бояться, что старик оказался умнее, чем он думал, и не хранит документ в квартире.

Он представил лицо деда в ту секунду, когда тот обнаружил пропажу бумажки, и расхохотался. Жаль, что нельзя сыграть второй раз шутку со старым козлом.

«Прилив бывает и в делах людей...» Этот прилив вынес Бориса к нужному берегу.

«Вынесет и в этот раз, – уверенно подумал Борис. – Если только рыжая музыкантша мне не помешает».

Глава 5

– Вот что, голуби мои, – зычно объявила Марфа по окончании завтрака. – Помощниц своих я отпустила, надеясь на то, что вы будете мне помогать по хозяйству. Но если кто хочет позагорать на лужайке, я возражать не буду.

Желающих позагорать не нашлось.

– Матвей, колодец давно пора почистить, займись-ка этим, – распорядилась старуха. – Картошка мокрецом поросла, прополоть ее надобно – это, Гена, для тебя работа. Борька, ты на колку дров отправляйся, Иннокентию я сейчас покажу, что делать. А ты, Мария, через пять минут со мной пойдешь.

Марфа вывела Анциферова, всем лицом изображавшего горячий энтузиазм, но вскоре вернулась и поманила Машу. Не задавая лишних вопросов, Успенская последовала за ней.

Солнце уже начинало припекать. День обещал быть знойным, но в тени деревьев пока лежала густая утренняя прохлада и влажная трава холодила ноги. Возле курятника оживленно переговаривались куры, из деревеньки за полем доносился собачий лай, и Тявка жадно прислушивалась к нему, вскинув уши.

Старуха уверенно ковыляла к коровнику. Но они не зашли внутрь, как ожидала Маша, а обогнули его по тропинке. За коровником, привязанная к кольшку, паслась белая коза. Жесткая шерсть на загривке торчала в разные стороны.

– Познакомься – подружка моя. Джолька ее зовут, – представила козу Марфа Степановна.

– Почему Джолька? – удивилась Маша. – Это же собачье имя.

– Не собачье, а человеческое, – строго ответила старуха. – В честь Анджелины Джели. Знаешь такую актрису? Ее, я слыхала, признали самой

красивой женщиной в мире. И коза моя красавица. Вот и назвала.

Коза повернула к Маше умную длинную морду, и Успенская взгляделась в раскосые янтарные глаза с белыми ресницами.

Марфа отвязала козу и подергала за веревку.

– Пошли, рогатая!

По дороге к лесу она объясняла Маше:

– На выпас я вожу Джольку в одно место за ельником, где хорошая трава. Оставляю там на целый день. Украсть ее здесь некому, в этот лес мало кто захаживает.

– Почему?

– Боятся его деревенские. Суеверные люди, глупые – верят, что там леший обитает.

– А вы не верите, Марфа Степановна?

– Верю, – неожиданно ответила Олейникова. – Только он в чаще живет, в самой глубине леса. До нее и захочешь – не доберешься: леший тебе глаза отведет, палок под ноги напихает, комарье нашлет. А там, куда мы с тобой идем, только дятлы водятся.

Они вошли под своды леса, и Марфа сразу свернула на широкую тропинку. Коза весело бежала перед ней, словно собака на поводке.

– Будешь отводить Джольку на выпас, – продолжала старуха. – Встаешь ты рано, это хорошо.

Как встанешь – так и иди с ней, только не забудь напоить. Если жаркий день, то надо забирать ее часов в одиннадцать – козы жару не любят. А потом, как зной спадет, снова веди в лес.

Они шли уже минут десять. То тут, то там начали попадаться овраги, поросшие малинником и заваленные буреломом. Вдоль тропинки высились сторожевые ели, а за ними местами начинался совсем уж непролазный лес.

«Если это еще не чаща, то что?» – думала Маша, с интересом оглядываясь по сторонам и вдыхая полной грудью звонкий смолистый воздух.

– Стой! – обернулась Марфа. – Смотри: здесь иди осторожно! Рабочие, когда строили дом, рыли яму, чтобы набрать песка. Да не придумали ничего лучше, как выкопать ее у самой тропы. Вырыть вырыли, а обратно, поганцы, не закопали.

В двух шагах справа от дорожки виднелся глубокий темный провал. По ближнему краю были заботливо воткнуты колышки с привязанными к ним красными тряпочками. Маша догадалась, что это дело рук старухи.

– Хоть никто здесь не ходит, кроме меня, но неровен час, какой пьянчужка забредет в лес и свалится, – проворчала та. – Засыпать бы надо,

да все не соберусь.

Сумрачный ельник вокруг них вдруг сменился березняком, и лес преобразился: посветлел, заиграл светло-зелеными и золотистыми пятнами.

– Почти пришли, – обрадовала Олейникова. – Сейчас на тот пригорок заберемся, и все. Ну, Джолька, вот твое сегодняшнее пастбище. Веди себя хорошо!

Старуха показала, как привязывать козу, и они двинулись обратно. Теперь Марфа засыпала Машу вопросами о ее жизни. Казалось, ей интересно все – и Машино детство, и ее брак, и работа... Она сочно хохотала над рассказом о собачке Леметине и не совсем прилично выразилась о Белле Андреевне.

– Марфа Степановна! – воскликнула несколько шокированная Маша.

– Не обращай внимания, – бодро сказала старуха. – Наследие колхозного детства.

Меньше всего она сейчас походила на ту благонаравную святошу, какой предстала утром. Ее хриплый смех оглашал лес, и Маша, глядя на тетушку, тоже веселилась.

Несмотря на слова Бориса, она и на секунду не допускала вероятности, что состояние Олейниковой достанется ей. И потому Машу не сковывала необходимость выставить себя с лучшей стороны. Марфа ей нравилась. Но только не та богобоязненная старуха, что собиралась уйти в монастырь, а веселая, полная жизни женщина, которая размашисто шагала по тропинке перед ней.

– Ох, рассмешила ты меня, – вздохнула Марфа, утирая слезы. – Хоть и жаль мне, деточка моя, что ты развелась, но понять тебя можно: муж при материнской юбке хуже трусливого кобеля. От кобеля хоть какой-то прок есть: он по трусости своей будет дом охранять от чужаков. А от такого мужа какая польза?

Она вытерла пот со лба краем платка.

– Уф, жара нападает. Можно на реку сегодня сходить, освежиться.

– Иннокентий говорит, там течение опасное, – без задней мысли сказала Маша.

– Ничего особенно опасного там нет, – отмахнулась Марфа. – Течение как течение. Омуты встречаются, это да.

– Но Марк, – осторожно напомнила Маша, – Марк Освальд...

Марфа остановилась так резко, что Успенская врезалась ей в спину. Когда старуха обернулась, на лице ее не осталось ни следа веселья. Оно даже испугало Машу.

– Что – Марк? – каркнула Марфа.

– Он утонул, – чувствуя себя неловко, сказала Маша. – Так мне рассказывали.

Старуха покачала головой.

– Марк не утонул. Он... – она закончила фразу, будто обрубил, – он покончил с собой.

– Покончил с собой? – потрясенно переспросила Маша и сразу поняла, каким ударом для верующей Марфы должен был стать поступок племянника. – Боже мой, какое горе. Мне очень жаль, Марфа Степановна.

– Да. Мне тоже.

Старуха отвернулась и до самого дома больше не проронила ни слова.

«Вот почему у меня было ощущение недоговоренности от рассказа Лены Коровкиной, – думала Маша. – Она сказала, что Марк погиб, но не сказала, как именно. Самоубийство... Быть может, поэтому они не встречались десять лет? Что же у них случилось на юбилее Марфы?»

Отчего-то смерть Марка Освальда, случившаяся много лет назад, не давала ей покоя. Странно, что никто не сказал ей правды – во всяком случае, полной правды. Коровкины упомянули о несчастном случае. Иннокентий Анциферов предупредил, что купаться на реке опасно, особенно ночью. И только Марфа назвала вещи своими именами, но не пожелала рассказывать подробности.

Забежав на кухню освежиться после лесного похода, Маша столкнулась с Ньютой. Девушка только приготовила клюквенный морс, и Маша с благодарностью приняла кружку кисловатого освежающего напитка.

– Морс очень полезен! – поделилась Ньюта. – На зиму я всегда запасую клюкву и варю морс для Иннокентия. Он работает со студентами, ему обязательно нужно укреплять иммунитет.

– Вы очень заботливая жена, – думая о Марке Освальде, сказала Маша. Ньюта зарделась от удовольствия.

– Называйте меня на «ты», пожалуйста, – попросила она. – Просто мне в удовольствие делать приятное Кеше. Это ведь и есть основа семьи, правда? Когда мужу и жене приятно ухаживать друг за другом?

Она выжидательно посмотрела на Машу, словно именно Успенская была специалистом по основам брака.

– Наверное, – согласилась Маша. – Не знаю, Ньюта, я слишком недолго была замужем.

– А я уже долго, – простодушно похвасталась та.

Маша про себя улыбнулась Ньютиному представлению о длительности

брака. Что такое «долго» для такой молоденькой девушки, как она?

«Интересно, рассказывал ли Иннокентий своей молодой жене о прошлом их семьи?»

– Скажи, пожалуйста, – спросила она в лоб, – ты не знаешь, отчего Марк Освальд покончил с собой?

Жена Анциферова ничуть не удивилась ее вопросу.

– Конечно, знаю. Меня тогда здесь не было, но про Марка всем известно. Он развелся с женой. Ева ему изменяла, а Марк об этом узнал.

– Значит, все из-за развода?

– Ну да. Такие сильные мужчины часто оказываются слабаками. Когда я работала в поликлинике, то узнала, что первыми падают в обморок от укола высокие и крепкие пациенты. Они совсем-совсем не умеют терпеть боль. Мне кажется, Марк был такой же. Уверена, ему каждый раз приходилось нюхать нашатырь, когда надо было взять кровь на анализ.

Нюта хихикнула. Маше стало неприятно. Каким бы ни был Марк Освальд, вряд ли он заслужил, чтобы его смерть обсуждали с насмешкой.

Об этом она и сказала Нюте Анциферовой. Но девушка не смутилась. Она пожала плечами и заметила:

– Марк должен был один раз как следует отлупить Еву за ее измены. Тогда она бы его зауважала, и они прожили бы еще много лет в счастливом браке. А все эти его страдания только убеждали ее, что он тряпка. Таким, как Ева, нужна крепкая рука с кнутом, чтобы они могли целовать ее.

Не обращая внимания на удивленный взгляд Маши, Нюта налила себе морса, осушила стакан и вытерла розовые усы.

– Пойду погляжу, как там мой Кеша, – с нежностью сказала она. – Бедненький, весь изволновался из-за Марфы.

И ушла, обнимая двумя руками живот.

«Пожалуй, не такая уж она и глупенькая девочка, как мне показалось, – вынуждена была признать Маша, в глубине души согласная с характеристикой, данной Еве. – Немножко черствая, может быть... Но это в силу возраста».

Она подвинула к себе стакан с морсом. И тут за окном раздался вопль.

В вопле слышались гнев и ярость. Самое удивительное заключалось в том, что кричал Иннокентий.

Маша подбежала к окну, высунулась наружу, и ей открылось поразительное зрелище.

Окна кухни выходили на задний двор, где был загон со свиньей. Посреди загона по щиколотку в грязи стоял Анциферов в широких, совершенно клоунских штанах. Рубашка-косоворотка была художественно

заляпана брызгами. Бороденка воинственно топорщилась, а в руках Иннокентий сжимал лопату, которой отчаянно отмахивался от свиньи.

Дульсинея негодовала. Даже человек, плохо разбирающийся в свиньях, мог бы прочесть на ее физиономии, как она ненавидит всех философов вообще и конкретно этого в частности. На глазах Маши хавронья с громким хрюканьем отбежала в угол загона и остановилась там, пригнув пяточек к земле. Вид у нее был крайне зловещий.

– Не смей! – взвизгнул Иннокентий. – Фу! Нельзя!

Отрывисто хрюкнув, Дульсинея мотнула головой и сорвалась с места. Необъятное брюхо ее раскачивалось, как мешок.словно бык на корриде, она подлетела к Иннокентию, боднула его под коленками и тотчас отскочила, обдав врага грязью.

Анциферов издал новый вопль, еще громче того, который заставил Машу выглянуть из кухни.

На крик к нему уже бежала Нюта.

– Господи, Кеша, что случилось?

– Свинья! – прорычал Иннокентий, не сводя глаз с боевой Дульсинеи. – Случилась свинья!

– А почему ты не вылезешь оттуда?

Анциферов разразился пылкой речью. Из его монолога Маша поняла, что Марфа доверила племяннику очистить загон от грязи и для этой цели вручила рабочие штаны и лопату. Но подлая свинья, не ценящая заботы, восприняла визит Иннокентия как вторжение на свою частную территорию. И вот уже десять минут терроризировала бедного Анциферова, бодая его, как заправская коза.

По завершении монолога Маша смогла насладиться семейным дуэтом Анциферовых.

– Кеша, вылезай! – нежно увещевала Нюта.

– Не могу! – рычал ее супруг. – Я должен вычистить эти авгиевы конюшни.

– Милый, у тебя ничего не выйдет. Свинья слишком дикая.

– Плевать! – горячился Иннокентий. – Я сказал, что я вычищу этот проклятый загон, и я его вычищу! Это вопрос принципа!

«Это вопрос твоей репутации, милый, – мысленно поправила Маша. – Ты хочешь доказать Марфе, что можешь справиться с любым ее поручением».

Иннокентий собрался с духом, подцепил на лопату грязь и с молодецким уханьем опрокинул ее за ограду. Нюта вовремя отскочила в сторону, потому что грязь хлопнулась на траву и разлетелась вонючими

брызгами.

– Кеша, зачем ты здесь пачкаешь? – удивилась она.

– А куда еще, по-твоему, я должен кидать это зловонное месиво? – тонко выкрикнул Анциферов. – Не задавай idiotских вопросов! Лучше иди и отвлеки эту паршивую свинью.

Он набрал вторую лопату. И допустил стратегическую ошибку, повернувшись к свинье спиной.

Дульсинея, и без того рассерженная, на словах «паршивая свинья» насупилась еще сильнее. Крохотные раскосые глазки свирепо блеснули. Стоило Анциферову открыть тылы, как Дульсинея проворно добежала до противника и наподдала ему рылом сзади.

Удар был нанесен с такой силой, что Иннокентий выпустил из рук лопату и шмякнулся на колени. Грязь под ним издала довольный чавкающий звук. Пытаясь сохранить равновесие, Анциферов погрузил в бурую жижу правую руку, опираясь на ладонь, а затем начал подниматься, ругаясь на чем свет стоит.

Маша так и не поняла, подвернулось ли у Иннокентия запястье или же он просто поскользнулся. Но только Анциферов взмахнул свободной рукой, взвизгнул и брякнулся на бок, словно ребенок, которого первый раз вывели на лед.

Падение было ошеломительным и эффектным. Фонтанчик брызг всплеснулся вверх и осел на рубашке, лице и волосах Анциферова.

А коварное животное отбежало в сторону и, развесив розовые уши, наблюдало, как враг копошится в грязи.

– Милый, – сочувственно воскликнула Нюта. – Ты упал!

Но сейчас ее способность констатировать очевидные факты оказалась нектати.

– Нюта, – прохрипел Иннокентий, цепляясь перепачканной ладонью за ограду, – уйди от греха подальше.

Ему удалось, наконец, встать. Анциферов поднял лопату и распрямился.

Глядя на него, свинья удовлетворенно хрюкнула. Маша тоже хрюкнула и сползла с подоконника, корчась в муках беззвучного смеха.

Преподаватель философии (и сам немножко философ) выглядел так, как будто это он был постоянным обитателем загончика. У Маши даже мелькнула мысль, что именно этого хавронья и добивалась: стереть разницу между человеком и свиньей. Приходилось признать, что ей это почти удалось.

– Что здесь такое творится? – раздался громкий голос, и во дворе

появилась Марфа.

Увидев племянника, она замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась, высоко вскинув брови.

– Бог ты мой... – ошеломленно произнесла Олейникова. – Кеша, кто тебя так?

Свинья скромно потупилась.

– Упал немножко, – сквозь зубы процедил Иннокентий. – Бывает. Ничего, сейчас я всю грязь перекидаю наружу, и здесь хотя бы можно будет ходить без риска для жизни.

– Перекидаешь? – переспросила Марфа. – Ох ты, горе мое, горе. Дай сюда лопату!

У Иннокентия забрали лопату и вывели из загончика. Марфа широко приоткрыла дверь сарая.

– Дуся! – позвала она. – А ну выходи!

И, слегка постукивая плашмя лопатой по крупу свиньи, загнала ее в сарай.

– Не любит в сарае сидеть, – пояснила Марфа, наклоняясь и шаря руками в траве. – А лопаты побаивается, поэтому идет. А, вот он!

Она подняла найденный предмет, оказавшийся синим садовым шлангом, и повернула кран. Из шланга хлынула мощная струя воды. Олейникова направила ее в загон, и тут стало ясно, что он расположен под наклоном: вода вперемешку с грязью, бурля, стекала к дальней стороне, выливаясь в незаметные желобки по краю загончика.

Через десять минут чистка загона была закончена. Марфа ловко свернула шланг и повесила на гвоздь, вбитый в стену сарая.

– Механизация, – гордо сказала она молчащим Нюте и Иннокентию. – Там у меня труба, по ней вся гадость стекает и в землю уходит. А ты, значит, лопаткой ее... И наружу кидал... Хе-хе!

Иннокентий открыл рот и тут же закрыл. С бороденки его упала грязная капля.

– Интеллигент, – подвела Марфа итог деятельности Анциферова. – Ладно, давай Дусю мою обратно загонять. Пора проверить, как там все остальные.

Вскоре выяснилось, что дела у всех остальных обстоят не намного лучше. Гена Коровкин, брошенный на борьбу с сорняками, справился с ними отлично. Но сам пострадал: снял футболку, решив, что солнце еще раннее, и в отместку за пренебрежение светило хлопнуло его по спине жаркой ладонью, оставив яркий красный след.

Теперь нахохлившийся Геннадий сидел в тени, а Лена обмазывала его

спину сметаной. При каждом ее прикосновении Коровкин морщился, корчился, как грешник в аду, и просил «полегче там».

Борису повезло чуть больше: отправленный на колку дров, он отделался небольшой ссадиной на лбу – там, куда попала отскочившая щепка.

Матвей Олейников все еще возился с чисткой колодца. Когда Марфа с Машей заглянули туда и поинтересовались, как дела, до них донеслось грубое ворчание, словно внизу сидел медведь.

– Ругается, – уважительным шепотом сказала Марфа. – Значит, дело движется.

Маша не могла согласиться с этим выводом, но и спорить не стала.

– А где Ева? – спросила она.

– Отдыхает, – с самым безмятежным видом ответила старуха.

– От чего?

– Просто так отдыхает. Она такая женщина – может и без работы отдохнуть.

Маша покосилась на тетушку.

– Вечером у нее будет дело, – добавила Марфа. – Ответственное.

Но больше ничего не сказала.

Из колодца выбрался Матвей, тряся лохматой головой, как огромный косматый пес.

– Все, – выдохнул он. – Теперь – купаться!

На реку шли по дороге, заросшей травой: сначала через поле мимо деревушки, затем через лес, а остаток пути брели по лугу, где качались ромашки на тонких шейках. В небесной синеве лениво купались толстые облака, и ветерок словно бы не гнал их, а лишь переворачивал с боку на бок.

Маша переоделась в зеленый сарафан, который, она знала, ей очень шел. И чувствовала себя замечательно. Но лишь до тех пор, пока к ним не присоединилась Ева Освальд.

Ева выбрала для прогулки шорты пикантной длины и топик размером с варежку. Идти на речку ее уговорил Олейников, и теперь они шагали вместе и смеялись над чем-то. Маша шла рядом с Леной, величаво плывшей среди полей, словно корабль, и не могла отделаться от мысли, что они интересная пара – Матвей и Ева.

Эта мысль вносила досадную нотку, диссонирующую с прекрасным летним днем и дорогой через поле. Чтобы избавиться от нее, Маша принялась наблюдать за остальными.

Ярошкевич составил компанию Марфе и вынужден был всю дорогу слушать ее рассуждения о душе. Тетушке поддакивал Иннокентий, а Нюта семенила рядом с ним, держа супруга под локоть, и соглашалась с каждым его словом.

Гена хотел остаться дома, но и его Матвей уговорил идти с ними. Соблазнял белым прибрежным песком, прохладной водой, что мигом излечит все ожоги, и в конце концов уломал. В сарае Гена нашел велосипед и, с разрешения Марфы, поехал на нем. Теперь он радостно дзенькал велосипедным звонком, и растревоженные пичужки вспархивали перед ним из травы.

Они вышли на невысокий обрыв, под которым текла река, темная, поблескивающая, как шкура ужа. На другом берегу тонкие, спутанные ветки ивы тянулись к воде. Маша разглядела мучительно выгнувшиеся стволы, корни, выступавшие из земли, словно узловатые вены... Жутковато выглядел тот берег, даже сейчас, при солнечном свете.

– Вода-а!

Коровкин вприпрыжку помчался к реке, бросив велосипед на траву: маленький, узкоплечий, как кузнечик. За ним, на ходу сбрасывая рубашку, рванул Борис. Шумный всплеск двух тел, одновременно плюхнувшихся в воду, нарушил речную тишину. Берег огласился воплями, хохотом, звонкими ударами по воде.

Марфа Степановна со всеми удобствами устроилась в тенишке на подстилке. Заботливый Иннокентий подсунул ей под спину надувную подушку и почтительно снял с тетушки шлепанцы.

Матвей не обманул: песок здесь и впрямь был белым, мелким, как манная крупа, и теплым. Маша с наслаждением погрузила в него босые ступни. Раздеваться было неловко, а особенно не хотелось предьявлять зрителям бледное до синевы тело рядом с загорелой Евой, уже вышагивавшей в бикини по краю реки. Лена Коровкина разделась без всякого стеснения, открыв монументальные формы, стянутые купальником. Нюта уселась возле Марфы, сбросив с плеч лямочки платья.

Даже Иннокентий, стыдливо отбежав за кустик, вскоре выбросил оттуда рубашку и штаны и явился сам во всей прелести немолодого худосочного мужчины, ведущего сидячий образ жизни. Осторожно обходя спрятавшиеся в песке камни, Анциферов пошел бродить по бережку.

Борис, плещущийся тюленем возле берега, сверкал крепким, бугристым телом.

«Ничего не попишешь», – вздохнула Маша, тщетно пытаясь побороть стеснительность.

Чтобы не продлевать неловкий момент, она быстро стянула сарафан, выпрямилась во весь рост и легко побежала к реке.

Прыжок – и вода приняла ее разгоряченное тело.

– Как там, не холодно? – крикнула с берега Нюта.

Но Маша ее не слышала. Перевернувшись на спину, она плыла, и верхушки деревьев плыли вместе с ней, и небо с ленивыми облаками тоже плыло.

Наконец до нее донеслись крики. Успенская приподняла голову.

– Там омут! – кричал Гена Коровкин и показывал на противоположный берег. До него оставалось метров тридцать, не больше. – И течение!

– Осторожно! – вторила ему Марфа, приставив ладонь козырьком ко лбу и взволнованно высматривая в воде рыжую голову.

Маша плавала как выдра, но ей не хотелось пугать ни Коровкина, ни тетушку. Нырнув, она повернула обратно.

Волосы отяжелели от воды, и вскоре Маша почувствовала, что шпильки больше не могут удержать намокшую гриву. Одна шпилька вывалилась и пошла ко дну, за ней вторая, третья... Маша плыла, а за ней колыхались полураспущенные косы.

Когда она вышла на берег, на ходу отжимая и расплетая пряди, чтобы скорее просохли, ее встретило молчание. Маша, занятая сушкой, не сразу заметила подозрительную тишину. Она тряхнула головой, чувствуя, как волна волос холодит спину. И только тогда осознала, что все смотрят на нее.

Тишину нарушил Коровкин.

– Офигеть, – с каким-то детским удовольствием сказал он. – Слушайте, вас надо занести в книгу рекордов Гиннеса.

– Точно! – поддержала Нюта. – Зачем ты их прячешь?

Маша непонимающе оглядела родственников.

– Волосы! – объяснила Нюта. – Они такие длинные и красивые.

Только теперь Маша осознала, что никто из них еще не видел ее с распущенными волосами. Да, наверное, эта копна, даже намокшая, производила впечатление.

– Я давно отращиваю, – пробормотала Успенская, смутившись от всеобщего внимания, и поторопилась спрятаться за Марфой.

– Давайте устроим соревнование! – громко предложила Ева. – Кто быстрее доплывет до того берега и обратно, тот получит приз!

Маша бросила на нее благодарный взгляд, признательная за то, что Ева переключила внимание на себя. Она не догадывалась, что это было сделано вовсе не из лучших побуждений. Еве Освальд крайне не понравился этот

«выход русалки» и то, что за ним последовало.

Ева знала, что центр мужского внимания в любой компании может быть только один, и это она сама. Компания родственников не была исключением. Ни прелестная белокожая дурочка Нюта, ни флегматичная толстуха Лена не могли составить ей конкуренцию – об этом и думать смешно!

Но появление Успенской заставило Еву напрячься. В приезжей все было немного слишком: слишком большие глаза на заостренном лице, слишком рыжие волосы, слишком белая, чуть не до прозрачности, кожа, слишком длинные беспокойные пальцы. И эта ее странная несовременная прическа очень сочеталась с такой же несовременной профессией. Флейтистка... Господи ты боже мой, да кого сейчас интересует флейта?!

Новая родственница держалась дружелюбно, явно заинтересованная тем, что происходит в доме Марфы. Ева то и дело ловила на себе взгляд карих глаз. Оттенок их был какой-то странный – то ли с рыжиной, то ли с желтизной. А губы тонкие, хотя последние пять лет тонкие губы не носят.

«Ни красоты, ни сексапила», – констатировала Ева и расслабилась: на ее место никто не претендовал.

Но стоило ей решить, что Успенскую не стоит брать в расчет, как та устроила показательное выступление с купанием.

«Нарочно распустила волосы, – догадалась Ева. – Покрасоваться». Больше всего Еве не понравилось, какими глазами Матвей смотрел на выходящую из воды Машу. Следовало признать, что выход получился эффектным: тонкая гибкая женщина, окутанная рыжими, переливающимися на солнце волосами. Это был не вульгарный красный, а золотисто-рыжий, местами янтарный, как капля меда или застывшая на сосновой коре смола. Как-то сразу становилось ясно, что покрасить волосы в такой цвет невозможно, и от этой неповторимости он казался еще ценнее.

Но как Олейников устоял на музыкантшу! Черт-черт-черт, это бесило Еву, хотя, говоря откровенно, Матвей ей вовсе не был нужен.

Во всяком случае, если подходить с рациональной точки зрения (а Ева была рациональна до мозга костей), Борис Ярошкевич со всех сторон перспективнее. Чем в своем Санкт-Петербурге занимался Олейников, Ева толком не знала... какой-то мало доходной ерундой: что-то связанное с путешественниками. Кажется, производил для них чашки. Одним словом, неудачник. В отличие от того же Бориса, явно из клана Настоящих Мужиков.

Но уже десять лет назад было в Матвее то, что подкупало Еву. Быть может, легкомысленная небрежность ко всему, что составляло основу

жизни Настоящего Мужика: к машинам, квартирам, дорогим часам и прочим свидетельствам статуса. Или его горячая увлеченность тем, что он считал своим делом («Господи, вспомнить бы, чем же он занимался...»). Или его легкая, фоном ко всей жизни идущая ироничность, а впридачу к ней мальчишество, проявлявшееся всегда неожиданно... О, как они могли беситься и орать с Марком! И тратить часы на сущую ерунду – например, на конструирование вертолета размером с чашку.

И еще – нельзя было не признаться – Еву подзадоривало равнодушие Олейникова. Раньше она была женой его друга – и Матвей смотрел на нее пустым вежливым взглядом и говорил пустые вежливые слова. Потом Марк погиб, и Ева лелеяла надежду, что теперь-то этот увалень обратит на нее внимание. Но ничего не изменилось. Она оставалась женой покойного друга, и черт его знает, этого мужлана, какие странные принципы сидели у него в голове и намертво защищали от ее чар.

Ева давно бы сама затащила его в постель, если бы не смутная уверенность, что дело ограничится одним-единственным разом и после этого их отношения прекратятся. Такой вариант ее не устраивал.

Сегодня ей показалось, что Матвей наконец-то проявил к ней интерес: пригласил на речку, словно она деревенская девчонка, и всю дорогу шел рядом, болтая чепуху. Но от этой чепухи Ева смеялась так, что заболели щеки. Он был единственным мужчиной, для которого не составляло труда рассмешить ее.

И Ева Освальд окончательно решила: она должна уехать отсюда с деньгами Марфы и с Матвеем Олейниковым. Непростая задача, но она никогда и не ставила перед собой простых целей. У нее все получится! Если не помешает эта Маша Успенская...

– Давайте устроим заплыв! – громко крикнула Ева, переключая всеобщее внимание на себя. – Награда победителю...

– Пойдите-ка, голуби, – поднялась, кряхтя, старуха, и Освальд была вынуждена умолкнуть. – Заплыв – дело хорошее, если от него будет польза.

– Какая польза?

– Неделю назад я здесь браслет уронила. Соскользнул с руки и камнем на дно ушел. Вот здесь примерно.

– Браслет? – недоверчиво протянул Борис. – Вы что же, тетя Марфа, купались в браслете?

– Вот именно, – с досадой ответила Олейникова. – Понесло меня, дуру старую, на речку. Да еще и украшение нацепила. Браслет-то простенький, серебро с какими-то белыми камушками. Но любимый – мне его еще Зоя подарила.

Маша встрепенулась:

– Зоя?

– Да. Я этот браслет часто надевала. А тут, видать, похудела, он и свалился с меня.

– Его уже унесло, наверное, – неуверенно предположил Коровкин.

– Точно, унесло! – согласился Иннокентий. – Бессмысленное дело, тетя.

– Вряд ли, – вмешался Матвей. – Если браслет тяжелый, то упал на дно и лежит себе в песочке. Где вы плавали, тетя Марфа? Покажите еще раз...

Старуха ткнула пальцем напротив прибрежного куста ракиты.

Не тратя больше слов, Олейников разбежался и нырнул.

– Умница моя, – умилилась Марфа. – Заботится!

Эти слова послужили сигналом: через минуту все попрыгали вслед за Матвеем, доказывая, что каждый из них принял близко к сердцу тетушкину потерю.

Борис нырял отлично. Иннокентий, к удивлению Маши, тоже показал себя неплохим пловцом: погружался дольше всех и, едва вынырнув и глотнув воздуха, снова уходил под воду. Оба Коровкиных болтались на поверхности, как поплавки, а Ева симулировала активность.

– Бесплезно, – выдохнул Матвей, выбираясь на берег. – Прости, тетя Марфа, я пас.

В эту минуту за его спиной раздался торжествующий крик. Обернувшись, Олейников увидел сияющего Иннокентия, сжимающего тусклый серебряный браслет. Вокруг него плавала радостная Нюта.

– Девочка, кто тебе разрешил лезть в воду?! – ахнула Марфа. – Живо на берег!

– Это она и достала, – признался Анциферов. – Умница моя!

Нюта выбралась на песок и вперевалку, как уточка, поковыляла к Марфе. Старуха торжественно надела мокрый браслет на руку, притянула к себе девушку и поцеловала в гладкий белый лоб.

– Спасибо тебе, милая! – прочувствованно сказала она. – Не так много у меня вещей, к которым я привязана.

Матвей Олейников выглядел рассерженным. Он бросил на Нюту такой хмурый взгляд, что Маша изумилась: неужели ему настолько хотелось достать браслет самому? Странно, очень странно. Олейников не произвел на нее впечатления человека, выслуживающегося перед тетушкой.

Что-то здесь было не так...

Легкое ощущение неправильности происходящего на миг охватило

Машу. Словно она зритель на спектакле, где один из актеров то ли сбился, то ли забыл свою роль.

Но это ощущение растаяло, стоило ей взглянуть на Анциферова, едва не лопающегося от искренней, а не показной гордости.

– Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа! – процитировал он, многозначительно подняв палец. И покровительственно поцеловал девушку.

Иннокентий был почти трогателен в своих искренних стараниях присвоить себе часть успеха Нюты. И Маша отогнала от себя подозрения. Ей всего лишь непривычно находиться в новой компании, только и всего.

После обеда все разошлись по своим комнатам. Маша хотела поговорить с Марфой, расспросить ее о Зое, но разговора не вышло: Олейникова исчезла, как сквозь землю провалилась. Маша удрученно побродила по участку, даже заглянула в пустой коровник, но тетушку не нашла.

Пришлось вернуться к себе.

Маша вытащила из сумки припасенную книжку, но почитать ей тоже не удалось: за дверью робко поскреблись, точно не решаясь постучать.

– Войдите! – сказала Маша.

Никого.

– Открыто! – Она повысила голос. – Да открыто же!

Тишина. Только какое-то тихое не то сопение, не то шуршание в коридоре.

Но когда Маша распахнула дверь, готовясь отчитать шутника, слова застыли у нее на губах. На полу сидел тот самый полосатый желтоглазый кот, заходивший вчера, и выжидательно смотрел на Машу.

– Э-эй, дружок! – она наклонилась и почесала зверюгу под толстой мохнатой щекой. – Ты ко мне в гости?

Кот поднялся, потянулся и неспешно направился к лестнице.

Прикрыв дверь, Маша пошла за ним, усмехаясь про себя. Что это за таинственный кот, который облюбовал именно ее дверь? А может быть, он приходит ко всем, просит, чтобы его покормили?

Полосатый, как и ожидала Маша, побежал на кухню. Но вместо того, чтобы выпрашивать еду и ходить кругами возле холодильника, он вскочил на подоконник и обернулся к ней.

– Ты куда? – удивилась Успенская.

Кот сиганул вниз. Перегнувшись, Маша обнаружила, что он сидит в траве под окном, задрав круглую голову вверх.

– Не полезу, – тихо запротестовала она. – Я тебе что – кошка?

Кот насупился и дернул ухом.

Маша вздохнула. «Боже мой, боже мой, что я делаю...»

Она забралась на подоконник, осторожно держась за стену, и перекинула ноги наружу.

«Прыгай», – явственно сказал взгляд кота.

Маша спрыгнула.

– Куда теперь? – спросила она.

Кот потрусил за угол дома. Маша, смирившись, последовала за ним.

Сюда, в эту часть владений Марфы, она еще не заходила.

Три окна выходили в густые заросли бузины. Бузина захватила себе эту часть сада, отвоевала у цветов и яблонь. Ее корявые ветки проломил слабые подпорки и свисали до земли, образуя подобие навеса.

Справа от кустарника свирепой стеной поднималась крапива, слева проигрывал сражение с хмелем дикий виноград, отчаянно цеплявшийся за бечевку, натянутую от колышка до крыши. Пожалуй, это была единственная часть сада, где царило явное запустение.

Кот мяукнул откуда-то из-под бузины. Пожав плечами с видом человека, которому нечего терять, Маша присела на корточки и проползла под шатер ветвей.

В развилке ствола застряла изрядно потрепанная игрушка: мышь с веревкой вместо хвоста. Мышь когда-то была канареечно-желтого цвета.

– Ты мне это хотел показать? – укоризненно спросила у кота Маша. Шепотом, потому что ей вовсе не хотелось привлечь к себе чье-нибудь внимание – например, Бориса или Евы, которые вздумают прогуляться вокруг дома. Один бог знает, что они потом нарассказывают о Маше, если она неожиданно вылезет из-под куста, где беседовала с котом.

Кот повалился на бок и принялся вылизывать белый меховой живот.

Маша освободила мышь, выпутала веревку из ветвей и положила игрушку перед котом. Тот извернулся, схватил мышь в зубы и деловито потащил прочь. Веребочка извивалась за ним.

– Неблагодарное ты животное, – укоризненно сказала вслед коту Маша.

Как вдруг совсем рядом отчетливо скрипнула дверь. Успенская вздрогнула и прислушалась.

– Где тебя черти носят? – послышался недовольный голос Марфы Степановны. – Жду-жду, словно на свидание пришла.

– С Генкой застрял, не мог уйти, – ответил Матвей Олейников. – Прости, пожалуйста.

«Это они в комнате разговаривают», – догадалась Успенская. В той, что за окном, закрытым бузинными ветками.

Над ее головой раздалось громкое шуршание, и на макушку Маше посыпалась кора и листья. Голос Матвея сказал совсем рядом:

– Никого нет.

Она съежилась в комочек. Выпрыгнуть сейчас, как чертик из табакерки, было бы крайне опрометчиво. Олейников рассердится, а сердить Матвея Маше очень не хотелось.

– Отлично. – Голос Марфы сухой, деловитый. – Тогда давай подведем итоги.

Маша принялась потихоньку отползать назад, стараясь двигаться бесшумно. Ползти было неудобно, но подслушивать чужой разговор она не собиралась.

Сзади ее толкнули в шею, и Маша чуть не взвилась в воздух. Но это оказался всего лишь кот, вернувшийся вместе со своей истрепанной мышью. Он ходил вокруг Маши, тыкал ей под нос игрушку и требовал внимания.

– Кыш! – прошипела Маша, представив, что будет, если ее найдут в кустах и вытащат за шиворот, словно нашкодившего щенка. – Брысь!

– Муррррр, – удивился кот, не выпуская из зубов игрушки. «Как это – брысь? Хорошо играем...»

– Рано еще подводить итоги, – сердито сказал Матвей в комнате. Голос его раздался совсем близко, и Маша снова застыла. Нет, определенно, не время сейчас покидать укрытие.

– Объясни мне, зачем ты ее позвала? Вот уж кто был нужен нам в последнюю очередь, так это она!

О Еве говорят, поняла Маша. Она тоже недоумевала, чем руководствовалась Олейникова, когда решила включить вдову Марка Освальда в список претендентов на имущество. Что-то подсказывало Маше, что не личная симпатия была тому причиной.

– Я не могла ее не пригласить, – проворчала в ответ старуха. – Она позвонила не только мне, но и Кешке! Что оставалось делать, скажи на милость? Как после этого было отказать, когда Иннокентий наверняка разболтал бы всем о том, что из небытия возникла внучка Зои?

Маша широко раскрыла глаза. Что?! Так они говорят о ней?!

«Из небытия?»

– Разболтал бы, – нехотя признал Матвей. – Черт, как же она некстати! Я пытался спровадить ее, но вышло только хуже.

– А я и пытаться не стала, – с сожалением сказала Марфа. – Она,

конечно, лишняя, но что поделаешь...

Горечь и обида, захлестнувшие Машу в первую секунду, сменились гневом. Она спихнула кота, успевшего угнездиться у нее на шее, и выпрямилась во весь рост.

Матвей Олейников издал невнятный звук и отшатнулся от окна.

– Что там такое? – изумленно спросила Марфа.

Маша продралась сквозь кусты и перелезла через низкий подоконник.

Комнатка, в которую она попала, оказалась библиотекой. Темные шкафы, беспорядочно забитые книгами, закрывали три стены. У четвертой стояли два кресла под торшером. Из одного из них навстречу Маше приподнялась Марфа Степановна. Смотрела она...

Испуганно. Да, именно испуганно.

Но Маше было ее ничуть не жаль.

– Я слышала ваш разговор, – ровным (даже слишком ровным) голосом сказала она, обращаясь к Олейниковой и игнорируя Матвея. – Наверное, вы действительно не могли меня не пригласить, хоть мне и не понятно почему. Но потом, Марфа Степановна, у вас был десяток подходящих случаев, чтобы попросить меня уехать. В какую бы форму вы ни облекли свою просьбу, это было бы менее оскорбительно, чем то, что я услышала сейчас.

– Но, деточка... – запротестовала Марфа и протянула руку к Маше.

Успенская обожгла ее таким взглядом, что старуха пробормотала: «ох ты ж, господи боже мой» и воззвала к племяннику:

– Матвей! Объясни ей!

– Не нужно мне ничего объяснять, – попросила Маша, идя к двери. Она в жизни не слышала фразы безнадежней, чем это умоляющее «я хочу тебе объяснить», к чему бы оно ни относилось. «Я хочу оправдаться» – вот как переводились эти слова на правдивый язык. Но зачем оправдываться, думала Маша, если это все равно ничего не изменит?

Пальцы ее легли на ручку двери. Но тут Машу крепко взяли сзади за локоть.

– Так, – очень хмуро сказал Матвей Олейников. – Надо поговорить.

Его лицо с перебитым носом и крепко сжатыми губами оказалось очень близко, и Маша вдруг поймала себя на диком желании: вцепиться бы в него, причинить ему боль. *«Вот уж кто нужен был нам в последнюю очередь, так это она».*

– Руку отпусти, – одними губами сказала Маша. Горячее бешенство затопило ее от пяток до макушки. Ей хотелось только одного – уйти, уехать от этих лицемерных людей и больше никогда не видеть их и не слышать. Мать была права: они не нужны друг другу. Было бы гораздо лучше, если

бы она ничего о них не знала.

– Я бы отпустил, – спокойно сказал Матвей. – Но ты ведь так и уйдешь с оскорбленным видом. И лови тебя потом, чтобы объясниться.

Маша дернулась, чтобы вырваться, но с таким же успехом можно было вырваться из-под парового катка.

– Если ты меня сейчас же не отпустишь... – свистящим шепотом начала Маша. Только присутствие Марфы останавливало ее от того, чтобы вцепиться в эту мерзкую физиономию.

– Пять минут! – перебил Матвей. – Ты дашь мне пять минут и выслушаешь то, что я тебе скажу.

– Зачем?

– Затем, что речь идет об убийстве, – серьезно сказал Олейников.

– Да, – очень тихо подтвердила из-за его спины Марфа. – Матвей правду говорит, девочка моя.

Она как-то сразу состарилась, ссутулилась. Тяжело опустилась в кресло, теребя кармашек на своем пестром фартуке. В этом кресле она казалась маленькой и худой, как птичка, попавшая в чужое гнездо.

Олейников разжал хватку. Маша этого даже не заметила. Потрясенная, она смотрела на старуху и готова была поклясться чем угодно: в эту секунду Марфа Степановна не притворялась. О чем бы ни собирался рассказать Матвей, ей было тяжело это слышать.

Матвей подвел Машу к креслу, усадил и плотно прикрыл створки окна. Обернулся к ней и сказал без предисловия:

– Десять лет назад убили Марка Освальда.

– Марк Освальд покончил с собой, – возразила Маша. – Марфа Степановна! Вы же мне говорили...

– Тетя Марфа сказала неправду, – оборвал Матвей. – Но все считают, что это было самоубийство. Все казалось очевидным: человек после развода встретился с бывшей женой, впал в депрессию и утопился.

– К тому же за ужином он вел себя так странно... – подала голос Марфа. – Мы все решили, что Марк не в себе.

– Надо, наверное, рассказать с самого начала.

Олейников подошел к книжному шкафу и достал альбом с фотографиями. Оттуда выпал черно-белый снимок. Маша подняла его. Слова об убийстве так поразили ее, что она на время забыла о своей обиде.

Марку Освальду на фотографии было не больше двадцати лет. Очень высокий, русоволосый, с простым открытым лицом. Похож на богатыря из русских сказок – не хватает лишь щита да доброго коня.

– Марк был женат дважды, второй раз – на Еве, – сказал Матвей. – Они

прожили довольно долго, семь или восемь лет. У них есть ребенок, мальчик. Инициатором развода был Марк, но их расставание больше ударило по нему, чем по ней.

– Не уверена, что по ней вообще можно чем-нибудь ударить, – с неожиданной злостью проговорила Марфа Степановна.

– Можно. Ева – прекрасная мать, она очень любит сына.

– Любит сына? – с удивлением переспросила Маша. Для нее стало открытием, что Ева может любить кого-то, кроме себя.

– Да, – кивнул Матвей. – Так, как никогда не любила Марка. После их развода Олечка остался с Евой, а у нее закрутился роман с каким-то французом. И одно время она даже подумывала уехать во Францию вместе с мальчиком, а Марк, конечно, возражал, потому что хотел постоянно общаться с сыном. Мысль об их отъезде была для него невыносима, он очень мучился, ходил по юристам и пытался разузнать, может ли Ева сбежать, не поставив его в известность.

Он помолчал и добавил:

– Все это случилось незадолго до того, как мы приехали отмечать тетушкин юбилей.

– Мне не нужно было приглашать Еву на день рождения, – вздохнула старуха. – Но я подумала: вдруг случится чудо и они помиряются?

– Они не помирились, хотя изображали видимость ровных отношений. Но все видели, что Марк очень угнетен. За праздничным ужином произошло несколько некрасивых сцен: он поссорился с Генкой, наорал на Бориса... А потом впал в какое-то оцепенение.

– Как будто его ударили, – подтвердила Марфа. – Я еще подумала, уж не заболел ли он.

– После ужина все разошлись, и больше Марка никто не видел. Я предполагаю, что он провел время в этой комнате – тогда, до перестройки дома, здесь было что-то вроде просторного чулана с окном. Когда стемнело, Марк отправился на реку. Его исчезновение обнаружили только утром, через полчаса нашли вещи на берегу реки, а к обеду рыбаки обнаружили его тело. Марка вынесло течением на другой берег и прибило к зарослям.

– И все решили, что он покончил с собой, – медленно проговорила Маша, глядя на фотографию красивого юноши. – Это было похоже на него?

– Марк был упрямый и принципиальный, – невесело усмехнувшись, ответил Матвей. – Если что-то в окружающем мире его не устраивало, он начинал переделывать это до тех пор, пока не добивался успеха. «Не стоит прогибаться под изменчивый мир» – про него. Все решили, что мир его победил: жена ушла, он мог вот-вот потерять ребенка, да еще и в бизнесе

возникли проблемы. По иронии судьбы они с Борисом оказались конкурентами, а для Марка это не сулило ничего хорошего. Но про Бориса потом, сейчас это не так важно.

– Хорошо, – кивнула Маша, – пусть не важно. Но мне все равно пока не ясно, почему ты решил, что его убили?

– Давай по порядку. Я описал тебе ситуацию так, как она выглядела для всех присутствующих в тот вечер, десять лет назад. Но для меня она выглядела немного по-другому. Когда мы только встретились с Марком, я, как и все, списал его озабоченность и мрачность на пережитый развод и тревогу за ребенка. Но за два часа до ужина он отыскал меня и сказал, что нам нужно поговорить. Я был уверен, что речь пойдет все о том же – о Еве и Олежке. Но ошибся. Он привел меня в эту комнату и начал рассказывать...

.....

Десять лет назад

...В чулане не нашлось стульев, и сидеть Матвею пришлось на подоконнике. Марк побродил по комнате, бессмысленно тыкаясь по углам, и в конце концов пристроился на полу – точь-в-точь белый медведь в неуютной берлоге.

Сидел, молчал, хмуро смотрел перед собой в одну точку. А Олейников смотрел на него и думал, что именно этим все и должно было закончиться. Они с Евой еще долго продержались.

– Слушай, не увезет она его, не переживай, – успокаивающе сказал он, когда молчание стало затягиваться. – Нельзя без разрешения отца вывезти ребенка, а на подделку документов Ева не пойдет.

Марк поднял на него голубые глаза – светлые, как голубой лед.

– При чем здесь Ева? – глухо пробормотал он. – Не в ней дело.

Матвей замолчал.

Освальд запустил пятерню в свою белокурую шевелюру, резко провел ото лба до затылка, будто хотел поднять самого себя за волосы.

– Поганое дело, – выдохнул он. – Ладно, слушай сюда. И перестань смотреть на меня, как на потерявшуюся собаку, ага?

– Ага, – согласился Матвей. – Только ты пока один к одному соседский лабрадор. Желтый такой, здоровенный, сидит, смотрит умными глазами и ни слова не говорит.

Марк не улыбнулся.

– У меня есть друзья, – сказал он. – Мысины, семейная пара. У них

семнадцатилетняя дочь, Даша.

Он снова замолчал.

Матвей прищурился. Первые три фразы были не слишком обнадеживающими.

– Нет, совсем не то, что ты подумал, – заверил Марк.

– Откуда ты знаешь, что я подумал?

– Ты прост, как ящик из-под картошки. Я с ней не спал.

– Уже хорошо!

– Не перебивай. Дашу я помню лет с десяти, она росла на моих глазах.

Милая девочка, очень домашняя, серьезная такая... Стеснительная. Поэтому я удивился, когда она позвонила и попросила встретиться.

– Зачем?

– Не сказала. Мы договорились, что я подберу ее возле института и мы заедем в тихое кафе, поговорим. За тот год, что я ее не видел, Даша очень изменилась. Я едва узнал ее, когда увидел.

– Похорошела?

– Да. Была легко смущавшимся неуклюжим подростком, а превратилась в красивую девушку. Но в ней осталось что-то щенячье, детское... Знаешь, есть девушки, похожие на щенков, а есть похожие на кошек...

– Не знаю, – проворчал Матвей, – не было материала для исследования.

– Поверь на слово. В общем, когда в кафе я разглядел ее как следует, она показалась мне не только похорошевшей, но и очень несчастной. Не стала долго ходить вокруг да около и сразу сказала, что хотела посоветоваться со мной по очень важному для нее вопросу. К родителям с этим пойти не могла, а я вроде как друг семьи...

Матвей понимающе кивнул. Добрый, добрый Марк Освальд. Такой надежный, такой порядочный. Если и стоило от кого-то ждать правильного совета, то именно от него.

– Она влюбилась в какого-то козла, в два раза старше нее и вдобавок женатого, – мрачно сказал Освальд. – Он ее совратил. Клялся, что вот-вот уйдет от жены, что они будут жить вместе... Ей еще не исполнилось восемнадцати, у нее не было никакого опыта отношений. Она даже с мальчиками не целовалась, можешь представить? Говорю тебе, славная домашняя девочка.

– Сколько? – спросил Матвей прямо.

– Что – сколько?

– Сколько недель задержки было у славной домашней девочки, когда

она пришла к тебе... За чем, кстати? За деньгами на аборт?

Марк поднял на него глаза, и Матвею стало не по себе от непривычной жесткости его взгляда.

– Ты слышишь, о чем я тебе говорю? – поинтересовался Освальд. – Она не профурсетка, которая, залетев, метнулась к знакомому дяде за бабками. Ей нужен был совет. Даже, наверное, не совет... Ей просто нужно было с кем-то поговорить. С родителями – невозможно, подруг у нее не было, или Даша не хотела им открываться. Вот она и пришла ко мне.

– Почему не к любовнику?

– Не имела права вешать на него дополнительную ответственность, как она выразилась. Черт возьми, ты не представляешь, чем забита голова у семнадцатилетней девушки!

– Не представляю, – согласился Матвей, добавив про себя «бог миловал».

– Даша его обожала, этого подонка, – горячо продолжал Марк, не слушая его. – Как она говорила о нем! Рассказывала, что и песни он ей пел, и на руках носил, и готовил для нее что-то фантастическое... Представляешь, сидит в кафе, лицо абсолютно отрешенное, на губах улыбка блуждает, как у пьяной, и бормочет: «Когда я на улице упала и ногу подвернула, он бросился ко мне и заплакал: „Девочка, веточка моя!“»

– Понятно: типичная влюбленная дурында, – грубовато подытожил Матвей. – А достался ей романтический придурок. Девочки таких любят, я слышал.

Марк, не ответив, вынул пачку сигарет из кармана.

– Ты же бросил, – удивился Олейников.

– Бросил... – глухим эхом отозвался Освальд. – Ладно, не будем о ее влюбленности. Она была беременна и не знала, что ей делать. Ей хотелось услышать от меня хоть что-то.

– И что ты ей сказал?

– А что я мог сказать? Я же не ее матушка, чтобы рассказывать, чем опасны аборт. Черт, Матвей, я даже не очень представляю, как это все делается...

Он помолчал и вдруг взорвался:

– Да она сама еще ребенок! Понимаешь?! Ребенок передо мной сидел, а не взрослая девушка! Этот тип ее затащил в постель, не позаботился о предохранении, а она цвела, вспоминая: «Веточка моя...»

Марк взял себя в руки, вытряхнул сигарету, но не закурил.

– Короче говоря, мы с Дашей решили, что она должна сказать обо всем отцу ребенка. Я допускал, что ошибаюсь в нем и он действительно любит

Дашу и хочет жениться на ней. Она обещала держать меня в курсе дела и ушла.

Он повертел сигарету в пальцах.

– Она позвонила через день. Когда я услышал, каким голосом она сказала «Здравствуйте, дядя Марк», то все понял. Конечно, ему не нужны были ни Даша, ни ребенок, и он велел отправляться ей на аборт. Даже дал денег.

– Какой порядочный.

– Да. А через три дня Даша снова появилась у меня. И я снова не узнал ее, Матвей. У меня было такое чувство, что за эти три дня она прожила три года, не меньше.

«Дядя Марк, – сказала она очень спокойно, – я вам невероятно благодарна. Знаете, я кое-что поняла про себя. Я не стану делать аборт. Мне хотелось, чтобы вы знали...»

Я что-то невнятно блеял, говорил, что она испортит себе жизнь, что отец ребенка не станет ей помогать, что для ее матери и отца это будет ударом... Но она меня перебила.

«Я не собираюсь больше встречаться с ним. Никогда. Я была такой глупой, дядя Марк, что мне стыдно перед вами. Но я хочу этого ребенка, понимаете? Не потому, что он от него, нет! Но это мой малыш. Я чувствую его в животе. Я его люблю».

Что я мог сказать ей на это? От той маленькой девочки, которая со счастливыми глазами рассказывала мне о своей любви, не осталось и следа. Теперь это была женщина, все для себя решившая. Я видел, что ее решение непоколебимо.

«Родители поймут, – сказала она. – Они у меня молодцы. Я не собираюсь вешать малыша на них, я буду воспитывать его сама».

Я спросил ее, что она скажет своему любовнику.

«Правду. У нас с ним встреча через час. Глупо скрывать от него мои планы. Он может узнать, когда ребенок уже родится, и испугаться... Знаете, дядя Марк, он такой пугливый. Вечно боится, что жена узнает. И так кричал на меня, когда узнал, что я беременна... Я скажу, что он не будет записан отцом и что мне ничего от него не нужно. Пускай живет спокойно».

Я попросил ее обращаться ко мне за помощью в любое время, предлагал самому поговорить с ее родителями... Но она покачала головой и сказала, что сама будет расхлебывать эту кашу, и если ей повезет, на дне тарелки окажется изюм. Я очень хорошо запомнил это: если повезет, на дне тарелки окажется изюм. Смешно, правда?

– Смешно, – без улыбки сказал Матвей, глядя, как крошится в пыль сигарета в пальцах его друга.

– В дверях она обернулась ко мне, улыбнулась. Я навсегда запомнил эту улыбку: как будто она успокаивала меня, приободряла. Она – меня! Взрослого мужика, которому не предстояло объясняться с родителями, у которого не шла крахом жизнь, учеба... И сказала: «Не переживайте за меня, дядя Марк. Я ведь вижу, что вы тревожитесь. Но я сейчас очень счастлива. У меня будет чудесный ребенок. Вы же знаете, дядя Марк, дети – это радость. Мне повезло, что я поняла это сейчас».

Поцеловала меня на прощание в щеку и ушла. Я стоял на площадке, как дурак, и мне казалось, что лестница за ней светится.

А поздно ночью мне позвонил Дашин отец. Ее тело нашли на дне оврага под мостом. Его так и называли – мост самоубийц. Перила низкие, перешагнуть через них очень легко... Вот она и перешагнула. Когда стало известно о ее беременности, никто не сомневался, что это было самоубийство. К тому же Даша странно вела себя в последнее время.

Марк с силой отшвырнул пачку сигарет в угол и крикнул:

– И только я знаю, что это не могло быть самоубийством! Что она собиралась рожать, что она хотела этого ребенка! Он убил ее, Матвей, ты понимаешь? Толкнул в сумерках с моста, у меня нет никаких сомнений. Я видел ее всего за несколько часов до смерти! Наверное, я последний! Не считая этого подонка, который панически перепугался, понял, что ему не переубедить Дашу, и убил ее.

Освальд обхватил голову руками и застонал.

– И я не остановил ее! Мог, но разрешил ей уйти. Прошла неделя, и не было ни минуты, чтобы я не думал об этом. Позавчера ее похоронили. Я смотрел на ее родителей, Матвей!.. И не смог... не смог... ничего... им сказать... Единственный ребенок!

Он закрыл лицо ладонями.

Матвей слез с подоконника, подошел к Марку и опустился рядом.

– Девушка что-нибудь говорила о любовнике? – негромко спросил он. – Место работы? Имя?

Освальд молча покачал головой.

– Где они познакомились? В какие кафе ходили?

– Ничего, – выдавил Марк. – Она была очень осторожна... Наверное, боялась, что я захочу отыскать его. Я уже все перебрал в памяти, вспомнил каждое ее слово! Бесполезно.

– Значит, тебе нужно поговорить с ее родителями.

Освальд повернул к нему покрасневшее лицо.

– Я не могу, Матвей! Ты понимаешь, что это будет значить для них? Что я знал о ее беременности, но не сказал им. Для них я навсегда останусь косвенным виновником ее смерти!

– А если не скажешь, они будут жить с мыслью, что их дочь покончила с собой. Ты понимаешь, что твои показания могут быть основанием для возбуждения уголовного дела? Ты не смог узнать, с кем она встречалась, но если начнется расследование, на этого человека рано или поздно выйдут. Даша не шпионка, она обычная влюбленная девушка. Может найтись тот, кто видел их вместе... Марк, это шанс.

В комнате стало тихо. Наконец Освальд вытер глаза и кивнул:

– Да. Ты прав, конечно. Надо было раньше с тобой поговорить, до похорон. У меня в голове все как будто сдвинулось после Дашиной смерти, я совсем перестал соображать. А ты поставил мысли на место. Спасибо, Матвей.

Олейников с состраданием посмотрел на друга, который оплакивал дочь друзей и не стыдился своих слез.

– Мне очень жаль, Марк. Очень жаль.

Освальд благодарно дотронулся до его руки и поднялся. На секунду перед Олейниковым возник прежний Марк – немногословный, спокойный, добрый гигант, которого почти невозможно вывести из себя.

– Скоро ужин, – почти нормальным голосом напомнил он. – Пора поздравлять тетушку.

Он пошел к выходу из чуланчика, но в последний момент обернулся. Очень светлые голубые глаза блеснули в полумраке.

– Спасибо, Матвей. Не знаю, что бы я делал без тебя.

На следующий день река вынесла к левому берегу тело Марка Освальда.

.....

Маша не перебивала рассказ Матвея ни одним вопросом. Но когда он замолчал, она осторожно заметила:

– Я все равно пока не понимаю, на чем основано предположение об убийстве.

– Потому что я не закончил, – сказал Олейников. – Как я уже сказал, мы с Марком не виделись после ужина. Я закрылся в комнате, но у меня из головы не выходил его рассказ, и я пошел на улицу проветриться. Очевидно, мы с ним разминулись совсем немного: когда он отправился на реку, я бродил где-то неподалеку. Надо сказать, дом тогда выглядел

совершенно по-другому и был значительно меньше.

– Только эта стена осталась на прежнем месте, – уточнила Марфа. – Не захотела я вырубать сирень и бузину, пожалела. Утеплили ее, но больше ничего переделывать не стали. Даже окно осталось там же, где и было. Как же иначе – здесь всю жизнь по весне цветут кусты!

– Марфа, давай о реконструкции потом... – попросил Матвей. – Тетушка отвела мне комнату, которая была чем-то вроде общей гостиной, хоть и не проходной. Там стояли диван, большой стол и несколько шкафов с книгами. В нее мог зайти кто угодно, но когда я ложился спать, то поворачивал вертушку на двери.

– Малюсенькая была комнатка, – вздохнула Марфа Степановна. – Да все комнатки были крохотными. Как мы все тогда разместились – ума не приложу.

– Генка с женой ушли спать в палатку, – напомнил Матвей. – А Бориса ты, кажется, вообще уложила спать в какой-то подсобке, где была старая раскладушка. Помнится, он очень возмущался.

– Ну, так юбилей-то был у меня, а не у него, – усмехнулась старуха. – У кого день рождения, тому и комфортные условия.

– Это сейчас не имеет значения, – нетерпеливо сказал Матвей. – Тогда меня терзало только одно: почему Марк не оставил прощальную записку. Но, в конце концов, я пришел к выводу, что он принял решение уже на реке. Когда он шел туда, то еще не знал, вернется ли домой. А там твердо решил не возвращаться.

«А ведь он, наверное, проклинал себя за тот разговор, – поняла Маша, глядя на Матвея. – За то, что фактически прижал друга к стенке и вынудил его согласиться пойти к родителям девочки».

– Но дело в том, что я ошибался, – продолжал Олейников. – Предсмертная записка существовала.

Маше потребовалось несколько секунд, чтобы осознать сказанное.

– Как?! Где вы ее нашли?

Матвей посмотрел на Марфу Степановну. Старуха закрыла глаза ладонью и покачала головой:

– Дура я, дура... Нету мне оправдания.

– Перестань, – попросил Олейников. – Это была случайность, ты же знаешь.

– Что было случайностью?! – не выдержала Маша.

Марфа обреченно махнула рукой, показывая, что не в силах продолжать этот рассказ.

– Перед тем как уйти купаться, Марк зашел ко мне в комнату и

положил на стол записку, – сказал Матвей. – Через некоторое время после его ухода в эту же комнату вошла тетушка. Уже смеркалось, она не стала включать свет. На столе лежал смятый лист – другого, видимо, у Марка не нашлось. Тетушка не разглядела, что на нем что-то написано. Она взяла его со стола, сочтя за мусор, машинально сложила в несколько раз и сунула в карман фартука.

– И что потом? – напряженно спросила Маша.

– А потом, по привычке использовать все, что может пригодиться, сунула его в первую попавшуюся книжку, которую читала. В качестве закладки. Тетя, что ты читала?

– «Анну Каренину», – страдальчески ответила Марфа. – Потом, когда узнали о смерти Марка, стало не до книги. Я ее убрала в шкаф с глаз подальше, чтобы не напоминала мне о том, что случилось.

И тут до Маши дошло.

– И когда вы достали ее снова? – медленно спросила она, догадываясь, какой ответ услышит.

– Месяц назад.

– И нашли в ней записку, – утвердительно сказала Успенская.

– Да. Нашла.

– И что... – с замиранием сердца начала Маша, – что написал Марк Освальд? Вы можете мне сказать?

Матвей усмехнулся:

– Мы можем даже показать.

Из нагрудного кармана он достал сложенный вчетверо листок. И протянул Маше.

Она не сразу решилась его взять.

За десять лет бумага почти не пожелтела. Казалось, Марк Освальд писал на ней совсем недавно.

Маша развернула его. Крупным, очень разборчивым почерком на листе было написано:

«Матвей. Я знаю, кто убил ее. Никаких сомнений. Сейчас уйду на реку, надо освежить голову. Вернусь – поговорим».

– Это точно написано Освальдом? – быстро спросила Маша.

Матвей кивнул.

– Никаких сомнений, – повторил он фразу из записки. – Почерк его, и манера писать короткими предложениями – тоже. Теперь ты понимаешь, почему ни о каком самоубийстве Марка и речи быть не может? Он догадался, кто убил Дашу, он написал, что собирается вернуться. Каким-то образом человек, которого он подозревал, узнал об этом. Может быть, Марк

сам неосторожно дал ему понять, что знает о Даше. Убийца отправился за ним на реку и утопил его.

– Н-н-нет, подожди... – заикаясь, начала Маша, потому что открывшаяся перед ней перспектива ужаснула ее. – Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, – отчеканил Матвей, – что только одна версия может объяснить все факты. Марк не просто вдруг осознал, кто из круга Дашиных знакомых мог бы быть ее любовником. Нет, он увидел или услышал что-то такое, что четко указывало на убийцу. Единственная возможность совершить это открытие была у него на том самом ужине в честь юбилея тетушки. Этим все объясняется: сначала он просто был в крайне нервном состоянии и задирает всех подряд, что было для Марка абсолютно несвойственно. А затем замолчал, словно оцепенев. И после ужина написал мне записку.

– Не сразу, – вдруг сказала старуха, и Маша вздрогнула: она совсем забыла про Марфу. – Прошло не меньше часа, и мы не знаем, где был Марк в это время. А уж потом, когда стемнело, он написал тебе записку и ушел на реку. А я, – голос ее дрогнул, – ее нашла и убрала с глаз долой. Ох, дубина я стоеросовая...

– Давай без самобичеваний, – сказал Матвей. – Даже если бы ты не спрятала записку, это не отменило бы смерти Марка.

– Он услышал что-то за ужином, – повторила Маша, не слушая их. – За ужином!

Олейников внимательно взглянул на нее.

– За ужином... – твердила Маша. – Но ведь это означает...

Она замолчала.

– Да, – кивнул Матвей. – Ты все правильно поняла. Это означает, что убийца – один из нас.

Глава 6

Несколько минут Маша сидела с ощущением, что ее только что заставили проглотить нечто неудобоваримое. Например, репейник.

– Поэтому, глупая ты девочка, я и не хотела, чтобы ты приезжала, – проскрипела из кресла Марфа. – Еще перед тобой представление разворачивать...

Успенская машинально кивнула и только потом спохватилась:

– Какое представление?!

Она перевела взгляд с Матвея на Марфу Степановну. Старуха – удивительное дело – казалась смущенной.

– Ох, Матюша, расскажи ей! – попросила она.

– Да уж придется, – хмуро отозвался Матвей. – Хоть и не хочется.

«Не хочется – не говорите!» – немедленно вскинулся Машин внутренний голос. Но вслух она неожиданно даже для себя произнесла совершенно другое:

– Я никому не расскажу, честное слово!

И сама услышала, как глупо и по-детски это прозвучало.

– Ну, если честное... – хмыкнул Олейников. – Хорошо. Ты понимаешь, что я хочу найти убийцу Марка?

Маша кивнула.

– Поэтому мне потребовалось собрать всех, кто приезжал сюда десять лет назад. Восстановить события. Я решил, что это самый простой способ разобраться в произошедшем.

– И Марфа Степановна очень удачно подвернулась со своим наследством... – вслух подумала Маша.

– Г-хм, – выразительно сказала старуха.

– Что? – Успенская непонимающе взглянула на нее.

– Ничего-ничего, – поспешно заверил Матвей. – Тетя Марфа!

– Нет, Матвей, я так не могу! – воспротивилась тетушка. – Скажи девочке правду.

Но Машу уже осенило.

– Нет никакого наследства! – воскликнула она, и Олейников тут же шикнул на нее. – Нет никакого наследства, – шепотом повторила Успенская. – Вы все это придумали, чтобы собрать их здесь, да?

– В общем, да, – признался Матвей. – Нужен был гарантированный червяк на крючке.

– А если бы я сказала, что приглашаю всех на восьмидесятилетие, приехал бы только Генка со своей толстухой, – подтвердила Марфа. – Ни Бориса, ни Кешку затащить сюда мне бы не удалось. Друг друга они терпеть не могут, да и ко мне не питают особой любви. Мы с Матвеем подумали и решили: приманка должна быть такой, чтобы никто не прошел мимо. Деньги! Большие деньги! Вот я и соврала, что собираюсь в монастырь на старости лет, а имущество хочу отдать. Как, убедительно сыграла?

– Пожалуй... – протянула Маша. Про себя подумав, что она все-таки почувствовала что-то неестественное. Наверное, противоречие между здравомыслием Марфы и ее поведением.

– С тобой было особенно трудно, – вздохнула Марфа. – Не хотелось мне совсем уж чокнутой показаться. А что делать? Надо было убедить всех, что я религиозна до камней в почках. Иннокентий, например – тот сразу

повелся, а ты посматривала с недоверием.

– Это потому, что Маша видит тебя первый раз, – хмыкнул Матвей. – А Иннокентий знает, что от тебя можно ожидать чего угодно. Но ты молодец, вжилась в роль. Главное сейчас – не сбиваться с нее.

Маша размышляла. Иннокентий, Гена Коровкин, Борис... Но один человек не вписывался в картину.

– Почему вы пригласили Еву? – не удержалась она от вопроса.

– Мне нужны все, кто был здесь тогда, – жестко сказал Матвей. – Быть может, я ошибся, и Марка утопил другой человек – не тот, который убил Дашу. У него с Евой было много споров о сыне, и Марк серьезно осложнил ей жизнь, когда запретил вывозить ребенка из страны. Достаточный мотив для убийства?

Маша подумала, попыталась представить себя на месте Евы.

– Да... – протянула она. – Вполне. Но в таком случае непонятно, почему она не уехала из России после его смерти.

– А я тебе скажу почему, – вмешалась Марфа. – Потому что ее французик передумал и вернулся к своей семье. У него жена и двое ребятшек. Помахал ручкой Евкин сокол, вот тебе и вся любовь, вот тебе и вся Франция.

– Ясно. Подождите-ка, – встрепенулась Маша, – но получается, что кое-кто в этот раз лишний, а кого-то не хватает!

Она нахмурилась, пытаясь вспомнить, кого именно. Олейников пришел ей на помощь:

– Иннокентий в тот раз приезжал с другой женой, с Верой Львовной.

– Жуткая была женщина, упокой господи ее душу, – перекрестилась Марфа. – Толстая и одышливая, потому и болела много. Когда она умерла, Иннокентий женился на Нюте. Уж я прямо говорила ему: не тащи девочку сюда, ни к чему это... Так нет – все равно привез!

– С другой стороны, от Нюты нам ни тепло, ни холодно, – сказал Матвей. – Из всех собравшихся в этот раз есть только два человека, которые совершенно точно не могли убить Освальда: это ты и она. Вас здесь попросту не было. Железное алиби, даже если не считать отсутствия мотива.

– И на том спасибо, – пробормотала Маша. – А Нюта еще и по возрасту не подходит. Сколько ей было десять лет назад? Четырнадцать? Пятнадцать? Вряд ли девочка-подросток могла утопить взрослого мужчину.

Матвей согласился.

– Нельзя ли еще кого-нибудь исключить? – прикинула Маша. – Может быть, Лена Коровкина тоже вне подозрений? Какой у нее мотив?

– Если любовником Даши был Гена, то мотив просматривается, – возразил Матвей. – Мы с Марфой тоже поначалу считали, что у нас всего трое подозреваемых: Иннокентий, Борис и Генка. По здравом размышлении к ним прибавилась Ева, а потом и Лена. Она могла убить, защищая мужа от претензий любовницы.

Маша с сомнением покачала головой, но спорить не стала. Вместо этого она сказала:

– Еще одного подозреваемого ты забыл.

– Кого?

– Себя.

Матвей рывком поднялся с пола, и Маше захотелось вжаться в кресло. Взгляд у него стал такой, словно он собирался придушить ее прямо здесь.

– Матюша, Матюша, – обеспокоенно забормотала Марфа Степановна. – Ну что ты сразу злишься? Девочка же не знает, что вы были друзьями.

– Я знаю, что они были друзьями, – холодно сказала «девочка» и тоже встала. Теперь они стояли лицом к лицу, словно готовясь к драке. – Но это не исключает того, что ты был, например, влюблен в его жену. Или даже того, что ты и есть тот самый таинственный любовник погибшей Даши, а Марк каким-то образом догадался об этом.

– И зачем мне тогда нужно было затевать расследование? – язвительно поинтересовался Матвей.

– Затем, что Марфа Степановна нашла записку! И отвести ее подозрения ты мог единственным способом: притворившись, что заинтересован найти преступника.

– Неужели Марк написал бы такую записку мне, если бы считал, что убийца – я?!

– Понятия не имею. Я не знала Марка Освальда. Может быть, и написал бы – почему нет?

– И ты действительно считаешь, что я мог его утопить?!

Маша помолчала, рассматривая Матвея, будто прикидывала, хватило бы ему на это сил.

– Вообще-то нет, – наконец призналась она. – Не считаю. Ты бы выбрал какой-нибудь другой способ убийства. Более... м-м-м... неандертальский.

– И на том спасибо, – усмехнулся Олейников. – Что ж, будем считать, с подозреваемыми мы определились. Тетя Марфа, тебя в расчет не берем, хоть ты и умеешь плавать.

Марфа с достоинством поклонилась.

– Я, между прочим, браслетом ради твоего расследования рискнула, – напомнила она.

– Как – рискнули? – не поняла Маша. – Подождите-ка... Так это тоже нарочно?

– Разумеется, – снисходительно сказал Матвей. – Как бы иначе я отделил агнцев от козлиц? То есть хороших пловцов от плохих?

Теперь Маше стало ясно, почему Олейников рассердился на Нюту, доставшую браслет: она спутала ему все карты.

Матвей подошел к окну, приоткрыл створку и выглянул наружу. Марфа встревожилась, вытянула шею:

– Что, что там такое?

– Ничего. Показалось, будто кто-то шуршит под окнами.

– Там гулял кот, – сказала Маша. – Круглый, толстый, полосатый. Может, вернулся?

– А-а, Глюк! Точно, наверное, он.

– Почему Глюк? – рассмеялась Маша.

Старуха недовольно ткнула пальцем в Матвея:

– Это все он! Придумал дурацкую кличку, она и привязалась. Теперь даже помощницы мои кота Глюшей зовут. Говорят, он то появляется, то исчезает, точно галлюцинация. Тьфу! Нет бы хорошее имя дать животному... Поганец ты, Матвей!

Олейников выслушал эту тираду, глядя на тетушку со снисходительной нежностью. Лицо его смягчилось. Исчезла жесткость черт, плотно сжатые губы раздвинулись в улыбке. Маше и прежде казалось, что Марфа выделяет Матвея из остальных племянников. Теперь у нее не осталось никаких сомнений, что тетушка и племянник искренне привязаны друг к другу. Несмотря на ворчание, ругань и «поганца».

Она задалась вопросом, где жена Матвея Олейникова. Должна же быть женщина, на которую он смотрит – и лицо его так же смягчается. Как она выглядит? Почему-то Маше представилась надменная темноволосая красавица. «Спрошу у Марфы», – подумала она, заставляя мысли вернуться к предмету обсуждения. О чем они? Ах, о коте...

Марфа и Матвей все еще спорили о том, как нужно было назвать полосатого.

– Пока что это все выглядит довольно несерьезно... – пробормотала Маша.

Оба замолчали и уставились на нее.

– Почему это несерьезно? – насупилась Марфа. – Барсик – отличное имя.

– Я не про кота, а про вашу проверку. Вы узнали, что Борис с Иннокентием ныряют хорошо, а Гена хуже. И все?

Матвей и тетушка переглянулись, и Маше стало ясно, что не все.

– Так у вас есть план... – протянула она. – Раз уж я все равно знаю слишком много, может быть, вы мне расскажете, в чем он заключается?

Еще один быстрый обмен взглядами – и Матвей покачал головой:

– Пока не расскажем.

Маша не стала обижаться или настаивать. Видно было, что Олейников с Марфой хотят остаться вдвоем и поговорить. Поэтому она поднялась, чувствуя, что должна что-то сказать. Но фразы в голову лезли, как назло, самые дурацкие. Например, «благодарю за доверие» или «так и быть, я больше на вас не в обиде».

И уж совсем ужасное: «сочту за честь быть принятой в вашу команду».

Помявшись, Маша пробормотала что-то невнятное и поднялась.

– Ты уж только не проболтайся, – попросила Марфа. – Иначе вся наша затея впустую.

– Не проболтается, – внезапно с уверенностью сказал Матвей, глядя на Машу.

И это несколько примирило Успенскую с тем, что они не стали посвящать ее в свои планы.

Обдумывая услышанное, она поднялась наверх и вздрогнула, когда из-за угла на нее бесшумно выпрыгнул довольный Глюк.

«Если так пойдет дальше, я буду шарaxаться от собственной тени».

Но, зайдя в комнату, Маша закрыла задвижку на двери до упора.

«Убийца – один из нас». Она легла на постель и закрыла глаза, представляя лица Евы, Бориса, Иннокентия... Кто из них? «Если бы пришлось делать ставки, я бы поставила на Бориса. Тем более, у них с Марком, кажется, был конкурирующий бизнес».

Вспомнив об этом, Маша вскочила, сторя от желания немедленно спуститься в библиотеку и выложить свои соображения Матвею и Марфе Степановне. Но вдруг раздался звонок.

– Как ты, любимая? – нежно промурлыкал баритон в трубке. – Я соскучился. Можно к тебе приехать?

Маша так и села с телефоном в руках. Господи, только этого не хватало... Иван! И, кажется, вновь настроен романтично.

Вообще-то Иван Воронцов презирал все возвышенное. Самые романтические праздники вызывали у него каскад желчных шуток и презрительных высказываний. Особенно злило его Восьмое Марта. Мужчин, покорно следовавших традициям и покупавших цветы любимым

девушкам, Воронцов называл дебилами.

В День Всех Влюбленных Маша даже опасалась, что Ваня нагрубит ей или сделает что-нибудь неприятное – лишь бы не быть, как все. Но Воронцов всего лишь демонстративно купил ей на улице сосиску в тесте, и Маша облегченно выдохнула. Сосиску в тесте можно было переварить.

Как ни грустно было признавать, но эту нелюбовь к романтике Воронцову привила она сама.

В начале их отношений Иван решил устроить для Маши незабываемый вечер. Условное название – «Шоколад и Роза». Нежной Розой должна была выступить Маша, а роль горячего черного Шоколада Воронцов предназначил себе.

Когда вечером Маша вошла в квартиру, уровень романтизма на один квадратный метр площади зашкаливал. На полу в стеклянных подставках стояли свечи, их мечущиеся огоньки отражались в стекле. Иван, очень привлекательный в белой рубашке, обнял уставшую после концерта Машу и шепнул ей на ухо:

– Иди по цветочному следу!

Успенская взглянула вниз и увидела, что пол усыпан лепестками роз. «Цветочный след» вел в ванную комнату.

Лепестки, свечи, дразнящий запах шоколада, доносящийся из кухни... Все это было очень красиво. Правда, Маша мечтала, придя с работы, забраться в любимую безразмерную пижаму и съесть на кухне кусок хорошо прожаренного мяса, заедая его сочной помидориной... Даже не съесть, а слопать: жадно, урча, роняя помидорные капли на край тарелки и подбирая их кусочком хлеба. Но она отогнала эти неуместные мысли. Какое мясо, какие помидоры, когда ее ждет волшебный вечер?

Маша сбросила туфли и прошла в ванную, где тоже колебались огоньки свечей. Ванна была наполнена водой, в которой плавали розовые, белые, красные лодочки лепестков.

– Ты устала, – нежно сказал Иван, любовавшийся делом своих рук. – Прими ванну, а потом... Потом увидишь.

Он раздел ее. Машу не оставляло ощущение, что фотосессия с кадрами этого вечера прекрасно смотрелась бы в каком-нибудь женском журнале. Все происходящее было чуть-чуть ненатуральным... Но она твердо решила наслаждаться действием. В конце концов, не для каждой женщины ее возлюбленный готовит ванну с лепестками роз и варит горячий шоколад.

С этими мыслями Маша погрузилась в воду. К ее сожалению, вода успела остыть, и ей тут же стало холодно. Воронцов, улыбаясь, спросил:

– Как тебе?

Маша из-под лепестков пробулькала что-то невнятное, что можно было расценить как пылкое выражение восторга. Иван удовлетворенно кивнул, бросил: «Я скоро!» – и исчез в направлении кухни.

Маша торопливо добавила горячей воды и почувствовала себя лучше. Некоторое время она лежала, размышляя о том, что ванна с розами ничуть не хуже любимой пижамы... Но потом запах шоколада стал совсем нестерпимым, и Успенская решила, что с купанием можно заканчивать.

Она выбралась из воды и обнаружила, что вся облеплена белыми и розовыми кляксами. Пришлось снимать их и складывать на краешек ванны, а противные лепестки не хотели отлепляться, как будто Маша была обмазана клеем. И они были везде! Даже там, где, казалось, не могли находиться! Словно макака, избавляющаяся от блох, Маша крутилась и вертелась, отдирая чертовы лепесточки.

Наконец последний лепесток перекочевал на бортик ванны, и Маша перевела дух.

Но сюрпризы на этом не закончились.

В дверь просунулось оживленное лицо Вани.

– Надень, пожалуйста, вот это! – попросил он, и на коврик к Машиным ногам упал комплект ее любимого нижнего белья. – Люблю, когда на тебе кружево.

Через пять минут Маша вышла из ванной комнаты. Белье сидело прекрасно, но ее не оставляло ощущение, что она сняла с себя не все лепестки.

Воронцов уже ждал ее с чашкой, в которой благоухал расплавленный шоколад. Маша с подозрением покосилась на чашку. В животе бурчало. Хотелось есть. Ах, если бы в чашке был горячий куриный бульон!..

Впрочем, сойдет и шоколад за неимением другой еды.

– Можно выпить? – чуть натянуто улыбаясь, спросила Маша.

Но Иван с улыбкой покачал головой и многозначительно сказал:

– Он предназначен для другого...

Обмакнул палец в шоколад и провел длинную черту по Машиному телу – от плеча до пупка.

Маша взвилась, как лошадь, которую укусила пчела. Воронцов отскочил в сторону, опрокинул чашку, и шоколад разлился по полу.

– Ты что?! – возмутился он. – Что такое?!

– Ы-ы-ы, – объяснила Маша, с отвращением рассматривая себя.

На коже остался противный липкий след, а белье, чудесное белье фисташкового оттенка, было испорчено жирной шоколадной линией.

– Что – «ы-ы»? – рассерженно передразнил Иван. – Что не так?

Маша вздохнула, села на пол рядом с блестящей лужицей шоколада и задула свечу, которая начала чадить.

– Милый, прости! – огорченно сказала она. – Наверное, я не очень романтична. Ты все замечательно придумал, просто потрясающе!

– Тебе не понравилось, – мрачно констатировал Воронцов.

– Нет-нет, что ты! Мне понравилось! Просто... – Маша вздохнула, собираясь признаться в постыдном желании, – просто я очень хочу есть. И еще мне не очень нравится, когда меня пачкают теплым шоколадом.

– Пачкают? – оскорбленно переспросил Иван. – Может быть, тебе и ванна не понравилась?

Маша хотела неискренне воскликнуть, что очень понравилась. Но почему-то покачала головой и сказала извиняющимся тоном:

– Не очень. Понимаешь, эти лепесточки такие липучие...

Воронцов оборвал ее на полуслове.

– Я понял, – сухо сказал он. – Понял и сделал выводы.

Не обращая внимания на смущенное бормотание Маши, он вытер шоколадную лужицу и ушел в свою комнату.

– Дело во мне! – попыталась исправить положение Маша. – Мне не хватает романтичности...

Но Ваня не ответил. Спина его излучала возмущение и обиду.

Маша осталась одна в окружении десятка горящих свечей. «Ну вот, – укоризненно сказала она себе, – ты все испортила. Неужели так трудно было промолчать и дать ему обмазать тебя этой несчастной коричневой пакостью? Он так старался: готовил шоколад, общипывал розы, зажигал свечи... А ты! Эх...»

Но где-то в глубине души таилась предательская мысль, что все это Воронцов делал, думая больше о себе, чем о ней.

«Могла бы проявить великодушие и дать ему покрасоваться», – заметил внутренний голос.

«Не кажется ли тебе, что не совсем правильно красоваться за мой счет? – возразила Маша. – Между прочим, шоколад чертовски плохо отстирывается. И, в конце концов, я хочу есть!»

«Могла бы и потерпеть, – сообщил внутренний голос и подытожил: – Нечуткая ты женщина, Успенская. И бестактная».

С этим спорить не приходилось.

«Надо убрать свечи, – грустно подумала Маша. – И слить ванну».

Под ней чувствовалось что-то скользкое. Маша поерзала и вытащила то, что и следовало ожидать – сморщенный лепесток красной розы.

После неудавшегося вечера Иван и объявил, что больше – никакой романтики. Ни-ни. Ни грамма.

Маше оставалось только согласиться.

Но в глубине души ей было немножко смешно. Он часто вел себя как большой ребенок: обижался по нелепым поводам, лелеял свою обиду и капризничал. «Незаурядный человек, – объясняла подруга Олеся. – Ему простительно. Подумай о том, что у медали есть и обратная сторона: с такими людьми никогда не скучно».

Когда-то Маша влюбилась в него именно за детскость, сохраненную до тридцати с лишним лет. Веселый, увлекающийся, экспрессивный Воронцов готов был на любую авантюру, ввязывался в любое приключение – только позови. Он поднимался на Гималаи с альпинистами, увлекался дайвингом, путешествовал автостопом и даже спускался в какие-то пещеры, из которых еле выбрался живым. Его тянуло во все стороны сразу, словно ребенка, который никак не может выбрать, в какую игру ему играть.

Его увлеченность была заразной. А Маша к тому времени так устала от неудачного брака и послеразводного уныния, что Иван был для нее как глоток свежего воздуха.

Поначалу его недостатки казались ей забавными: такой высокий, такой красивый мужчина – и обижается, словно маленький мальчик. Иван обнаружил полную беспомощность во всем, что касалось бытовой стороны жизни, и Маша умилялась: надо же, такой взрослый – и не знает, как вызвать сантехника, не говоря уже о том, чтобы самому что-нибудь починить. В его квартире вечно что-нибудь было отломано и висело на одном гвозде, ящики падали в самый неподходящий момент, с грохотом подламывались ножки у столетнего стула, а Воронцов только обаятельно улыбался и разводил руками: что поделать, вот такой он, неприспособленный.

И упрямство в нем было совершенно детское, «назло маме отморожу уши». Свернуть Воронцова с выбранного пути было невозможно. Маша уже не раз прочувствовала это на себе.

Она не хотела признаваться, но на нее все чаще накатывала усталость. И все сложнее становилось умиляться обидчивости своего друга.

Когда Маша сообщила, что едет знакомиться к тетушке, она опасалась новых обид. К ее удивлению, Воронцов одобрил Машины намерения.

– Старые родственники – это перспективно, – заметил он, потягивая через соломинку мохито.

– В каком смысле? – не поняла Маша.

– Не будь наивной. У них может быть куча недвижки, оставшейся от

помершей ранее родни.

– Какой недвижки?

– Господи... Ну, недвижимости! Хата, флэт, метраж на Кутузовском!

– А я здесь при чем? – продолжала недоумевать Маша.

Иван всплеснул руками:

– Как при чем? Ты же новообретенное дитя! Именно таким и оставляют наследство, минуя кровных детушек.

В этот момент Маша впервые за полгода их знакомства отчетливо увидела, что Ваня Воронцов не такой уж неприспособленный к жизни маленький мальчик, каким ей казался.

Он улыбнулся ей открытой, ясной улыбкой и протянул стакан с коктейлем:

– Хочешь попробовать? Здесь неплохо его делают.

...Так что в деревню к Марфе она поехала с его напутствием – произвести хорошее впечатление на старушку.

И вот теперь Иван звонит и спрашивает, можно ли ему присоединиться к ней.

– Вань, это не самая хорошая идея, – осторожно сказала Маша. – Я здесь только второй день. Будет странно, если ко мне приедут гости.

– А я и не напрашиваюсь в гости, – заверил Воронцов. – Палатку захвачу – и встану рядышком в лесочке. Романтика!

Услышав слово, которое давно было под запретом, Маша окончательно убедилась: действие ее прививки закончилось.

– Познакомлюсь с твоей старушкой, – бодро продолжал Иван, – обаяю ее. Глядишь, она и к тебе проникнется.

Маша представила, как Воронцов старается обаять Марфу Степановну, и ужаснулась.

– Моя старушка – далеко не дура, – сдержанно сказала она. – А гостей, которые появляются без приглашения, терпеть не может.

– Ну и пожалуйста. Буду ждать тебя в палатке под сенью дерев. Завтра приезжаю, только скажи точный адрес этой твоей дыры.

И пропел своим красивым баритоном:

– Приходи ко мне, Глафира, и спиртного не забудь! Приноси кусочек сыра...

– Нет.

Иван так удивился, что оборвал песню на полуслове.

– Что?

Маша собралась с силами и повторила:

– Ваня, нет. Я тоже соскучилась по тебе. Но я не стану метаться между

домом Марфы и палаткой. Это неудобно. И просто неприлично, в конце концов.

Воронцов замолчал, явно пораженный ее отпором.

Когда-то его обидчивость привела к тому, что Маша стала соглашаться на любое предложение, лишь бы не ссориться. Она терпеть не могла скандалы, могла даже заболеть из-за них. Ваня неплохо изучил ее в этом вопросе.

Он и забыл, когда она в последний раз говорила ему «нет». Какая муха ее укусила?

Преодолев первое удивление, Иван прибег к испытанному способу.

– Я понял. Значит, ты просто не хочешь меня видеть, – с чувством глубоко оскорбленного достоинства произнес он и сделал выразительную паузу.

Тут-то Маша и должна была заметаться. Заволноваться, начать извиняться и убеждать его, что хочет, конечно же, ну что он придумывает всякие глупости... А Ваня бы отвечал тихим голосом, лишенным интонаций, чтобы ей окончательно стало стыдно за то, что она так сильно обидела его.

– Нет, – сказала Успенская, – на тех условиях, которые ты предлагаешь – не хочу.

Воронцов растерялся.

– Ты не хочешь меня видеть? – недоверчиво переспросил он.

Она это не всерьез! Ваня был твердо уверен, что Маша не может рисковать их отношениями. Такими мужчинами, как он, не разбрасываются!

Именно это он и сказал, когда она во второй раз заверила его, что приезжать с палаткой не нужно.

– Что? – изумилась Маша. – Чего не делают с такими мужчинами, как ты? Не разбрасываются?

И вдруг засмеялась.

Это было чересчур. Иван не переносил, когда над ним смеялись. Особенно, если не понимал почему.

Он гордо повесил трубку, утешая себя тем, что Успенская перезвонит через три минуты.

Но она не перезвонила. Ни через три минуты, ни через десять.

Черт возьми, как неудачно. А он уже и палатку приготовил...

Когда их разговор оборвался, Маша опустилась на кровать со странным чувством облегчения. Мысли ее снова вернулись к смерти Марка Освальда. Допустим, его действительно убил человек, который был

любовником Даши. Или все же смерть Марка и записка – звенья разных цепей, и они ищут не там?

Логика подсказывала, что второе куда более вероятно. Тем более что минимум у двоих был мотив для убийства: у Бориса и у Евы.

Но Маша не могла забыть слова Матвея Олейникова: за ужином Марк был чем-то ошеломлен. Он что-то услышал... или увидел... Кто-то из присутствующих неосторожно выдал себя. Но чем?! Матвей сам говорил, что Освальд не знал о любовнике Даши ничего, кроме того, что тот старше нее. Но Даше не было и восемнадцати... Значит, подходят и Борис, и Анциферов, и Гена Коровкин.

«Пожалуй, на роль соблазнителя Гена мало годится, – решила Маша. – Пойдите-ка... Жена! Любовник Даши был женат, а значит...»

Она спрыгнула с кровати, выскочила в коридор, промчалась мимо ошарашенного Глюка и сбежала по лестнице вниз, к библиотеке. Изнутри доносились приглушенные голоса – значит, Матвей и Марфа все еще там.

Маша торопливо постучала, дернула дверь, не дожидаясь ответа, и выпалила:

– Послушайте, круг подозреваемых можно сократить! Борис не подходит! Он же холост.

И остолбенела. Матвей по-прежнему обрелся на полу. А на коленях у Марфы, уютно устроившись на цветастом фартуке из лоскутков, лежал Глюк и щурил желтые глаза.

Мир Маши куда-то кувыркнулся.

– Т-т-т-то есть... – пролепетала Маша, уставившись на кота, – откуда?! Это невозможно! Я же только что...

Она села под дверь, не сводя глаз с кота.

– Обратите внимание, уважаемые гости нашего города, – голосом экскурсовода объявил Матвей, – перед вами находится экспонат, олицетворяющий собою выражение «разрыв шаблона».

Маша оторвала взгляд от кота и умоляюще взглянула на Олейникова. Вид у нее был такой несчастный, что Матвей сжалился:

– Познакомься, это – Фантом. Родной брат Глюка.

– Практически близнец, – подтвердила Марфа. – Только этот ручной, а тот вечно шляется не пойми где.

Мир Маши вновь сделал кувырок и вернулся в исходное положение. Она облегченно рассмеялась. Всего лишь два кота... Все объясняется просто.

И, вспомнив про объяснения, торопливо выложила то, зачем пришла.

– Если вы уверены, что Марк в тот вечер действительно понял, что

преступник находится среди вас, то Бориса можно исключить. Ведь он не женат.

Матвей покачал головой, и радость Маши испарилась.

– Ты не учиываешь, что любовник мог и соврать Даше, – сказал он. – Например, если он не собирался на ней жениться. Вот и придумал убедительную причину – несуществующую жену. Но самое главное не в этом. Десять лет назад Борис был женат. Ему нужны были деньги, и он женился на дочери крупного предпринимателя. Они прожили всего пару лет и развелись со скандалом и дележом имущества. Но к тому времени Борька уже успел использовать деньги ее папаши.

– Вот оно что... – разочарованно протянула Маша. – Ясно.

Марфа опустила кота на пол, поднялась и отряхнула фартук от шерсти. На ручку кресла положила крохотный блокнот.

– Все, хватит разговоров, – твердо сказала она. – Пора делом заняться. Скоро ужин, а у меня еще Евке задание не выдано.

– А какое у нее задание? – полюбопытствовала Успенская.

– Зорьку надо подоить, – невозмутимо ответила Марфа.

– Какую Зорьку? Джольку?

– Да нет же! Джолька – это коза. А подоить нужно Зорьку, коровушку мою.

Посмотреть на то, как Ева будет доить корову, собралась половина семьи. Гена занял место в партере, пробравшись в коровник. Борис расположился у входа, а Маша – подальше от него, возле загончика Дульсинеи. Ярошкевич недобро зыркнул на нее, но ничего не сказал – побоялся Марфы.

Старуха хлопотала: объясняла Еве, с какой стороны подойти к корове и как ее доить.

– Брюхо и ноги я ей уже обтерла, – размеренно говорила Марфа, – вымечко помыла и хвост к ноге привязала, чтоб не хлестнула она тебя. Нужно только массаж ей сделать – и можешь приниматься за дойку. Ты, помнится, говорила, что в детстве доила коров у бабушки. Значит, для тебя задание несложное.

Судя по лицу Евы, она придерживалась другого мнения. «Если бы не маячащий перед ней приз в виде денег Олейниковой, ни за что бы она не согласилась, – подумала Маша, с сочувствием глядя на Еву. – Марфа просто-напросто издевается над ними. Страшно представить, что будет, когда все вскроется. А ведь вскроется рано или поздно...»

Но Ева, не теряя самоуверенности, вошла в коровник.

Черно-белая корова с мохнатыми ушами покорно ждала внутри. Увидев Еву, она подняла голову и задумчиво воззрилась на нее.

– Тетя Марфа, она не укусит? – опасливо спросила Ева.

– Прихватить может, – признала старуха. – Но это ерунда! Главное, чтоб не лягнула.

«Подбодрила так подбодрила», – подумала Маша и юркнула в сарай вслед за Евой. А следом за ней прошмыгнула Тявка, путаясь у Маши в ногах.

– Что, тоже не можете пропустить такое представление? – шепотом спросил ее Гена и подвинулся. – Давайте смотреть. Сдается мне, нас ждет удивительное зрелище.

Осторожно приблизившись к Зорьке, Ева похлопала ее по спине.

– Хорошая корова, хорошая, – без особой убежденности проговорила она. – Вот мы тебе сейчас...

И Ева сделала попытку ущипнуть Зорьку за кожу на загривке.

Корова повернула голову и уставилась на Еву с таким недоумением, с каким могла бы английская королева смотреть на дворецкого, прибежавшего с мухобойкой к ней в спальню.

Ева храбро ущипнула ее еще раз. В глубоких коровьих глазах отразилось сомнение в психическом здоровье гостьи.

– Что это ты делаешь? – озадаченно спросила Марфа Степановна, наблюдавшая за Евиными манипуляциями от двери. – А?

– То, что вы и сказали, – огрызнулась Ева. – Массаж!

– Э-гхм!

Старуха прокашлялась. Маше показалось, что на глазах ее выступили слезы.

– Так ведь, милая моя, массировать-то надо вымя! – проговорила Марфа, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не рассмеяться. – А ты зачем ей на спину полезла? Оттуда молоко не льется.

Ева закусила губу.

– Вот табуреточка в уголке, – указала старуха. – Садись на нее и начинай.

С отчаянной решимостью Ева придвинула табуретку, уселась, подставила ведро и двумя руками бесстрашно схватила Зорьку за вымя.

Первый и последний раз в жизни Маше довелось увидеть корову, подпрыгнувшую на месте. Пол в коровнике дрогнул, когда Зорька приземлилась. Вскинув лобастую голову, корова попятилась и лягнула ведро, которое с грохотом врезалось в стену сарая, а затем, перебирая копытами, как балерина, бочком пошла на Еву.

Женщина завизжала так пронзительно, что у Маши заложило уши. Корова отозвалась негодующим мычанием, а Тявка оглушительно залаяла, поднимая тревогу. В полумраке сарая Зорька казалась уже не тихой коровушкой, а рассвирепевшим буйволом. Она фыркала, бодала воздух и топала передними ногами, словно оратор, пытающийся привлечь внимание публики отчаянным стуком по трибуне. Тявка металась у нее под копытами, чудом уворачиваясь от ударов.

Машу с Коровкиным разметало по стенам, а Ева бросилась к выходу, едва не уронив Марфу. Визг ее стих где-то вдалеке, за домом.

Олейникова вбежала внутрь, ухватила разбушевавшуюся корову за рог, ласково приговаривая что-то, и цыкнула на Тявку. Собачонка тут же удрала, пугливо поджав хвост. Зорька обиженно промычала что-то и успокоилась.

Марфа Степановна обернулась и встретилась с укоризненным взглядом Маши.

– Кто же знал... – виновато развела руками старуха. – Я-то думала, она и в самом деле умеет доить!

Убедившись, что опасность миновала, Гена отлепился от стены.

– Я не понял, с чего она взбрыкнула? – он опасливо посмотрел на корову.

– А нечего ее холодными руками за вымя хватать, – проворчала старуха. – Ты, поди, тоже бы взбрыкнул, если тебя ухватить за...

Она покосилась на Машу и не закончила.

Часом позже с вечерней прогулки привели козу. Марфа Степановна предложила Еве попробовать свои силы хотя бы на козе.

– Джолька у меня маленькая, она тебя не забодает!

Но вдова Марка посмотрела на старуху так, словно Марфа предложила подоить саму Еву. Коровкин неосторожно рассмеялся и был испепелен яростным взглядом. Ева не любила проигрывать.

– Все сегодня устали, все грязные... – громко сказала Марфа. – Истоплю-ка вечерком баньку.

И этим погасила начинавшийся конфликт. Баньке обрадовались все.

– Только учтите – банька будет по-черному. Новая моя баня внутри не достроена, да и привыкла я к старой. Я пойду первой париться, а вы уж сами решите, кто за кем.

Ужин приготовила Ева, желая реабилитироваться. И приготовила отменно. Мясо на тарелках истекало соком, вкуснейшая тушеная капуста пахла копченостями.

– Эх, вина не хватает! – пожалел Борис.

Марфа, хлопнув себя по лбу, принесла из кухни домашнее вино, и

застолье пошло веселее.

Первый бокал выпили за здоровье Марфы, второй – за собравшихся... На третьем Иннокентий хотел предложить тост, но старуха властно взмахнула рукой.

– Слушайте все! – объявила она и встала. Маше показалось, что Олейникова покачнулась. – Это вино, которое я сделала сама, хочу выпить за душу невинно убиенного Марка.

Старуха вытянула костлявую руку с бокалом, словно чокаясь с кем-то невидимым, и выпила залпом, словно водку.

Смех и разговоры разом оборвались. В глазах собравшихся застыли смятение, недоверие, страх, жалость... Они решили, что тетушка все-таки сошла с ума. Несчастливая, несчастная тетя Марфа, разговаривающая с призраками умерших!

Так думали все, кроме одного человека. Чувства Маши невероятно обострились, словно натянутая струна, и она ощущала исходящие от окружающих волны сочувствия, жалости, презрения к Марфе...

И еще – волну страха. Густую, как мазут, черную, дурно пахнущую. Именно в эту секунду Маша совершенно точно осознала, что убийца Марка среди них. Может быть, он сидит рядом с ней или напротив.

Она окинула родственников быстрым взглядом. Но лица выражали то, что и должны были выражать: неловкость.

Положение спас Матвей: отобрал у покачивающейся Марфы бокал и усадил ее за стол, что-то успокаивающе нашептывая на ухо. Старуха слабо улыбалась.

– Ева, расскажите, как вы готовили мясо, – попросила Нюта.

И хотя это прозвучало немного нарочито, все с благодарностью взглянули на девушку. Действительно, давайте лучше говорить о мясе! Давайте говорить о чем угодно, только не о смерти.

Больше всех старались Коровкины. Один подкидывал тему, другая подхватывала ее. Стоило возникнуть крошечной паузе, как все повторялось: подбросили – подхватили – отбили подачу. Они работали, как слаженный дуэт, как опытные ведущие, удерживающие внимание зрителей.

Если Марфа и собиралась высказаться, ей не дали такой возможности.

.....

Программисту Гене Коровкину не везло с женщинами. Как типичная жертва стереотипов, Гена ухаживал за высокими стройными девушками, у которых были летящие длинные волосы, высокие скулы и безразличные, как у птиц, глаза. Должность старшего системного администратора в

крупной фирме приносила Коровкину неплохой доход, поэтому девушки принимали его ухаживания благосклонно. Друзья одобряли выбор Гены, восхищались его избранницами и отличным вкусом.

Сложности начинались там, где их никто не ждал.

Во-первых, маленький щуплый Коровкин рядом с любой длинноногой пассией смотрелся как захиревший гном и страшно переживал из-за этого. Он носил ботинки на каблуках, вытягивал шейку, чтобы казаться выше, но чувствовал, что смешон.

Во-вторых, каждая из девушек, заполучив программиста во временное пользование, принималась преобразовывать его согласно своим представлениям о прекрасном. Любимый замусоленный свитер Гены (чудесного оттенка «подгнившая клубника») отправлялся в шкаф, а самого Гену одевали то в рубашки-поло, то в облегающие маечки фасона «юный гей», а то и вовсе упаковывали в пиджаки. Все костюмы были Коровкину велики. Гена жалобно торчал из пиджака во все стороны, как птенец, высовывающий голову из гнезда, и снова понимал, что выглядит нелепо.

В-третьих, девушки быстро утомляли Коровкина. Их деловитость и энергичность, направленные на него, вызывали у Гены желание сбежать и затаиться в серверной. Так он и поступал: сбегал и на время затихал, приходя в себя.

Девушки сменяли одна другую, и в итоге за Коровкиным утвердилась репутация бабника и знатока женщин. Хотя даже о гнездовании утконосов Гена знал больше, чем о женщинах.

Метания Коровкина продолжались до тех пор, пока он не познакомился с Леной Ларионовой.

Лена работала приемщицей в химчистке. Именно ей Гена принес любимый свитер и вручил, провожая тоскливым взглядом, словно мать, первый раз отправляющая ребенка в лагерь.

– Не беспокойтесь, с вашим свитером все будет в порядке, – с улыбкой заверила его приемщица. – Такая уютная вещь... Наверное, вы к нему очень привыкли.

Коровкин поднял глаза и обомлел.

Перед ним стояла невысокая полная девушка с серыми глазами. У девушки были могучие крестьянские руки, широкие плечи и тяжелая грудь, перед объемом которой спасовал бы любой бюстгальтер.

Тонконогие красавицы, с которыми встречался Гена, называли бы приемщицу толстухой. Но в глазах Коровкина она походила на богинь, нарисованных в книжке «Сказания скандинавов в пересказе для детей», которую он очень любил в детстве.

И эта богиня застенчиво улыбалась Геннадию.

Ухаживая за длинноволосыми девушками с безразличными глазами, Коровкин всегда следовал установленному ритуалу: ронял ничего не значащие фразы с якобы глубоким подтекстом, следил, чтобы инициатива переходила от него к девушке, и ни в коем случае не торопил события. Он усвоил, что назвать вещи своими именами – оскорбительно для женщины. Непременно нужно исполнить танец распушенного хвоста и дать ей такую же возможность. В этом и есть суть завязывания отношений. К тому же Коровкин помнил о том, что он низкорослый, тощий и нелепый, и всегда оставлял партнерше возможность необидно отказаться от продолжения знакомства.

Но весь этот полезный опыт вылетел из головы в одну секунду, стоило ему увидеть Лену Ларионову. Он забыл обо всех правилах игры «мужчина и женщина» и твердо знал только одно: эта девушка должна провести сегодняшнюю ночь с ним.

Коровкин схватил приемщицу за руку и уронил квитанцию на пол.

– Меня зовут Геннадий, – выпалил он. – Пожалуйста, поужинайте со мной! Кажется, я в вас влюбился.

И покраснел.

Лена могла сбросить Коровкина со своей руки одним движением, как муху. Она с насмешливым удивлением подняла брови и окинула взглядом странного клиента.

Гена стоял, не дыша, чувствуя, что краснеет все сильнее, и с отчаянием осознавая, что только что провалил самое важное ухаживание в его жизни.

Но насмешка исчезла с лица девушки. Она смотрела на Коровкина уже серьезно и почему-то молчала.

– Скажите хоть что-нибудь! – взмолился несчастный Гена.

– Руку больно, – сказала Лена.

– Что? Руку? – Коровкин непонимающе смотрел на нее. И тут сообразил: – Руку! Черт, простите!

Он разжал пальцы и с испугом уставился на красный след, оставшийся на нежной коже.

– Будет синяк, – констатировала Лена. – Вам не кажется, что ставить понравившейся девушке синяки в самом начале знакомства немного преждевременно?

Гена осмыслил вопрос.

– Вы пошутили, – удивленно заметил он.

– Попыталась, – призналась Лена. – Что, не смешно?

– Смешно, – очень серьезно сказал Коровкин. – Так вы поужинаете со

мной?

Он хотел прибавить, что больше не будет хватать ее за руку, но решил не врать. Его обуревали такие желания, что Коровкин испугался сам себя.

– Поужинаю, – согласилась Лена. – Моя смена заканчивается в шесть.

– В шесть буду здесь, – торопливо пообещал Гена.

Он повел ее не в те пафосные рестораны, куда приглашал высоких стройных девушек, а в забегаловку с итальянской кухней. Не потому, что счел Лену недостойной ресторанов, а потому, что сам обожал пиццу. В забегаловке отлично готовили, и они провели прекрасный вечер, непринужденно болтая обо всем на свете, уплетая пиццу и пасту, которую Лена упорно называла вермишелью.

К концу ужина Гена спохватился:

– Я не спросил, какую кухню ты предпочитаешь. Может, китайскую?

Лена немного подумала.

– Домашнюю, – спокойно сказала она.

Коровкин чуть не подавился оливкой. Он вопросительно взглянул на нее – правильно ли понял.

Что-то в выражении лица девушки заставило его отодвинуть тарелку с лазаньей, встать, взять Лену за руку и отвезти к себе домой.

На следующее утро Гена проснулся самым счастливым человеком на свете. Первый раз в жизни, вылезая из постели, он не поторопился закутаться в халат, чтобы не оскорблять взгляда подруги видом своего жалкого тела. Честно говоря, он вообще не вспомнил о том, что ему нужно стыдиться самого себя. В его постели лежала самая прекрасная женщина в мире, и Коровкин мог думать только о ней.

Через три дня он пришел забирать свитер из химчистки и сделал ей предложение.

– А ты не слишком торопишься? – поинтересовалась Лена. – Мог бы для приличия еще хотя бы пуховик сдать в чистку. Или пальто.

– У меня нет пальто, – сказал Гена. – И я тебя люблю.

– Ты меня совсем не знаешь!

– А чтобы любить, не нужно знать. Чтобы любить, ничего не нужно, кроме любви.

– А чтобы жениться? – парировала Лена.

– Чтобы жениться, тоже, – уверенно сказал Коровкин. – Мои родители поженились после пяти лет близкого знакомства. А развелись через год. А мои бабушка с дедушкой были знакомы до свадьбы два месяца и прожили вместе всю жизнь. Я тебя убедил?

Девушка молчала, и Гена добавил умоляюще:

– Ну, хочешь, я выкину старый свитер?

Лена рассмеялась и покачала головой:

– Не надо. Я согласна выйти за тебя даже с этим свитером в нагрузку.

Они расписались тихо, без торжественных церемоний. Невеста была в скромном платье, а жених в затасканном свитере неопределенного бурого оттенка.

Их брак оказался очень счастливым. Коровкин боготворил жену. Гене наконец-то открылось, какие женщины в действительности привлекают его, и теперь ни одна тонконогая красавица не могла заставить его отвести взгляд от Лены.

Только одно несколько омрачало безоблачную картину их брака: отношения с тещей, Надеждой Алексеевной.

Когда ее старшая дочь скоропостижно вышла замуж, Надежда Алексеевна испытала неприятное удивление.

Дело в том, что, кроме Лены, у нее была еще младшая дочь, Ольга. Лена росла самостоятельным, спокойным ребенком, с которым не нужно было учить уроки и заниматься музыкой – она все делала сама. Плаксивая, болезненная Олечка требовала постоянного надзора. Ее баловали, опекали, исполняли все прихоти, лишь бы девочка не капризничала. И, как это нередко случается, Надежда Алексеевна больше любила младшую дочь и даже не пыталась это скрывать.

Лену упрекали за полноту и ставили в пример сестру. Оля занималась фитнесом, следила за фигурой и не ела сладкого после шести. Она не могла выйти на улицу без маникюра и макияжа. В любую минуту ей мог встретиться приличный мужчина – значит, следовало быть во всеоружии.

Надежда Алексеевна вместе с Олечкой строили планы на будущую жизнь. Лена была паршивой овцой в семье Ларионовых: понятно, что останется в старых девах.

Младшей дочери на восьмое марта подарили новый телефон, старшей книжку «Худеем правильно» и две гантели.

Лена покачала их в руке и задумчиво поинтересовалась:

– Это для того, чтобы завалить мужчину? Тогда я их лучше Ольке отдам.

– Оставь себе, тебе они нужнее, – парировала сестра. – У меня и без гантелей все получится. А у тебя вряд ли.

И мило улыбнулась.

Известие о том, что Лена выходит замуж, ошарашило и Надежду Алексеевну, и Олю. Обе почувствовали себя обманутыми. Как?! Их

толстуха? Ухитрилась найти себе мужчину раньше младшей сестры? Когда? А главное, как ей это удалось?

Ольга устроила истерику.

– Мама, она корова! Она даже маникюр не умеет делать! – рыдала она. – Это несправедливо! Я первая должна была выйти замуж!

Надежда Алексеевна успокоила младшую дочь, хотя в глубине души тоже негодовала. Она уже распределила роли: старшая останется с родителями, чтобы быть им опорой в старости, а младшая удачно выйдет замуж и станет предметом гордости для всей семьи. А что теперь? Кто будет заниматься хозяйством, когда Лена уедет?! Олечка совершенно не приспособлена к домашнему быту!

Откуда он взялся на их головы, этот Геннадий!

Оля попыталась высмеять старшую сестру:

– Ты, Ларионова, станешь Коровкиной?! С ума сошла? Неужели ты действительно поменяешь нашу красивую фамилию на эту убогую?

Лена только улыбнулась.

– Почему бы и нет? Ты часто называешь меня коровой. Вот я и буду Коровкиной. Разве тебе это не нравится? А наша красивая фамилия пока останется за тобой.

Младшей сестре нечего было возразить.

Надежда Алексеевна встретила Гену с молчаливой враждебностью. Она была уверена, что ее старшей дочери не мог достаться качественный муж. Все, что делал Коровкин, было плохо потому, что исходило от него. Однако при каждом удобном случае семья Лены старалась использовать Геннадия в своих интересах.

Когда в доме Ларионовых сломался унитаз, Надежда Алексеевна тут же позвонила зятю.

– Геннадий, приезжайте! – потребовала она. – Нужна ваша помощь! Муж в отъезде, а у меня бачок течет.

Коровкин прислал рукастого сантехника, который починил все за десять минут и ушел, не взяв денег.

Надежда Алексеевна была возмущена до глубины души и отругала Лену за то, что ее муж не приехал лично.

Гена мог нанять дюжину сантехников, чтобы они возносили хвалу унитазу Надежды Алексеевны, усевшись вокруг него в кружок, но для нее это не имело значения. «Мужчина только тогда мужчина, когда он может сделать что-то своими руками!» – провозгласила она.

То, что Геннадий мог сделать что-то головой, в расчет не принималось.

– Кран не может починить! – бормотала теща. – Грядку не вскопает!

Гвоздь прибить – в жизни не сумеет!

Коровкин свозил жену в Мадрид, Париж, Лиссабон и на ненастоящее сафари в кенийский заповедник. Надежда Алексеевна даже глазом не моргнула.

– Тратите деньги на ерунду! – высказала она дочери. – Сколько тыщ израсходовали, а он у тебя даже пропылесосить в доме не способен!

Гена подарил жене машину такого синего цвета, что небо по ночам обливалось над ней слезами от зависти, и по утрам свежеумытая машинка блестела, приковывая взгляды прохожих.

– Что в ней толку, если он сам отремонтировать ее не может! – высказалась Надежда Алексеевна. – Посмотри на отца! У него «копейка» двадцать лет, он ее по винтику разбирает и собирает, каждый чих ее знает!

– Еще бы не знать, если она последние десять лет только чихает, а не ездит, – едко возразила Лена, которую задела придирки матери. – Мама, Гена работает! И, между прочим, неплохо зарабатывает.

– Не в деньгах счастье! – покачала головой Надежда Алексеевна.

– То-то вы с папой каждый год берете кредит для отпуска в Геленджике.

Надежда Алексеевна открыла рот и не сразу нашлась, что ответить. Семья Ларионовых действительно жила очень скромно. В глубине души она вовсе не желала такой же жизни для своей дочери.

Но лишь для младшей, а не для старшей.

К тому же Лену считали молчуньей. Ольга с матерью не раз зло вышучивали ее без опасения, что их насмешки будут отражены. И вдруг Надежда Алексеевна открыла, что ее старшая дочь вовсе не такая безответная тихоня, какой казалась. У нее даже возникло неприятное подозрение, что Лена и прежде могла парировать их нападки, но по какой-то причине не считала нужным это делать.

Надежда Алексеевна прибегла к последнему сильному средству: выпрямилась и гордо объявила:

– Наши с отцом деньги заработаны честным трудом! Мы можем спать спокойно, потому что никого не обокрали!

Это был мощный аргумент. Чтобы оправдать скудный достаток их семьи, старший Ларионов не раз объяснял своим дочерям: в России хорошо живут только воры и взяточники.

Никто никогда не осмеливался ставить это утверждение под сомнение. Надежда Алексеевна даже выпрямила спину и выпятила вперед подбородок. В эту секунду она олицетворяла собой честность и гордость бедняка.

Лена подумала немного и уточнила:

– Ты хочешь сказать, что мой муж ворует?

Именно на это намекала Надежда Алексеевна.

Но ведь намекала, а не говорила прямо! Ее всегда раздражала привычка старшей дочери называть вещи своими именами.

Поэтому в ответ на прямой вопрос она пожала плечами: понимай, как знаешь.

Лена снова подумала и заговорила медленно, будто размышляя вслух:

– Я полагала, что системному администратору нечего красть на работе. Разве что вышедший из строя компьютер... Но вдруг ты права?

Надежда Алексеевна почувствовала неладное. А Лена продолжала:

– До тех пор, пока мы не убедимся, что мой муж – не вор, мы не можем брать его деньги. Что, если они заработаны нечестным трудом?!

Старшая Ларионова так и села.

Причина ее замешательства заключалась в том, что после свадьбы она попросила у Коровкина некоторую сумму на ремонт квартиры. К этому времени Лена переехала к мужу, поэтому ремонт предназначался для Олечки и самой Надежды Алексеевны с супругом. Но Гена не мог отказать родителям любимой жены.

Надежда Алексеевна уже наняла бригаду рабочих, выбрала обои и новую мебель. Все это должен был оплатить зять.

– Лена, Лена, подожди, – забормотала она. – Разве можно так говорить о собственном муже?!

– Я ничего плохого о нем и не говорю, – пожала плечами Лена. – Я только думаю, что нужно проверить твое предположение. Пожалуй, через пару лет совместной жизни будет ясно, можно считать Гену честным человеком или нет.

«Пару лет?! – мысленно ахнула мать. – Господи, а как же ремонт?!»

Надежда Алексеевна прижала руки к груди.

– Мое предположение?! Леночка, ты меня неправильно поняла. Неужели я могла назвать твоего мужа вором? Ни в коем случае!

Лена молчала, глядя на мать с выражением, которое Надежда Алексеевна не могла понять. Пришлось старшей Ларионовой окончательно идти на попятный.

– Я уверена, что ты выбрала себе в мужья достойного человека! – торжественно сказала она.

К ее облегчению, Лена кивнула:

– Я тоже так думаю, мама.

И вышла из комнаты, оставив Надежду Алексеевну в мучительных

раздумьях: дадут ли им денег на ремонт или нет.

Геннадий оплатил все, как и обещал. С этого времени Надежда Алексеевна не рисковала заходить далеко в критике зятя: разговор с дочерью крепко ей запомнился.

Но в мелочах она цеплялась к Коровкину, как злой июльский слепень. Гена всем был нехорош: и хлипкий, и боится собак, и не помогает на даче. От предложения собрать колорадского жука вежливо отказался, предложив теще привезти отборной краснодарской картошки на всю зиму. В ответ на просьбу тестя помочь с самогонным аппаратом рванул в Москву и доставил в деревню ящик отменного коньяка двадцатилетней выдержки: пейте, Николай Иванович, на здоровье, не травитесь своей самогонкой!

Ну что за человек?! Никакого понимания.

.....

После ужина стемнело быстро. Темнота выбралась из леса, проползла по полю, по дороге, словно натянула на нее черный чулок. И залегла в низинах вокруг дома. Свет из окон пока отгонял ее, но скоро он погаснет. Тогда ночь изловит их всех вместе с бревенчатой избой, коровником, сараем и собачонкой Тявкой, накроет непроницаемым колпаком и будет держать под ним до утра.

Маше почему-то очень не хотелось, чтобы наступала ночь.

Поежившись, она отошла от окна. Что за глупости, честное слово... Она словно ребенок, боящийся наступления темноты.

Но после неосторожной фразы, брошенной Марфой, ей все время было не по себе. Коровкины ненадолго отвлекли ее. Но сейчас, оставшись в одиночестве, Маша тревожилась, сама не зная отчего.

«Хочу выпить за душу невинно убиенного Марка»... Слово прозвучало, хотела того Марфа или нет. Невинно убиенного.

Убиенного.

Интересно, что сказал тетушке Матвей? Должно быть, он в бешенстве. Конечно, все решили, что Марфа заговаривается. Но один человек до смерти перепугался. И задумался.

Маша поискала взглядом часы. Почти десять! К одиннадцати наступит ее очередь идти в баню. Еще целый час...

За дверью кто-то прошел. От сквозняка хлопнула приоткрытая створка окна, и Маша вздрогнула. Нет, решительно невозможно оставаться здесь – она становится нервной, дергается от любого звука.

Рассердившись на себя, Маша вышла из комнаты – торопливо, чтобы не дать себе возможности передумать.

В коридоре – никого. Даже Глюка. Но снизу доносились голоса, и они успокоили Машу. Кажется, Коровкины о чем-то спорят с Борисом, и в их разговор вплетается хриловатый голос Матвея.

Крадучись, Маша спустилась по лестнице. Ей не хотелось никого видеть. Смотреть на людей, с которыми она провела два дня, и думать о том, что один из них может быть убийцей... Нет. Только не сейчас.

Но все четверо сидели у камина и не заметили ее. Успенская выскользнула за дверь и тихо прикрыла ее.

Ого, как темно! Небо с редкими звездами будто низко нахлобученная шапка, закрывающая обзор. По обеим сторонам тропинки, ведущей к бане, стояли фонарики на солнечных батареях, но свет их был слабым и тусклым.

Маша побрела по дорожке, удивляясь, отчего не видно Тявки. Суматошная собачонка постоянно крутилась у нее под ногами, и Маша даже перестала ее замечать. Но вчера вечером она сопровождала ее и утром тоже была поблизости... Куда же она делась?

Успенская вернулась во двор и присела на корточки перед конурой.

– Тявка! Тявочка, ты здесь?

Конура была пуста.

– Тявка! – громко позвала Маша, которую исчезновение собачки встревожило едва ли не больше, чем все, случившееся до этого. – Тявка, Тявка!

Ветер донес до нее тихое поскуливание.

Маша вскочила и прислушалась. Показалось? Нет-нет, определенно, где-то вдалеке скулила собака.

Слух у Успенской был отличный – профессиональные «уши» музыканта. Будь на ее месте другой человек, он бы ничего не услышал. Но Маша была уверена, что не ошиблась.

Определившись с направлением, она побежала в сторону бани. Звук повторился. Теперь к нему добавилось тихое повизгивание, и Маша уверилась окончательно: собака именно там. Возле старой покосившейся баньки, в которой сейчас как раз должна была париться Марфа Степановна.

Завернув за сарай, Успенская сразу увидела собаку – белый комочек в темноте перед крыльцом. Дворняжка скулила и царапалась в дверь.

– Тявка!

Увидев Машу, собачонка разразилась громким лаем.

– Марфа Степановна! – крикнула Успенская. – Тетя Марфа!

Из бани не доносилось ни звука.

Маша толкнула дверь и в приоткрывшуюся щель увидела, что ее держит слабый крючок.

Времени на раздумья не оставалось. Маша была абсолютно уверена, что Тявка не просто так скулит под дверью.

– Тявка, брысь! – приказала она.

Дворняжка понятливо отбежала в сторону, продолжая поскуливать.

Маша со всей силы ударила плечом в дверь, не рассчитывая, что та поддастся с первого раза. Но крючок отвалился, и она с грохотом ввалилась в предбанник.

– Марфа Степановна! – заорала Маша.

Ни звука изнутри.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений в том, что с тетушкой что-то случилось. Маша встала перед второй дверью – прочной, крепкой – и подумала, что с этой преградой ей точно не справиться. Надо звать на помощь. Но для очистки совести дернула за ручку – и вдруг дверь открылась.

Изнутри дохнуло влажным жаром. Маша нырнула в крохотное, сильно натопленное помещение, где ей пришлось согнуться вдвое, и сразу увидела – женщина лежит на полу без сознания.

На одну секунду Маша остолбенела, разглядывая узкий белый след от купальника на загорелой коже. Ева? Откуда она здесь?!

Присела, пощупала пульс на шее. Кажется, есть... Жива!

Маша выскочила из бани и закричала во весь голос:

– Сюда-а! По-мо-ги-те!

Тишина. Но в следующую секунду Тявка отозвалась громким лаем и помчалась к дому.

Успенская снова бросилась внутрь. Схватив лежащую женщину за руки, она попыталась волоком вытащить ее из бани. Но ничего не получилось. Пот заливал глаза, влажные запястья Евы выскользывали из ладоней. Маша подхватила ее под мышки, но сдвинула всего на шаг.

«Слишком... тяжело...»

Мысли начали путаться. На Машу внезапно навалились оцепенение и сонливость. И бессилие. Она – бессильна. Ева слишком тяжелая, ничего не получится.

На подгибающихся ногах Успенская выбралась из бани, распахнув настежь обе двери. Краешком сознания она отметила, что Тявка опять пропала.

– Ничего... – пробормотала Маша, – справимся сами.

Вдохнув свежий ночной воздух, от которого в голове немного прояснилось, она вернулась в баню и снова поволокла Еву за собой. Господи, кто бы мог подумать, что эта женщина такая тяжелая! Она словно

скользящая рыба, которую можно вытащить только сетью.

И как же здесь жарко... Душно, не хватает воздуха! Лоб сдавило раскаленным обручем, в висках стучит.

Маша вытерла пот со лба, борясь с искушением закрыть глаза и лечь рядом с Евой на мокрый дощатый пол. В углу за печкой промелькнул чей-то силуэт, на стене заиграли рыжие отблески.

– Милая, выходи отсюда, – тихо, словно издалека, шепнула Зоя. – Спасайся. Одной тебе не справиться.

Ничего не соображая, Маша выпустила тело Евы и попятилась. Да... Нужно выбираться... Сейчас она выйдет... вот-вот...

Сзади ее схватили за плечи и сильно встряхнули.

– Они здесь, обе! – заорал кто-то у нее над ухом.

Борис Ярошкевич. Он вытолкнул ее из бани, и Маша без сил свалилась в мокрую траву. Мимо кто-то бежал, кричал, звал на помощь, кажется, трогал и переворачивал ее. Она что-то ответила невпопад, и ее оставили в покое.

Понемногу свежий воздух сделал свое дело – Маша пришла в сознание. В нескольких шагах от нее столпились все родственники, обступив что-то, лежащее на земле.

– Сейчас ее будет рвать! – послышался Нютин голос. – Разойдитесь, быстро!

«Значит, Ева жива! – облегченно выдохнула Маша. – Слава богу, успели».

Глава 7

Ева

Еву Лучко одноклассники дразнили уродиной. Учителя сочувствовали некрасивой девочке: глазки маленькие, припухшие, скулы такие высокие, как будто наплывают на глаза, нос уточкой, а губы раздуты, словно бедняжку искусили осы. Да еще соломенные волосы торчат непослушной паклей, выбиваясь из любой косички.

Красивыми считались девочки с большими карими глазами, высоким лбом и удлиненным личиком. У таких девочек длинные темные волосы заплетены «корзинкой» вокруг головы. Вот, например, у Марины Воробьяновой, которую так любят учителя. А у Евы сорочье гнездо, как его ни причесывай.

И еще мама, когда девочка пожаловалась ей, отругала: «Внешность – не главное! Надо быть порядочной, умной, доброй. А про лицо тебе еще

рано думать».

Но как же не думать? Ева много слышала о своей некрасивости. «Вон страшилище идет!» – издевался Васька Рубцов. А сам был маленький, рыжий, с большущим носом и гигантскими ушами, одно из которых к тому же оттопыривалось больше другого.

Ева давно заметила, что больше всего дразнят ее те, кто сам боится насмешек. Красота снисходительна к уродству. А вот уродство безжалостно и к красоте, и к такому же уродству.

Если бы Ева была веселой, общительной девочкой, может быть, у нее бы и появились друзья. Но от насмешек она замкнулась в себе, разговаривала высокомерно, скрывая стеснительность. Сутулилась на задней парте, а выходя к доске, всегда ожидала насмешек в спину.

– Китаеза, китаеза!

– Рубцов! – одергивала учительница.

Но в ее глазах за напускной строгостью Ева читала насмешку. Наверное, Марии Яковлевне она тоже казалась «китаезой» с узкими глазками. Стоять здесь, под этими взглядами было пыткой. Ей хотелось взмолиться: «Отпустите, отпустите, пожалуйста!»

И девочка сбивчиво, неловко отвечала, страстно желая только одного: вернуться на свое место, скрыться на задней парте, чтобы видеть только спины. Она не могла собраться с мыслями, когда на нее смотрел целый класс – тридцать лиц, изучающих мельчайшую ее черточку, замечающих малейший недостаток. Каждый ответ превращался в мучение, и Ева ненавидела и одноклассников, и учительницу, и саму себя. Почему язык не повинуется ей? Почему она не может взять себя в руки?

Она скатилась бы на двойки, если бы не письменные работы. Они спасали ее. Учителя не сомневались, что Лучко списывает, хотя Ева ни разу за все школьные годы не воспользовалась шпаргалкой. У нее была отличная цепкая память.

В шестнадцать лет мать отправила ее в пионерский лагерь. Ева первый раз в жизни ехала куда-то одна. В автобусе, куда набилось полсотни подростков, она сразу юркнула на любимое место – в самый конец салона – и прижалась к окну. Спины, спины, спины покачивались перед Евой. Спины пели, шутили, смеялись.

Наискосок от Евы возвышалась узкая костлявая девичья спина с выпиравшими лопатками. Над спиной был затылок, на котором вверх-вниз в такт покачиваниям автобуса подсакивал небрежный пучок. Дужки очков плотно обхватывали уши.

«Такая же уродина, как и я, – отстраненно думала Ева, глядя на эти

уши. – Ее будут дразнить очкариком. Может быть, мы даже подружимся. Интересно, если две уродины ходят вместе, они кажутся более страшными, чем по одиночке? Или менее? Наверное, более...»

– Смотрите, смотрите – мост! – крикнул кто-то.

Все обернулись, словно никогда не видели моста, очкастая девочка тоже. И Ева, рассматривавшая выпиравшие лопатки, уперлась взглядом в ее лицо.

Это было чистое, будто умытое росой лицо с неправильными мелкими чертами. Но все неправильности вместе, складываясь в одно целое, образовывали удивительную переменчивую красоту. И в следующий миг уже казалось, что девушка красива: глубокие серые глаза, мохнатые брови, сходящиеся близко на переносице, широкий нос с подрагивающими крыльями... Но самым главным была уверенность, которую излучала обладательница очков.

Ева, не отрывая глаз, смотрела, как она встает, идет по салону, спрашивает что-то у водителя, возвращается назад, смеясь... Откидывает черную вьющуюся прядь. И все это очень естественно, без капли стеснения.

«Она считает себя красивой», – поняла Ева.

Мост давно скрылся, а она сидела, ошеломленная тем, что ей открылось. Объективно девушка с выпирающими лопатками была непривлекательной. Субъективно она была красавицей.

Никогда еще Ева не испытывала подобного потрясения. Она видела, какими глазами смотрят на очкастую девицу мальчишки, как они неловко пробуют заигрывать с ней. Она им нравилась!

До лагеря оставалось ехать час. За этот час Ева Лучко проделала над собой колоссальную работу: заставила себя притвориться тем, кем не являлась.

«Меня здесь никто не знает, – сказала она себе. – Никто не слышал, что я уродина. Главное – не дать им возможности это понять. Если эта очкастая дылда считает себя красоткой, я тоже смогу».

Ева торопливо распустила волосы, взбила челку. Выпрямила спину, заставила себя опустить и расслабить плечи. Подумав немного, достала из сумки помаду и накрасилась, глядя в размытое оконное отражение.

Когда автобус подъехал к корпусу, она легко спрыгнула со ступенек и осмотрелась вокруг с независимым видом. Подошла к группе девочек, среди которых стояла та, очкастая, и улыбнулась им:

– Привет! Не знаете, куда нас расселяют – в первый или второй?..

С лагеря началась ее новая жизнь. Замкнутой, надменной Еве пришлось ломать и перестраивать себя. Она начинала каждое утро с того, что подходила к зеркалу и заставляла ту, зеркальную девочку поверить, что ее лицо действительно привлекательно. Ева насильно воспитывала любовь к себе. Никогда ни одно действие в ее жизни не давалось девочке с таким трудом.

«У тебя прекрасные серые глаза, умный взгляд», – говорила она отражению.

«У тебя губы, которые хочется целовать».

«У тебя нежная кожа, белая-белая, как лепесток белого шиповника».

«И волосы пшеничного оттенка».

Она не выходила из своей комнаты до тех пор, пока ей не удавалось схватить состояние восхищения собой. И несла себя в этом состоянии, как подарок.

Утреннего запаса самовнушения хватало ненадолго. Тогда Ева снова пряталась в своей комнате, прикидала к зеркалу и сжимала зубы, ненавидя свое лицо и принуждая себя его любить.

Она вспомнила старую формулу, вычитанную где-то: «Говорите о себе только хорошее: источник забудется, информация останется». И сделала ее своим девизом. Но Ева отлично понимала, что хвастовство не пойдет ей на пользу. Кто-нибудь задастся вопросом: «А правда ли все то, что рассказывает о себе Ева Лучко?» Сомнение разнесется по лагерю, как споры грибка, и никто не станет верить Еве.

И она выдавала сведения о себе очень осторожно, крошечными порциями. Сначала обронила, что у нее много друзей. Написала при других девочках письма выдуманном подружкам и разослала их по несуществующим адресам. Призналась девочке, славившейся болтливостью, что в нее влюблены сразу два одноклассника: «Я не знаю, кого выбрать...» Болтушка все разнесла по лагерю на следующий день, и Ева сделала вид, что очень рассердилась.

Понемногу, кирпичик за кирпичиком, она выстраивала общественное мнение о себе. И дом вырастал на глазах.

Но к концу каждого дня Ева безмерно уставала. Словно актриса, выходила она на подмостки, где каждый спектакль был ее премьерой, и играла одну и ту же бесконечную роль.

В конце концов она сорвалась бы. Окружающие пока верили ей, но чем дольше Ева притворялась, тем больший ужас охватывал ее при мысли, что будет, если все откроется. Маска спадет, и все увидят, какая она в действительности уродина. По ночам Ева не могла уснуть, терзаясь

мыслями: «Вдруг вернутся письма, отправленные по ложным адресам? Вдруг кто-нибудь посмотрит на меня и скажет: она все выдумала, с ней никто не дружит?»

Но ей помогла случайность.

«Случайность» носила имя Тани Коломеевой и звание лучшей вожатой. Глядя на нее, никто не усомнился бы и в титуле «первая красавица лагеря». У Тани было открытое, удивительно милое лицо, и она всегда внутренне улыбалась чему-то. От этого и глаза ее улыбались. Младшие школьники ходили за Таней табуном и упрашивали быть их вожатой, но Таня занималась со старшими.

Именно Таня как-то раз с интересом спросила Еву: «У тебя кто-то из родителей из Латвии?» И, пока та не успела ответить, добавила: «В твоей внешности чувствуется явный прибалтийский шарм».

В голосе Коломеевой звучало восхищение. Девчонки вокруг зашептались: «Явный прибалтийский шарм, надо же...» И Ева мигом собралась с мыслями. «Моя мама из Литвы, – легко соврала она, глядя в Танины серые глаза. – Папа был там в командировке, увидел ее и влюбился без памяти. Она у меня редкая красавица».

«Я так и подумала, – улыбнулась Коломеева. – Ты, наверное, похожа на нее».

И отошла, а Ева осталась сидеть у костра с высоко поднятой головой, изо всех сил сохраняя на лице невозмутимое выражение. Если уж Коломеева, признанная красавица, сказала ей комплимент... Значит, все ее усилия были не напрасны!

А через неделю случилось второе событие, которое окончательно закрепило успех Евы. В кинозале вечером показывали фильм «Маска». Он произвел фурор среди старшей смены, и администрации пришлось повторять его два вечера подряд. И вот в конце второго вечера, когда никто еще не успел разойтись, та же Коломеева громко сказала:

– Вы заметили, что наша Ева – вылитая актриса из «Маски»? Камерон Диас! И губы такие же, и глаза, и волосы...

Ева остолбенела. Вокруг нее немедленно собралась толпа, желающая проверить слова вожатой.

– А правда, похожа... – удивленно сказал кто-то.

– Ева – внебрачная дочь Камерон Диас!

– Точно, смотрите! Ева, ты танцевать умеешь?

Ева вспомнила актрису. Как?! Она, оказывается, похожа на эту невероятную, недостижимую красоту? Похожа настолько, что все это признают?! Один человек может ошибиться, но не все же!

В сознании Евы случился окончательный перелом. Маска приросла к лицу, как у героя только что просмотренного фильма, и Ева Лучко преобразилась.

Когда наступило время ее отъезда из лагеря, красота Евы была признана безоговорочно. Девушка была уверена, что победила всех вокруг – заставила их поверить, что она привлекательна. Но главное – Ева победила себя.

Правда, в школе никто не заметил ее преобразования. За десять лет одноклассники привыкли видеть дурнушку с соломенными волосами. Но Ева уже всюду читала книжки по психологии и не огорчилась их равнодушию. «Инерционное восприятие действительности», – сказала она себе и подмигнула своему отражению в зеркале: что с них взять, с дураков с инерционным восприятием.

И убежала на свидание с мальчиком, с которым познакомилась в лагере.

Ева так никогда и не узнала, что однажды вожатая Таня Коломеева вызвалась найти пропавшую куда-то Еву Лучко и привести ее на репетицию спектакля. В лагере постоянно работал театральный кружок, а Ева записалась туда с первого дня.

Коломеева подошла к номеру, где жила девочка, постучалась... Ей никто не ответил, она толкнула дверь и вошла.

Дверь в ванную комнату была приоткрыта. Перед зеркалом стояла Лучко, наклонившись к своему отражению, и громко, отчетливо произносила вслух: «Я очень красивая. Меня все любят. У меня привлекательное лицо».

Пауза – и снова: «Я очень красивая. Меня все любят».

А в следующую секунду Ева закрыла глаза и уткнулась лбом в зеркало. Она стояла, упираясь головой, бессильно свесив руки, и по щекам ее текли слезы. Это была поза совершенно отчаявшегося человека.

Коломеева неслышно отступила назад, вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь.

Сцена, которую она наблюдала, глубоко поразила ее. Таня не сомневалась, что стала свидетельницей сеанса самовнушения. Ей стали понятны и отлучки Евы, и ее старания всем понравиться, которые девушка тщательно маскировала.

«Бедная, бедная, – думала Таня Коломеева. – Надо ей помочь».

Она выждала подходящий момент и упомянула про прибалтийскую внешность. Ева мигом приняла подачу. Таня обрадовалась и во второй раз

сыграла еще проще. И снова успешно: все подхватили ее слова о сходстве Евы и известной актрисы.

Таня никому не рассказала о том, что она сделала. Она и не придавала этому большого значения, к тому же никогда не выдавала чужие тайны. Для Евы ее вмешательство так и осталось подарком судьбы.

В институте Ева расцвела. Один роман сменялся другим, однокурсницы ненавидели Лучко, злились на нее и завидовали: ей доставались самые красивые юноши факультета. Никто не догадывался, что Ева выбрала себе роль охотницы. «Чем крупнее добыча, тем интереснее завалить ее», – думала она, посмеиваясь над двусмысленностью фразы. И продолжала брать реванш за школьные годы.

Мать, до которой доходили нехорошие слухи из института, решила поговорить с ней.

– Послушай, Ева, – непререкаемым тоном начала она, – мы не для того тебя растили и дали образование, чтобы ты вела себя как распутная девка. Знаешь, что о тебе говорят?..

Дочь оборвала ее:

– Во-первых, не знаю и знать не хочу. Во-вторых, вы мне ничего не дали. В институт я поступила сама, учусь сама, без вашей помощи. И сама разберусь, как мне вести себя.

И в глазах Евы вдруг сверкнула такая ярость, что мать опешила и свернула разговор.

Вечером она жаловалась мужу:

– Мне кажется, она нас ненавидит!

– Не говори глупостей, – успокаивал супруг. – Ей просто хочется свободы.

Но мать Евы была не так далека от истины, как ей хотелось. Ева никогда не простила родителям равнодушия к ее беде. «Внешность – не главное, – зло передразнивала Ева слова матери. – Для тебя, конечно, не главное! Ведь не тебя же дразнили уродиной восемь лет подряд».

После окончания учебы она устроилась работать в банк на крошечный оклад, стажером. Ее однокурсники побрезговали бы такой должностью. Но Ева знала, что делает.

Она очень быстро установила со всеми хорошие отношения. Улыбалась, спрашивала совета, хваталась за любую работу... Даже редкие недоброжелатели признавали, что Лучко пашет как вол.

В двадцать шесть лет Ева возглавила отдел кредитного обслуживания. В двадцать восемь стала заместителем руководителя филиала.

Ее называли хитрой, умной, наглой, и все это было правдой. Утверждали, что она спит с начальством. Но Еве было уже все равно – она поднялась туда, где камни сплетен не могли ее ранить.

С Марком Освальдом ее познакомили на одной из корпоративных вечеринок. Тогда мысли Евы были заняты романом с дьявольски привлекательным бизнесменом, крупным вкладчиком их банка, и она не обратила внимания на спокойного белокурого гиганта. Только запомнила редкое имя и даже примерила его на себя. «Ева Освальд». Что ж, звучит неплохо...

И тут же забыла о Марке.

А месяц спустя ей предстояло произнести речь на общем собрании служащих банка. Многие годы собрание открывал сам директор. Ева понимала, какая честь ей оказана, и тщательно подготовилась. Две недели она писала-переписывала текст, репетировала свое выступление перед зеркалом, подбирала платье.

И вот, наконец, настал день собрания.

За десять минут до начала торжественной части Ева сбежала в туалет и тщательно осмотрела себя в зеркале. Помада не размазалась, чулки не морщат, лакированные туфли-«лодочки» блестят.

Она все сможет! В банке ее называют одной из самых привлекательных женщин. У нее все получится!

Ева медленно вернулась, следя, чтобы не сбилось дыхание. Собрание началось.

– Ева Павловна, микрофон уже включен, – сказали ей.

Ева поднялась на сцену, огляделась... И спина у нее похолодела. Господи, она все учла, кроме этого!

Перед ней волновалось море лиц. И каждое было обращено к ней. Внимание всех в этом зале было нацелено на Еву, взгляды притягивались, словно лучи.

На нее нахлынули воспоминания: вот она в пятом классе: одноклассники смотрят на нее, оценивают каждый ее жест, каждое движение. Над ней смеются: «Проваливай, китаеза!» Язык не шевелится, ей не под силу выговорить ни единого слова, и хочется лишь одного: спрятаться на последней парте, подальше от колющих взглядов.

Она не могла быть объектом внимания такого количества людей! Она выглядит плохо, она уродина! Пустите, пустите ее отсюда!

Ева положила на стол микрофон и на подгибающихся ногах пошла со сцены. Зал заволновался. Она выхватила из ряда лиц недоуменное лицо Сергея Сафроновича, ее шефа, и еще кого-то рядом, смутно знакомого...

Но Ева не в силах была ничего им объяснить. По спине стекали крупные капли пота, блузка промокла насквозь. «Господи, только избавь меня от этого позора!»

Ева пробивалась к выходу, не слыша обеспокоенных окликов: «Ева Павловна! Что случилось?!» До заветной двери оставалось пройти всего несколько шагов, и вдруг путь ей преградили.

– Ева Павловна, вы забыли!

С этими словами ей втиснули в руки какие-то листы.

Ева подняла глаза на человека, стоявшего перед ней. Высокий, загорелый викинг с русыми волосами и очень светлыми голубыми глазами. «Это же Марк, Марк Освальд».

– Марк, – прошелестела Ева, – простите, мне нужно уйти.

Он взял ее под локоть, одновременно показывая на какие-то цифры на листе, и решительно развернул к сцене.

– Нет! Я не могу!

Но хватка у него оказалась железная. Марк наклонился к ней – со стороны это выглядело, будто он спрашивает о чем-то – и тихо приказал:

– Произнесите первую фразу доклада! Ну же, давайте!

– «Сегодня я хочу подвести итоги прошедшего года, который был удачным для нашего банка», – машинально проговорила Ева.

– Отлично. А теперь идите. Вы прекрасно выглядите, здесь нет никого, кто выглядел бы так же хорошо, как вы.

Последнее предложение он проговорил скороговоркой и подтолкнул Еву к сцене.

Она сделала несколько шагов, сжимая лист бумаги, который Марк дал ей. Зал притих. Ева взяла микрофон, обвела зал невидящим взглядом. Она прекрасно выглядит? Ева взглянула на стоящего сбоку Марка Освальда. Он стоял, сунув руки в карманы, и выглядел поразительно уверенным – *поразительно уверенным в ней*.

Это произвело магическое воздействие на женщину.

– Здравствуйте, – негромко произнесла Ева. Будь что будет, но первую фразу своего выступления она скажет. – Сегодня я хочу подвести итоги прошедшего года, который был удачным для нашего банка. Кстати, стулья здесь деревянные? Отлично. Я предлагаю всем нам постучать по дереву, чтобы не сглазить удачу.

С самым серьезным видом она постучала по столу. В зале раздался смех, дружный перестук. Ее аудитория сразу развеселилась.

– Теперь мы можем быть спокойны: нашему банку ничего не грозит, – улыбнулась Ева. – Итак, давайте посмотрим, чего мы добились...

Пятнадцать минут спустя все было кончено. Ева спустилась со сцены под дружные аплодисменты. Ее речь была краткой, выразительной и экспрессивной. Она говорила со всеми сидящими в зале, как со своими соратниками. Ее благодарность была обращена к каждому из них, и все почувствовали себя командой.

– Ева Павловна, блестяще! – восторженно прогудел Сергей Сафронович. – Вот что значит талант!

Ева улыбалась, благодарила, но глаза ее искали одного человека. В зале его уже не было.

Она выскользнула за дверь, не дожидаясь, пока начнет свою речь следующий оратор. И в коридоре увидела Марка Освальда. Он сидел на подоконнике, болтал ногой в рыжем ботинке и явно ждал ее.

Ева подошла к нему, прищурилась, рассматривая в упор. Марк улыбался.

– Вы меня спасли, – сказала она вместо приветствия. – Как вам это удалось?

Улыбка на его лице стала шире.

– Мне приходилось произносить речи. Каждый раз – паника. Весь мокрый как мышь. Знакомый научил: если сказал первую фразу, все остальное пройдет легко. Так и есть. Что-то включается внутри. Пластинка заводится. Главное – не задерживать ее ход, она сама сыграт.

Марк говорил короткими фразами: скажет – и вслушивается, словно пытается понять, правильно ли сказал.

– А зачем вы всучили этот лист? – поинтересовалась Ева. – Здесь какие-то расчеты...

– А, это... Вычислял площадь помещения. Нужно по работе. Вам дал, чтобы не было неловкости. Как будто вы забыли речь и спустились за ней.

Марк смотрел на Еву с мягкой снисходительностью, как взрослый на ребенка. Но отчего-то это ничуть не задевало ее.

– Вы отлично выступили, – сказал Марк и спрыгнул с подоконника. – Что ж, мне пора. Приятно было вас послушать.

Узкие глаза Евы удивленно расширились:

– Разве вы не пообедаете со мной? Это нечестно. Вы мой спаситель, так могу я отблагодарить вас хотя бы хорошим обедом?

Освальд помолчал, затем улыбнулся смущенной улыбкой.

– Разве вы не останетесь с ними? – Он кивнул на дверь, из-за которой доносились хлопки.

– Останусь, – кивнула женщина. – Я не могу сейчас уйти. Но вы заберете меня в четыре часа и мы где-нибудь посидим. Идет?

Освальд покачал головой, и у Евы упало сердце.

– Неужели вы мне откажете? – растерянно спросила она.

Этот вопрос всегда звучал у нее кокетливо, игриво, многозначительно, и Ева сама не ожидала услышать в нем неуверенные нотки.

Но Марк только удивился в ответ:

– Как я могу вам отказать? Просто в четыре у меня встреча, я освобожусь не раньше семи.

Ева облегченно выдохнула. Ею не пренебрегли, как она опасалась.

– Запишите мой телефон, – она обольстительно улыбнулась Марку. – Я жду вашего звонка.

Ее брак с Марком Освальдом удивил всех. Лишь Марк, влюбленный в нее, как подросток, был уверен, что все идет правильно. Он любит Еву, Ева любит его – что еще нужно для счастья?

Но Ева знала что. Муж достался ей слишком легко, и это было досадно.

Она сама называла себя жадиной. Так и говорила, показывая в вызывающей улыбке белоснежные зубы: «Я жадная. До жизни, до денег, до мужчин! В этом и беда моя». И хохотала.

Но беда заключалась не в этом. Евина жадность распространялась преимущественно на чужое.

«Что такое мужчина сам по себе? – презрительно думала Ева. – Две руки, две ноги, тело с приспособленными к нему первичными половыми признаками. Плюс деньги, плюс положение в обществе, плюс игрушки в виде горных лыж, мотобайков или чем еще модно сейчас увлекаться... А что такое женатый мужчина? Это статус!»

Неженатых она не уважала. «Если не женился – значит, никому не пригодился», – рассуждала Ева. Или понадобился только дурочкам, потому что умная женщина всегда найдет способ, как окрутить мужчину. И, спрашивается, зачем ей, Еве, никому не нужный экземпляр?

Ценность мужчины многократно повышалась, если у него были дети. Идеально – двое-трое. В том, чтобы завладеть отцом пятерых детей, Ева не видела подвига: такие папаши сами готовы сбежать от своего выводка куда глаза глядят. А вот двое-трое – значит, примерный семьянин. Таких Еве нравилось соблазнять больше всего.

Каждая любовная победа убеждала ее в том, что она не просто выдержала конкуренцию с неизвестной женщиной, но и выиграла у нее. Доказала, что она, Ева Лучко, бывшее посмешище класса, привлекательнее, красивее, желаннее. В роли обманутых жен ей всегда представлялись

бывшие одноклассницы.

Одного лишь соблазнения Еве было недостаточно. «Затащить мужчину в постель – фи, задача для начинающих». Ей требовались эмоции, чувства, влюбленность! Ева подпитывалась мужским обожанием, как цветок солнцем. А осознание того, что это обожание украдено у другой, заставляло ее гордиться собой.

В банке сотрудницы шептались, что ни одной привлекательной женщине нельзя приводить на корпоративные вечеринки своего супруга: Ева Лучко не сможет пройти мимо. Кто ее знает, чем она берет – красавицей ее не назовешь. Но мужчин притягивает к себе, словно диких мустангов арканом.

Одно из любимых воспоминаний Евы было о встрече бывших одноклассников на десятилетие окончания школы.

Ева сильно опоздала и подъехала к школе, когда все, устав от торжественных речей администрации, высыпали на улицу покурить. Ее дорогой черный «мерседес» плавно, словно акула, проплыл мимо школьного подъезда и замер.

Ева вышла из машины. Кто-то не удержался и негромко присвистнул. Она и сама была как золотая рыбка или русалка с вуалью длинных белых волос. Пухлые губы, припухшие веки, словно Ева только что встала с постели и идет к ним еще полусонная, разморенная... Длинное черное платье облегло фигуру, серебристые туфли на шпильке отражали вечерний свет.

– Это кто – Лучко? – недоверчиво спросил кто-то.

– Похоже... – протянули в ответ.

Еву окружили со всех сторон. Она стояла, откинув голову, наслаждаясь всеобщим вниманием и восхищенным удивлением. А потом заметила в стороне Марину Воробьянову. У той так же, как в детстве, были уложены две красивых толстых косы вокруг головы. Марина стояла с каким-то щекастым толстячком, крепко держась за его локоть, и вся светилась от гордости. «Муж», – наметанным взглядом определила Ева. И улыбнулась про себя.

На следующий день те одноклассники, которые были на встрече, рассказывали тем, кто не смог прийти, что Ева Лучко увела у Воробьяновой супруга. Да, прямо там, на вечере, и увела. Танцевала с ним весь вечер, потом смотрят – а их уже и нет. Потом, говорили, он звонил Марине, что-то врал про то, что срочно понадобилась его помощь с машиной... Выкручивался, одним словом.

А Ева, наигравшись с толстячком, отпустила его, как кошка

пойманную мышь. Тот метнулся под крылышко к жене, просить прощения. Но дальнейшее Еву уже не интересовало: она добила своего.

А всего два месяца спустя на вечеринке у друзей она неожиданно встретила Таню Коломееву, вожатую из своего первого лагеря. Таня осталась такой же красавицей, только глаза глядели устало. Она не сразу узнала Еву, но, узнав, обрадовалась, как старой подруге.

Пока они болтали, вспоминая юность, к Тане подошел темноволосый мужчина с седыми висками.

– Женя, мой муж, – представила его Коломеева. – Женечка, это Ева, моя бывшая подопечная из «Ласточки».

Ева взглянула на мужчину, задержала на нем взгляд. По губам ее скользнула улыбка.

Здороваясь, она на секунду сжала пальцами его ладонь.

Евгений работал в автосалоне.

– О, это просто замечательно! – расцвела Ева. – Я как раз выбираю машину. Вы не дадите мне пару советов?

Таня оказалась выключена из разговора. Она с грустью наблюдала, как ее муж сперва неохотно, а затем все с большим удовольствием делится мнением с Евой. Та хохотала над его шутками, откидывая голову, и все ее гладкое, крепкое, полное жизни тело тянулось к нему. Во всяком случае, так казалось Тане.

«С ума сошла? – ругала она себя. – Они всего лишь разговаривают. Присоединись к ним, посмейся над его шутками, как она!» Но Таня боялась подойти. Последнее время они часто ссорились с мужем, и ей не хотелось раздражать его лишний раз. Вдруг он рассердится, если жена подойдет?

И Таня осталась в стороне.

Год спустя, выходя из зала суда после завершения процедуры развода, Таня вспомнила ту вечеринку. А ведь она могла подойти, взять его под локоть, увести, не обращая внимания на насмешливый взгляд Евы... Исправило бы это что-нибудь? Может быть. Может быть, тогда не случилось бы его измены, после которой их брак рассыпался окончательно, без всякой надежды собрать все заново.

Таня вернулась домой, в квартиру, которая им двоим с мужем казалась маленькой, а ей одной была велика. Встала перед зеркалом. Зеркало отразило красивую русоволосую женщину средних лет. Но у женщины было такое выражение лица, как будто она больше никогда в жизни не улыбнется.

Таня прижалась лбом к зеркалу, опустила руки, как когда-то Ева Лучко. И решила слезам литься свободно.

А в эту же секунду Ева с удовольствием разглядывала свое отражение в зеркале. Когда зазвонил телефон, она взглянула на экран – это был Евгений – пожалала плечами и не стала брать трубку.

Он не был ей больше нужен. Отработанный материал.

.....

Маша бесшумно выскользнула из комнаты, где засыпала Ева. Возле той осталась дежурить Нюта.

Именно от Нюты Успенская узнала, что первым ее крики о помощи услышал Гена Коровкин. А потом во дворе зашла в диком лае Тявка, и стало понятно, что случилась беда.

Пока Борис и Матвей вытаскивали Еву из бани, Нюта успела сбегать за медицинским чемоданчиком.

– Я всегда вожу его с собой, – объяснила девушка. – Там запас лекарств на экстренный случай. Вколола ей антидот от отравления угарным газом внутримышечно, нашатырь сунула под нос, и это помогло.

Придя в себя, Ева наотрез отказалась ехать в больницу, несмотря на совет Нюты.

Теперь она лежала в своей комнате – осунувшаяся, бледная, как будто кто-то стер с нее весь загар. Глаза превратились в крошечные щелочки. Но этими щелочками она пристально следила за окружающими.

Ева не помнила, как она потеряла сознание. Но у Маши были кое-какие соображения на этот счет. Когда во всеобщей суматохе пострадавшую унесли в дом, Успенская незаметно проскользнула в баню.

И обнаружила то, что и ожидала увидеть: печная вьюшка была плотно закрыта.

Дождавшись, когда Нюта отойдет в сторону, Маша присела на край кровати к Еве Освальд.

– Скажи, пожалуйста, ты закрывала задвижку в бане? – тихо спросила она.

Ева потерла виски и страдальчески уставилась на Машу:

– Какую задвижку? Ты о чем?

– Железную. В трубе. Закрывала?

– Господи, ну какое это имеет значение?! Нет, не закрывала! Я понятия не имела, что там есть задвижка.

Она откинулась на подушку и поморщилась, как от боли. Ее бледное искаженное лицо испугало Машу.

– Может быть, мне все-таки отвезти тебя в больницу? – робко предложила она. – Или попросить Бориса, у него машина проходимее моей.

Подошедшая Нюта горячо поддержала ее:

– Правда, Ева! Маша все верно говорит, вам обязательно нужно показаться врачу!

Ева повернула к ним голову и презрительно улыбнулась.

– Что, за дурочку меня держите?

Маша и Нюта растерянно переглянулись.

– Хотите сплавить меня в больницу, чтобы самим Марфу окучить? – продолжала Ева. – Ничего у вас, дорогие, не получится. Вам меня из игры так просто не вывести.

Понизила голос и прибавила, любезно улыбнувшись:

– Кишка тонка. У обеих.

– Да не собиралась я вас никуда сплавлять! – с детской обидой воскликнула Нюта. – Что вы такое говорите!

– Ты, может, и нет, – легко согласилась Ева. – Умственных ресурсов не хватит. А вот она, – Освальд подбородком указала на Машу, – запросто.

В эту секунду Маше показалось, что перед ней Борис в женском облике: хамоватый хозяин жизни, способный оскорбить любого просто так, походя, без всякой причины. От молоденькой белолицей Нюты можно не ждать отпора. Ей можно бросить про нехватку умственных ресурсов и довольно посмеиваться, гордясь своим остроумием.

Маша поднялась.

– Нам тебя из игры так просто не вывести, говоришь? – Она ответила Еве такой же милой улыбкой. – Нюта, напомни, что ты вколола нашей дорогой Еве?

Успенская была уверена, что девушка в ответ просто назовет лекарство. Но Нюта сделала больше, чем ожидалось.

– Официально – ацизол, – отчиталась она голосом примерной ученицы.

Но что-то было в ее голоске такое, что заставило Еву приподняться на локте.

– Что значит «официально»? – визгливо спросила она. – Что было в шприце?

Личико у Нюты стало хитрое и довольное. Она выразительно пожала плечами.

– Поверь мне на слово, нам нет необходимости отправлять тебя в больницу, – хладнокровно сказала Маша.

– Что вы задумали?! – Она перевела взгляд с Маши на Нюту. – Что?!

Нюта несколько раз моргнула. Вид у нее был на редкость бесхитростный.

– Разве я могу это объяснить? – вздохнула она. – Мне не хватит умственных ресурсов. Чувствую, что уже не хватает. Поправляйтесь, Ева, и не думайте о плохом.

С этими словами она помахала ладошкой и пошла к двери. Маша последовала за ней, сохраняя серьезное лицо.

В коридоре, как только за ними закрылась дверь, она крепко пожалла девушке руку.

– Надеюсь, мы не слишком сильно ее испугали, – озабоченно сказала Нюта. Но глаза ее смеялись.

– Даже если испугали, Еве это только на пользу, – заверила Маша.

– Она тебе и спасибо не сказала, – удрученно заметила девушка. – Ты ее вытаскивала из этой ужасной бани, чуть сама не потеряла сознание...

– А ты делала укол и приводила в чувство, – в тон ей ответила Успенская.

Нюта беззаботно махнула рукой:

– Ерунда. Я же не ради благодарности старалась.

Расставшись с девушкой, Маша отправилась искать Олейникова. Ей хотелось многое сказать ему. И пока Успенская бродила по дому, злорадно скрипевшему дверями и открывавшему для нее пустые комнаты, она успела накопить такие запасы злости, что хватило бы на трех Олейниковых.

Матвея она нашла в библиотеке, устроившимся в кресле. В этом же кресле Марфа вчера утонула, как птенец в гнезде, а Олейникову оно, казалось, мало.

Маша налетела на него, точно кошка на большого пса:

– Ты этого хотел?! Вот он, твой план в действии?!

Казалось, волосы у нее вот-вот заискрятся от переполнявшей Машу ярости.

– Ты о чем? – поинтересовался Матвей.

Но даже его холодный тон уже не мог остановить Машу.

– Ты понимаешь, что произошло? – прошипела она. – Думаешь, это несчастная случайность, что Ева едва не умерла в чертовой бане? Ничего подобного! Кто-то закрыл вьюшку, и угарный газ пошел внутрь. Если бы на месте Евы оказалась Марфа Степановна, она уже была бы мертва! Потому что ей восемьдесят лет, а не сорок пять, и убийца принимал это в расчет! Что ты щуришься на меня?! Да, убийца! Марфа чудом осталась жива! Я до сих пор не могу понять, почему Ева пошла в баню вместо нее.

– Потому что они поменялись, – сказал Матвей, с интересом разглядывая Машу. Казалось, он видит ее впервые. – Ева попросилась идти

тогда, когда баня будет самой жаркой, и тетушка уступила ей свою очередь. Марфа должна была пойти после нее.

– Ах, вот оно что...

Теперь Маше все стало ясно. Кто-то не знал о том, что очередность изменили. Этот кто-то пробрался в баню и закрыл задвижку, надеясь, что Марфа не обратит на нее внимания.

И умрет, отравившись угарным газом.

– Ваши игры в расследование чуть не довели человека до смерти, – бросила она. – А знаешь почему? Потому что тетя Марфа проговорилась за ужином! Упомянула про помин души невинно убиенного Марка. Я знакома с ней всего второй день, но ты-то ее любимый племянник! Ты должен был предусмотреть, что такое может случиться.

Машу выводил из себя его внимательный любопытный взгляд. И то, что в уголках его губ пряталась усмешка. Ей хотелось задеть Олейникова, выбить из равновесия, как тогда, когда она предположила, что он может быть убийцей Марка Освальда.

Но Матвей из себя не вышел. Вместо этого он озадаченно потер переносицу.

– Скажи, пожалуйста, – начал он, – ты в самом деле полагаешь, что два бокала вина довели тетушку до такого состояния, что она перестала себя контролировать? Хотя... ты ведь действительно не знаешь Марфу, как знают ее остальные. Но и они поверили.

Олейников не выглядел ни смущенным, ни раскаивающимся. Скорее удовлетворенным.

– Подожди-ка... – нахмурилась Маша, осмысливая его последние слова, – так Марфа притворялась?

Она вспомнила тетушку за ужином, как та покачивалась, хватаясь за стол... Определенно, для двух бокалов вина это было чересчур.

– Притворялась! – повторила Маша, прозревая. – Но... господи, зачем?! Она же спровоцировала убийцу...

Успенская оборвала фразу на полуслове.

Спровоцировала убийцу. Вот оно! Ну конечно!

Маша подняла на Матвея потемневшие глаза:

– Вы с ума сошли? – тихо спросила она. – На что ты ее подбил?

Матвей удивился:

– Подбил? Ты видела Марфу? Ты что, всерьез полагаешь, что ее можно на что-нибудь подбить? Она сама подбьет кого угодно! У нас не было другого способа выяснить, кто убийца. Только дать ему понять, что она знает о случившемся, знает о том, что Марк умер не своей смертью.

– О, прекрасно! – восхитилась Маша. – Для того чтобы восстановить справедливость, ты готов выставить родную тетушку в качестве приманки. Отчего же ты сам не выступил в этой роли, а? Тетей Марфой ты готов рискнуть, а своей драгоценной жизнью – нет?

Все-таки ей удалось стереть с его лица снисходительную ухмылку, которая так ее злила.

– Я никем не готов рисковать, – огрызнулся Матвей. – Марфой – в последнюю очередь. Но убийца скорее попыбует устранить беспомощную старуху, чем тренированного мужчину. Он не станет нападать, потому что ему нельзя привлечь к себе внимание. Значит, каким путем он пойдет? Правильно, постарается имитировать несчастный случай. И, поверь мне, когда это случится, я буду рядом.

– Что-то я не заметила тебя возле бани, – съязвила Маша.

– Потому что Марфы там не было! Она оставалась на кухне все это время.

Маша опустилаcь в соседнее кресло. Мысль ее против воли заработала в другом направлении. На кухне... Возле камина сидели Коровкины и Борис. Выходит, их можно исключить из числа подозреваемых, ведь они знали, что Марфа в доме. Еву тоже исключаем. Кто остается?

– Только Иннокентий... – вслух пробормотала Маша.

Но Матвей покачал головой.

– Нет, не только. Я уже думал об этом. Во-первых, Марфа сидела на кухне тихо, как мышь. Никто не знал, что она там. Во-вторых, допустим, что вьюшку закрыл Борис. Даже если бы он понял, что в бане Ева, а не Марфа, неужели ты думаешь, что он помчался бы исправлять ошибку? Он продолжал бы разговор, как ни в чем не бывало.

Олейников поднялся из кресла и вразвалку подошел к окну. В его движениях была плавность хищника, готовящегося к нападению, упругость гепарда, готового в любое мгновение сорваться с места в погоню за добычей. Казалось поразительным, что этот массивный, тяжеловесный мужчина может так двигаться.

Матвей оглядел двор и повернулся к Маше:

– Покушение не помогло нам сократить круг подозреваемых. Но зато мы лучше смогли понять убийцу Марка.

– Что ты имеешь в виду?

– Смотри: Марфа произнесла «кодовую» фразу за ужином. Ее слова не могли не привлечь внимание убийцы. Я надеюсь, он (или она) догадался и о том, что потерянный на реке браслет был всего лишь уловкой, чтобы испытать силы пловцов. А для него это очень опасно. Это означает, что

Марфа не просто знает о причине смерти Марка, но и пытается докопаться до истины.

Мы предполагали, что убийца начнет действовать на следующий день. А он принял решение молниеносно! Учел все обстоятельства, обернул их в свою пользу и устроил покушение. Причем такое, которое легко выдать за несчастный случай: подумаешь, старуха в склерозе слишком рано закрыла трубу! Уверен, что он даже отпечатков пальцев не оставил на этой задвижке. Умный, быстрый, решительный. И наглый – прошел в баню под носом у всех и вышел незаметно.

Маша примерила эту характеристику к каждому.

– Борис, – уверенно сказала она. – И еще Ева, но Ева отпадает. Она чуть не умерла.

– Чуть не считается, – рассеянно сказал Матвей, думая о своем. – Между прочим, отравление угарным газом очень легко имитировать. Ева могла упасть на пол за секунду до того, как ты выбила дверь.

– Я уверена, что она не притворялась, а действительно была без сознания, – возразила Маша. – Хорошо, Еву не вычеркиваем. Но Коровкины! Смешно предположить, что Гена способен кого-то убить. А его жена!

– Десять лет назад Марфе приспичило сварить настоящий бульон, – спокойно сказал Матвей. – И она купила в деревне курицу. Живую. Но выяснилось, что из нас из всех никто не рубил курице голову. Тогда Лена Коровкина взяла топорик и хладнокровно оттяпала бедной птице башку. Причем от поисков топорика до обезглавленного трупа прошло две минуты. Ты бы видела, как бесстрастно она отловила курицу и гильотинировала ее, словно заправский палач.

– Это еще ни о чем не говорит, – возразила Маша, но без особой убежденности в голосе. Она и сама чувствовала, что за флегматичностью Лены Коровкиной скрывается целеустремленный и довольно жесткий человек.

– Говорит, и еще как. А Генка в молодости был редким бабником.

– Гена? – не поверила Маша. – Коровкин?

– Да, Гена Коровкин. Он вызывает в женщинах материнские чувства. Так что нельзя исключать, что именно он был любовником Даши.

– В общем, пока мы топчемся на месте, – подытожила Маша, не замечая, что говорит «мы», хотя десять минут назад была готова растерзать Олейникова за преступное равнодушие.

– А по-моему, для двух дней расследования результат вполне приемлемый, – заметил Матвей. – Тетушка спровоцировала убийцу. Он

боится, он торопится, а кто боится и торопится, тот совершает ошибки. Поверь мне, он оступится.

– Главное, чтобы до этого он никого не убил по ошибке, – пробормотала Маша.

Ни она, ни Матвей в эту секунду не догадывались, насколько пророческими окажутся ее слова.

Выйдя из библиотеки, Маша наткнулась на Иннокентия. Его хитрый и в то же время смущенный вид навел ее на мысль, что он пытался подслушивать. Анциферов согнулся в поясе, как официант, и, наклонившись к Машину уху, доверительно шепнул:

– Не советую вам связываться с этим мизераблем. Беден, как церковная мышь, и к тому же авантюрист.

Маше было неприятно расспрашивать Анциферова, но она не удержалась:

– Почему авантюрист?

– А вы знаете, чем он занимается? Придумывает товары для путешественников. До сих пор! Вот уже десять лет! Какие-то нелепые глиняные кружки, ножи... Хочет делать бизнес, но выходит одна авантюра. Кажется, он весь в долгах...

Маша усомнилась в том, что Иннокентию известна правда о деятельности Олейникова. Меньше всего образ Матвея вязался у нее с глиняными кружками. Вот с ножами – еще куда ни шло...

– Такой молодой красивой женщине, как вы, ни в коем случае нельзя иметь с ним дело, – продолжал нашептывать Анциферов, плотоядно поглядывая на Машину шейку.

– Когда мне понадобятся советы, с кем иметь дело, я в первую очередь обращусь к вам, Иннокентий, – пообещала Маша.

Анциферов был глуп, но не настолько, чтобы не распознать издевку. Он пожал плечами:

– Я вас предупредил. А вот и Нюта!

Маша обернулась. Девушка шла к ним, переваливаясь с ноги на ногу.

– Мне стало стыдно, – виновато сказала она, обращаясь к Успенской. – Я вернулась к Еве и сказала, что мы пошутили. Она такая бледненькая... Все-таки я уверена, что ей стоит поехать в больницу.

– Дорогая моя, зачем?! – запротестовал Иннокентий. – Наши больницы – это гнездо стяжательства и невежества. Природа – лучший целитель!

– Но ведь когда в прошлом году у тебя заболел зуб, ты не полагался на природу, а пошел к стоматологу, – рассудительно возразила Нюта.

Маша взглянула на нее с восхищением. Определенно, она недооценивала эту девушку!

Но Анциферов не смутился.

– Это совсем другое! Хотя я должен отметить, что твоя помощь прищлась Еве очень кстати. Умница моя!

Иннокентий покровительственно погладил Нюту по белому плечу, и та прильнула к нему, светясь от удовольствия.

А Маша, глядя на них, в очередной раз задалась вопросом: как, как могла эта юная нежная девочка влюбиться и выйти замуж за такого отратительного, самодовольного, напыщенного болвана?!

.....

Нюта

Нина, старшая сестра Нюты, как-то раз сгоряча обозвала ее тупицей.

– Баран ты глупый! – кричала темпераментная Нина, отбросив в сторону игральные карты. – Ты же ничего не поняла в правилах! Я тебя уже пять раз обжулила. Так почему ты ни о чем меня не спрашиваешь и не возмущаешься? Тебе десять лет, а ты такая же тупица, как в пять!

Справедливости ради стоит заметить, что Нюта Игнатова тупицей вовсе не была. Просто она не любила и не умела задавать вопросы.

Нюта была из той редкой породы детей, которые без всяких сомнений принимают любой установленный порядок и живут по нему, не сгорая от любопытства. «Почему река течет? Почему небо голубое? Почему у кошки нос мокрый, а усы колючие? Почему у папы растет борода, и у бабушки растет, а у мамы нет?» На все это у Нюты был один ответ: потому что так надо. Кому надо? Зачем надо? Этим она никогда не интересовалась.

Ее мир был полон авторитетов, которые лучше нее знали, что делать. Как-то раз мать пришла с работы взбешенная и приказала Нюте, мешавшейся под ногами, идти в угол. Девочка пошла, не спрашивая, за что ее наказали: раз наказали – значит, есть за что. Она спокойно отстояла в углу за шкафом двадцать минут, ковыряя пальцем отходящие обои, и в конце концов оторвала полоску. А оторвав, окончательно убедилась в глубоком смысле наказания: оно пришло раньше проступка, только и всего.

Точно так же слушалась она и сестру. Нина была всего на два года старше, но авторитет ее в глазах Нюты был непререкаем. Если бы Нина сказала Нюте, что та должна выпрыгнуть из окна, Нюта залезла бы на подоконник и спрыгнула. Но, к счастью для девочки, неумная энергия Нины находила выход в другом: в удовлетворении любопытства.

Нина, полнейшая противоположность сестре, была из тех, кого называют почемучками. Ее интересовало абсолютно все. Вспыльчивая, увлекающаяся, она постоянно терзала взрослых вопросами. Почему гора растет вверх, а не вниз? Почему когда поешь, голос изо рта выходит, а не из ушей? Почему у человека хвост отвалился? С хвостом было бы удобнее... Почему Нютка такая тихая?

Тихая Нютка смотрела на Нину с обожанием. Ее сестра знала все на свете и готова была щедро делиться знаниями даже тогда, когда ее ни о чем не спрашивали. Как многие старшие сестры, Нина была деспотичной девочкой, но Нюту это полностью устраивало: рядом всегда находился человек, который говорил ей, что нужно делать.

- Не ходи с этим мальчиком гулять, он толстый и потный!
- Не надевай это платье, оно тебе не идет!
- Не улыбайся, у тебя зуб кривой!

Став взрослее, Нюта научилась тихо саботировать приказания сестры, если они шли вразрез с ее желаниями. Та, увлеченная своими интересами, даже не замечала этого.

Любопытство снедало Нину, и каждый новый ответ приносил новые вопросы. В девятнадцать лет она всерьез заинтересовалась философией.

Поиски истины для Нины закончились масштабным вопросом о смысле жизни, для ответа на который она собралась и улетела в Индию. Там Нина присоединилась к группе таких же озадаченных философов и на несколько лет обрела относительное спокойствие: коллективные поиски смысла жизни заменили ей сам смысл.

Время от времени Нина писала, каждый раз из разных мест, призывая Нюту отринуть колебания и присоединиться к ней, чтобы вместе они сидели на берегу океана и постигали непостижимое. На что Нюта каждый раз вежливо отвечала, что колебания она давно отринула, и теперь у нее не осталось ни малейших сомнений в том, что на берег океана ей не надо.

Но поначалу, оставшись без сестры, Нюта растерялась. В это время она заканчивала медицинское училище, куда поступила по совету Нины, и новых авторитетов в обозримой близости не наблюдалось.

После отъезда сестры Нюта все чаще стала спорить с родителями. Первая ссора случилась по пустяковому, казалось, поводу: мать рассказала о коллеге, которую поймали на мелком воровстве у своих.

- Что скажешь? – спросила мать.

Нюта неопределенно пожала плечами. Она не знала, что ответить. Прежде Нина обязательно высказала бы свое мнение, а ей оставалось бы лишь присоединиться к нему. Но Нины не было.

– Что ты молчишь? – обернулась мать. – Скажи, что бы ты сделала с воровкой?

– Не знаю... – пробормотала Нюта. – Отпустила бы, наверное...

– Как – отпустила? – ахнула мать. – Она же у нас вещи и деньги украла!

– Но ведь только мелочь...

– Какая разница? То есть разница, конечно, есть, но воровство все равно остается воровством! Ты не согласна?

Нюта попыталась честно ответить на этот вопрос. Выходило, что если речь идет о незнакомом человеке, то человек этот, конечно, вор. Но стоило Нюте представить себя на месте воровки, и сразу хотелось думать, что она стала жертвой обстоятельств. Разве можно жертву обстоятельств считать вором?

Примерно это Нюта, запинаясь, изложила матери.

– Если бы ты украла у своих коллег, я бы не стала считать тебя воровкой, – закончила она. – Потому что у тебя были бы серьезные причины для такого поступка.

Мать изумленно уставилась на нее.

– Вор есть вор, независимо от того, кто он! – сказала она наконец и прибавила с брезгливостью: – А у тебя совершенно размыты нравственные ориентиры.

Нюта обиделась за свои ориентиры, и они поссорились. Со временем споры участились. Мать утверждала, что дочь ее выросла безнравственным человеком, готовым оправдать любой аморальный поступок. Но сама Нюта знала, что дело вовсе не в этом. Просто она не была похожа на сестру, а матери хотелось общаться с Ниной, убедительно и пылко отстаивающей свое мнение, а не с ней, мямлей, не умеющей толком облечь путаные мысли в слова.

После училища Нюта смогла устроиться медсестрой в частную клинику. Медсестра из нее вышла отличная. Очень скоро Нюту стали отправлять по домам пациентов: ставить капельницы и делать уколы. Больные сами просили, чтобы к ним присылали «беленькую сестричку», и хвалили ее золотые руки.

Исполнительная, послушная Нюта наконец-то оказалась на своем месте, где не нужно было ни проявлять инициативу, ни задавать вопросы – лишь делать то, что укажут.

На работе она и познакомилась со своим Кешей.

Поначалу, конечно, он был никаким не Кешей, а Иннокентием Петровичем, мужем пациентки Анциферовой. Первый раз попав к ним в

квартиру, Нюта поразились количеству книг. Пухлые тома заселили все шкафы, блестели золотыми буквами из-за стеклянных дверец. И книги были не разномастные, а собрания сочинений. У Нюты дома из собраний стояла только легкомысленная «Анжелика». А здесь сурово взирали с полка и Кант, и Гегель, и даже Шопенгауэр, по одной фамилии которого сразу было ясно, что ничего плохого от него ожидать нельзя.

Правда, позже оказалось, что солидный Шопенгауэр не оправдал Нютиных надежд. Когда Иннокентий показал ей том, где в оглавлении значилась «Метафизика половой любви», Нюта вспыхнула: ай да философ! И хотя Кеша всучил ей книгу с наказом прочитать и сделать выводы, Нюта Шопенгауэра читать не стала: обиделась на него.

Но до этого было еще далеко, а пока она тайком осматривала комнату, открыв рот от восторга.

– А что вы, милочка, все глазками шарите? – неприятно осведомилась пациентка, Вера Львовна. – Вы зачем сюда пришли? Ставить мне капельницу? Вот и приступайте к своим непосредственным обязанностям.

Нюта занялась капельницей, стараясь не встречаться глазами с пациенткой. А та не сводила с нее испытующего взгляда.

– Вам сколько лет? – вдруг резко спросила она, когда Игнатова уже собралась делать укол.

– Двадцать... – смутилась Нюта, прибавив себе для уверенности два года.

– Молодая! – осуждающе заметила Вера Львовна. – Вам бы еще учиться и учиться, а вас отправляют тренироваться на живых людях!

Нюта подняла на нее голубые глаза.

– Я не тренируюсь, – тихо, но твердо сказала она. – Я работаю. Пожалуйста, не нужно мне мешать.

И Вера Львовна неожиданно спасовала перед девчонкой. Послушно вытянула руку и до окончания процедуры не сделала ни одного замечания.

Во время второго визита к Анциферовой Нюта познакомилась с Иннокентием Петровичем. Увидела его – и сразу поняла: вот кто читает книги в этом доме! Не толстая грубая Вера Львовна в розовых туфлях с пушистыми помпонами, а ее муж – высокий, с умным лицом, на котором завивалась интеллигентная бородка. А глаза! О, какие у него были глаза! Серые, как дождь, и очень грустные. Иннокентий Петрович внимательно посмотрел на Нюту, и она преисполнилась восхищения и жалости одновременно. Какой он умный! Какой он несчастный!

На третью процедуру в дом Анциферовых Нюта шла как на свидание. Даже маленький цветочек вплела в волосы, чтобы выглядеть наряднее.

Увы, Иннокентий Петрович на нее и не взглянул, не оценил ни цветочка, ни нежного голубого платья, ни серебряного браслета. Нюта совсем сникла, но неожиданно Вера Львовна вышла из комнаты на минуту, и Анциферов тотчас обернулся к медсестре.

– Какая вы сегодня красивая, – негромко сказал он. – И не только сегодня.

Казалось, хотел еще что-то добавить, но вернулась жена, и Иннокентий отвернулся к окну. Даже не попрощался, когда Нюта уходила – так, кивнул едва... Но Нюта уже все поняла: он боялся Веры Львовны! Конечно, она, как злая ведьма, держит его в плену, следит за каждым его словом! Бедненький...

На следующий день Нюте будто кто-то шепнул на ухо, и вместо того, чтобы идти напрямиком к пациентке, она зачем-то зашла в продуктовый магазин рядом с домом Анциферовых. И почти не удивилась, увидев Иннокентия. Он покупал фрукты. Обернулся – и подался радостно навстречу Нюте, словно они были хорошими друзьями.

– Здравствуйте! – просияла Нюта и зачем-то уточнила: – А я к Вере Львовне.

– Здравствуйте, здравствуйте, Нюточка, рад вас видеть.

Иннокентий наклонился к ней и вдруг продекламировал:

Мне душу странное измучило виденье,

Мне снится женщина, безвестна и мила,

Всегда одна и та ж и в вечном измененьи,

О, как она меня глубоко поняла!

Нюта замерла. Никто прежде не читал ей стихов. И каких!..

– Это Лермонтов? – робко спросила она.

– Поль Верлен, – улыбнулся Анциферов. – Возьмите!

И протянул ей яблоко.

Нюта приняла его с таким благоговением, будто ей вручили бриллиантовое кольцо.

– Пойду, чтобы Вера Львовна не волновалась, – чуть поспешно сказал Иннокентий. И добавил тихо: – Жду вас!

И ушел, а Нюта осталась стоять в магазине с яблоком в руке, отрешенно глядя на ящик с картошкой и улыбаясь. Он ждет ее! Значит, он

чувствует то же, что и она! И эти стихи... Про женщину, которая его поняла... Конечно, это о ней, о Нюте!

Сердце ее пело и трепетало.

В квартире Иннокентий снова был с ней деловит и сух, но Нюта уже все про себя и про него осознала. Любовь с ними случилась, любовь с первого взгляда и на всю жизнь.

Дома она положила на стол яблоко и долго смотрела на него влюбленными глазами, представляя, что это голова Иннокентия. Даже лицо и бородку на румяной яблочной коже нарисовала фломастером. Потом спохватилась, что как-то странно получается – голова отдельно от туловища – и вылепила из пластилина фигурку любимого.

Правда, пластилиновый Иннокентий с яблочной головой прожил недолго: яблоко усохло, скукожилось, и он стал выглядеть так, будто его мумифицировали. Пришлось Нюте с болью в сердце его выкинуть.

Во время очередного ее визита Анциферов улучил секунду и сунул Нюте в руку записку. Там были только адрес и время: завтра, в шесть вечера.

Игнатовая ни на миг не усомнилась, стоит ли идти. Мужчина, старше и опытнее ее, указывал, что ей делать. Как можно было послушаться?

Она пришла на пятнадцать минут раньше назначенного времени и с бьющимся сердцем стояла на лестничной площадке, поправляя и разглаживая самое нарядное свое платье, длинное, белое, как у невесты. Когда открылись двери лифта, Нюта вздрогнула. Но на площадку вышел не Иннокентий, а неопрятная старуха с кошелкой. Она покосилась в сторону Игнатовой и отчетливо буркнула в ее сторону: «Вот шалава еще!»

Нюта не успела удивиться ни грубости, ни «шалаве»: часы показали шесть, и она порхнула к заветной двери, забыв про старуху.

На ее робкий звонок Иннокентий открыл сразу.

– Пришла! – выдохнул он, будто не веря себе, и с порога заключил девушку в объятия.

Счастье захлестнуло Нюту с ног до головы. Она запрокинула голову, нашла сухие губы и прильнула к ним, крепко зажмурившись. От бороды Иннокентия пахло старомодным одеколоном, запах дурманил, опьянял ее, запах сделал с ней что-то такое, отчего Нюта почувствовала себя ведьмой. Не отходя от двери, она стащила через голову платье, которое старательно разглаживала десять минут назад, швырнула на пол, как ненужную тряпку, торопливо расстегнула на Иннокентии рубашку, чуть не оторвав пуговицы. И с силой увлекла несколько ошеломленного таким напором мужчину в комнату, где виднелся краешек кровати.

С этого дня она стала его любовницей. Правда, сама Нюта в таком контексте никогда о себе не думала, предпочитая красивое слово «возлюбленная». Они встречались несколько раз в неделю на съемной квартире, и Нюта жила от встречи до встречи, почти не замечая, что происходит в те дни, когда они не виделись.

С избирательной слепотой, свойственной только любящим, Нюта не замечала ни единого черного пятнышка в образе Иннокентия и восхищалась его достоинствами. Он был прекрасно образован, эрудирован и охотно делился с Нютой знаниями (тем более, что так, как она, Анциферова больше никто не слушал). Нюта подчинялась ему так же, как когда-то подчинялась сестре, счастливая от того, что нашелся главный человек в ее жизни.

К Вере Львовне она по-прежнему приходила делать уколы и ставить капельницу. И не испытывала ни капли смущения, встречаясь с ней взглядом. Вера Львовна была для Нюты необязательным придатком Иннокентия Петровича, неприятным, но не слишком обременительным.

Если бы кто-то сказал Нюте, что она – любовница женатого мужчины, Игнатова очень удивилась бы. Нет, возразила бы она, все не так! Просто у ее возлюбленного, предназначенного ей судьбой, по несчастливой случайности когда-то завелась жена. С мужчинами такое бывает. Но это не может стать препятствием для настоящей любви!

Ее немного смущало, что Иннокентий не спешит разводиться с постылой супругой. Но Нюта оправдывала его тем, что добрый, заботливый человек не может бросить больную женщину, уйдя к другой, молодой и здоровой.

И светлый лик Иннокентия оставался незапятнанным.

Иннокентий

Иннокентий Петрович любил воображать себя актером. Вот шуршит занавес, перекачивается волна рукоплесканий по зрительному залу, и выходит он – в черном плаще и в маске, чувственный и дерзкий. Дон Жуан.

Анциферов всегда в мечтах исполнял одну и ту же роль. Прочие герои мировой литературы его не интересовали.

И эту же роль Иннокентий с упоением играл и в жизни.

В прежние времена Анциферова назвали бы распутником. Сам же он считал себя сексуально открытым миру. К его сожалению, между ним и миром в этой области имелось одно значительное препятствие: супруга, Вера Львовна.

Иннокентий женился рано и на женщине старше себя. Отец Веры, Лев Сергеевич Котов, уже отчаявшийся выдать замуж некрасивую сварливую дочь, обрадовался голодранцу Анциферову, но ничем эту радость не показал. Напротив, как человек умный, донес до Иннокентия, что их семья осчастливила его этим браком, согласившись на мезальянс. Дочь ректора известного московского вуза – и какой-то хлыщ с невнятной биографией! К тому же безработный.

Анциферов действительно не работал после института, объясняя это сложными духовными исканиями. Правда же заключалась в том, что ни к какой осмысленной продуктивной деятельности Иннокентий не был пригоден. Все, на что хватало его способностей – пересказывать написанное другими людьми. Но до сих пор Анциферов не нашел ниши, где его умения были бы оценены по достоинству.

Конечно, можно было бы устроиться менеджером, вариться в котле мелкой торговой компании, предлагая покупателям зубные щетки или пылесосы. Но согласиться на такое унижение Иннокентию не позволяла гордость. Как?! Он, Анциферов, и станет продавцом?! Он, рожденный для свершений и полета?! Никогда. Поэтому Иннокентий проедал остатки родительских сбережений.

Когда он познакомился с Верой Котовой, дно родительской копилки уже показалось. Несколько недель подряд Анциферов питался одной гречкой, поскольку в доме хранились огромные запасы крупы, а на мясо денег ему не хватало.

Решение жениться на выгодной невесте Иннокентий принял через десять минут после знакомства.

Нельзя сказать, что Котова была хороша собой: оплывшая, с глазами навывкате и вечно брюзгливым выражением лица. Но в приданое ей полагались квартира, машина и дача, да и папу-ректора нельзя было списывать со счетов.

Приняв решение, Иннокентий ринулся в бой за руку и сердце избранницы со всем пылом человека, которому опротивела гречка и страстно хочется мяса. Он занял денег по знакомым, забросал Веру Львовну скромными букетиками, ходил под ее окнами, обмотав шею длинным шарфом, и встречал ее с работы. Имущественному положению Веры Иннокентий противопоставил богатства духа и водил ее по выставкам, театрам и творческим встречам, где не нужно было платить за входной билет. Анциферов даже разорился на коробочку пудры и перед встречей аккуратно припудривал лицо, чтобы романтическая бледность покрывала его чело и все, что ниже.

Через три месяца он старомодно попросил у Льва Сергеевича руки его дочери.

Лев Сергеевич приятно улыбнулся. Так мог бы улыбнуться паук, расставивший сети в том месте, где мух отродясь не водилось, и вдруг обнаруживший запутавшуюся в них добычу. Ректор нежно взял бледного тонкого Иннокентия под локоток и увлек в свой кабинет, незаметно потирая лапки.

Анциферов с порога забормотал про единение душ, про любовь и смысл жизни, но Лев Сергеевич, как человек дела, оборвал это бормотание. И огласил условия сделки.

Иннокентий принимался в их семью, приобретал право проживания в квартире Веры Львовны и пользования ее дачей. Кроме того, Лев Сергеевич пообещал пристроить Анциферова в свой институт.

Взамен от Иннокентия требовалось любить и уважать супругу, не приносить ей ни горестей, ни бед и хранить верность до конца их дней.

Услышав про верность, Анциферов ухмыльнулся про себя и решил, что дело в шляпе. Но тут будущий тесть вышел из-за стола и подошел вплотную к Иннокентию. Лев Сергеевич был крупным человеком с таким же брюзгливым выражением лица, как у дочери. Он взял жениха за воротник рубашки и притянул к себе.

– И вот что я тебе еще скажу, юноша, – выдохнул Котов в лицо Анциферову. – Если ты хоть чем-то обидишь Верочку, считай, что все наши договоренности отменяются. Вылетишь из моего дома, как пробка. Я тебя, поганца, готов и приласкать, и обогреть, но только в том случае, если Верочке твое присутствие будет в радость.

И тут Анциферову открылась страшная истина: Лев Сергеевич очень любил свою некрасивую и неудачливую дочь. Так любил, что готов был купить для нее выбранного жениха. И обижать Веру ему не позволит.

Пудра осыпалась с Иннокентия, как пыльца с крыльев мотылька, и лицо его покрылось вполне натуральной бледностью.

– Н-ну что вы, Лев Сергеевич! – пробормотал он, дергая шейкой в тщетных попытках вырваться из тисков. – К-к-как я могу! Обидеть – да никогда! Клянусь! Был бы счастлив... если бы вы... и Вера Львовна... сочли меня достойным высокой чести....

Ректор выпустил рубашку Анциферова.

– Высокой чести? – усмехнулся он. – Вот именно – высокой! Хорошо, что ты это понимаешь.

Свадьбу сыграли небольшую, но торжественную. Иннокентий успел поближе узнать характер невесты и в загсе чувствовал себя как Красная

Шапочка, обреченно глядящая на поросшую серой шерстью бабушку и понимающая, что уже не до пирожков – уйти бы живой. Перспективы маячили самые безрадостные, а на помощь дровосеков рассчитывать не приходилось. У него даже мелькнула мысль удрать, но призрак гречневой диеты заставил отказаться от этой идеи.

«Ничего, – утешал себя Иннокентий, – зато своя квартирка, и машину тесть подарит».

Лев Сергеевич приблизился к жениху с любезной улыбкой, поправил ему галстук, наклонился и шепнул на ухо:

– Нажрешься в ресторане – убью.

Анциферов сглотнул. У него действительно была мысль напиться после регистрации. «Зверь вы, Лев Сергеевич! – звонко выкрикнул он в широкую спину Котова. – Как вы смеете ограничивать мою свободу?!»

Но выкрикнул, конечно, лишь мысленно.

Котов не обманул: он действительно устроил Иннокентия работать в своем институте. Анциферов стал преподавать историю философии. Преподаватель из него вышел неплохой, и самому Иннокентию его работа нравилась. Он считал, что все-таки вытащил счастливый билет, в отличие от менеджеров по продаже бытовой техники.

Первые два года семейной жизни Анциферов свято следовал клятве, данной Льву Сергеевичу: был верен жене и не обижал ее. Первое давалось ему с большим трудом, зато второе – легко. Хотел бы Иннокентий увидеть человека, способного обидеть Веру Львовну!

Супруга была вспыльчива, криклива и выходила из себя по любому поводу. С детства она страдала астмой, и при первой же попытке ей возразить начинала задыхаться и хваталась за баллончик. Приступы у Веры Львовны были не выдуманные, а самые натуральные.

Именно ее болезнь заставила Анциферова на третий год брака нарушить обещание. Вера Львовна несколько раз в году уезжала в санаторий, и он оставался один. О, эти три недели полной свободы! И сколько искушений вокруг в лице молодых женщин с кроткими глазами...

В конце концов, одному из таких искушений Иннокентий и поддался.

Следы измены он замел с такой тщательностью, что Штирлиц почувствовал бы свою несостоятельность и ушел из разведчиков в штукатуры, если бы ему стала известна история Анциферова.

Вера Львовна, вернувшись из санатория, ничего не заподозрила.

Иннокентий осторожно повторил свой сладостный и рискованный опыт.

И снова все прошло успешно.

Анциферов возликовал. На следующий раз он осмелел и провел «сеанс совращения», не дожидаясь отъезда супруги. И снова у Веры Львовны не возникло сомнений в верности мужа.

Иннокентий почувствовал себя оголодавшим лисом, которого пустили в подпол с мышами. Он мог охотиться на любую из них и уволочь теплую, еще бьющуюся добычу в свою нору, а там наиграться с ней всласть.

Роль норы играла маленькая квартирка, которую он снял тайком от жены.

Особенно любил Анциферов девушек, которых называл «девочки-реснички» – юных студенточек с вечно распахнутыми глазами. Чтобы ножка маленькая, губки пухлые, а плечико белое и непременно округлое. О, эта прельстительная неопытность, робость, неуклюжая пылкость! Разве мог Анциферов получить все это от своей Веры Львовны, в которой ни робости, ни пылкости – одна только неуклюжесть... К тому же супруга была не слишком темпераментна и притязаниям любвеобильного Иннокентия уступала с неохотой.

Иннокентий Петрович действовал всегда по одной и той же схеме. Выбирал красавицу наивного и романтического облика, улучал момент – и *проникновенно смотрел*. Если девица смущалась и краснела, то можно было переходить к следующему этапу: маленькому комплименту. Те, кого Анциферов намечал в возлюбленные, редко слышали комплименты, и от слов Иннокентия расцветали на глазах.

Следующим элементом программы шли стихи. Анциферов прекрасно декламировал, с выражением, со страстью в голосе. Правда, супруга Вера Львовна, когда Иннокентий по молодости лет пытался читать ей любимого Верлена, заявила, что он похож на блеющего козла. Анциферов оскорбился, но утешил себя тем, что в Вере Львовне плохо развито поэтическое чувство. И возвышенные движения души ей чужды. «Бисер перед свиньями!» – горько вздыхал Иннокентий. Но больше приучать жену к поэзии не пытался.

Стихами он сражал девушек наповал. Анциферов тщательно следил за тем, чтобы охмуряемая, не дай бог, не оказалась образованнее его самого. Однажды ему попала красавица, которая в ответ на Верлена дала по Иннокентию залп Бодлером, добавила картечи Гийомом Аполлинером, а добила мелкой шрапнелью Жерара де Нерваля. Иннокентий еле спасся от нее бегством.

Но если жертва была выбрана правильно и проглатывала стихи с восторгом и благоговением, то Анциферов переходил прямиком к

следующему этапу: к свиданию. Встречи он всегда назначал одинаково: писал на бумажке время и адрес и незаметно вручал пригласительный билет счастливице. Обычно пугливое любопытство побеждало осторожность, и девушка являлась по указанному адресу. А там ее уже ждал во всеоружии дон Жуан, то есть Иннокентий Анциферов. Свечи, фрукты, полумрак – весь немудреный набор обольщения, скрывавший запустение и убожество съемной квартирki. Но и этого хватало для неопытных девушек, перед которыми Иннокентий блистательно исполнял свою роль.

Выступив, он быстро сворачивал отношения. Длительных связей Анциферов опасался, к тому же он любил разнообразие. Девушек так много, а жизнь так быстротечна! К тому же что может быть упоительнее, чем закрутить интрижку под носом у сурового цербера Веры Львовны? Каждый свой роман Иннокентий расценивал как маленькую месть диктатору.

Но очередная такая месть завела его дальше, чем он предполагал.

Все началось, когда Анциферов встретил молоденькую медсестру, приходившую к его жене. (Вера Львовна ни за что не хотела лечиться в больнице, как ни старался Иннокентий сплавить ее из дома). Медсестра была чудо как хороша: юная, с круглым белым личиком, с которого невинно смотрели на мир голубые глаза. И плечики у нее были округлые, и ножка крохотная, как у китаянки. Он специально рассмотрел ее туфельку, пока девушка занималась Верой Львовной. Тридцать пятый размер.

Будь Иннокентий конем, он бы заржал и забил копытом. Такой подарок судьбы нельзя упустить!

Анциферов применил проверенный курс обольщения, заранее представляя, как откроет невинной девочке дорогу в мир наслаждений. Но, к его изумлению, медсестра оказалась вовсе не такой простушкой, как он ожидал. На первом их свидании она ошеломила Иннокентия, набросившись на него с порога. Анциферов был поражен. Впервые в истории его любовных связей обошлось без свечей и вина, дело даже не дошло до конфет с вишневым ликером!

До Иннокентия у Нюты не было мужчин, но она оказалась ничуть не похожа на скромных невинных девушек, приносящих в жертву Анциферову самое дорогое. Неискушенность сочеталась в ней с поразительным бесстыдством. Иннокентий нашел идеальную любовницу: пылкую, обожавшую его, ловящую каждое его слово с такой жадностью, словно он был гуру, а она – его благодарная последовательница.

Вскоре Анциферов понял, что второй такой Нюты ему не встретится.

В его голову даже закралась кощунственная мысль: а не развестись ли с Верой Львовной и не жениться ли на верной Нюте?

Но он понимал, что в случае развода потеряет все быстрее, чем успеет сказать «до свиданья, Вера». Лев Сергеевич, несомненно, вышвырнет Иннокентия из своего института, и прощай теплое привычное место на кафедре философии, прощайте студенты, жадно внимающие Анциферову, прощай зарплата, позволявшая ему удовлетворять небольшие прихоти. Он потеряет все.

Нет-нет, маленькая медсестричка не стоила таких жертв.

И Анциферов продолжал жить с Верой Львовной. Нюта, невинная душа, ничего от него не требовала, ничего не просила. Иннокентий для себя решил так: будет встречаться с ней, пока возможно, а всех потенциальных претендентов на Нютино сердце постарается отваживать. Эта девушка должна принадлежать лишь ему!

Прежде Анциферов боялся Веру Львовну. Теперь начал ненавидеть. Это все она, она виновата! Она захотела жениться на нем, молодом и красивом, и испортила ему жизнь. Она купила его, а он был слишком юн и глуп, чтобы отказаться от сделки. Жадная, отвратительная женщина!

Иннокентий искренне забыл обстоятельства, при которых женился на Вере Котовой. Забыл, как ухаживал за ней и приходил просить ее руки у Льва Сергеевича, страшно боясь отказа. Ему хотелось видеть себя жертвой.

А где есть жертва, там всегда есть и преступник.

Поэтому, придя однажды домой и найдя Веру Львовну умершей от приступа астмы, Иннокентий испытал глухое удовлетворение: наконец-то преступник получил по заслугам.

Но его мучил страх: что станет делать Лев Сергеевич? У Котова больше не было причин соблюдать условия сделки.

На похоронах Иннокентий так горевал, что все сочувствовали несчастному вдовцу. Никто не догадывался, что он оплакивает не Веру, а свою сытую жизнь, которую вот-вот у него отберут. Прежде Анциферов злился на живую жену, теперь же он негодовал на мертвую. Зачем она умерла так глупо?! Она – залог его благополучия! Что же теперь с ним будет?

После похорон Лев Сергеевич подошел к нему и прижал к себе.

– Ничего, Кеша, – низким от слез голосом сказал он, и Анциферов вздрогнул: тесть никогда не называл его так прежде. – Значит, так вот бог судил... Ничего. Как-нибудь мы с тобой проживем...

Иннокентий едва не заплакал, на этот раз от облегчения. Выходит, старый Котов ничего не понял! Он, как и все, считает его безутешным

вдовцом. Нельзя разочаровывать Льва Сергеевича.

Целый год Анциферов носил траур. Котов и не думал выгонять его из института, и квартира жены перешла по наследству Иннокентию. Но он продолжал играть роль, зная, что пока все висит на волоске.

И только через год пришел к Льву Сергеевичу и рассказал, что познакомился с женщиной и хочет жениться на ней.

Вопреки его опасениям, Котов отнесся к новости спокойно.

– И правильно, – сказал он. – Знаю, что ты Веру мою берег и любил. Но всю жизнь горевать тоже нельзя. Кого нашел себе?

– Медсестру, – стеснительно поведал Иннокентий. – Работает в медицинском центре рядом с нашим домом.

Лев Сергеевич потрогал больной зуб, на который только вчера поставил пломбу.

– Стоматолог была бы полезнее, – практично заметил он. – Свой стоматолог в семье – мечта, скажи? Но и медсестра тоже ничего. Женись!

И Анциферов женился, уже ничего не опасаясь.

Во втором браке он остепенился. Молодая страстная жена требовала сил, а Иннокентий был уже немолод. На других женщин его теперь не хватало.

Повздыхав, он отказался от съемной квартиры. Но на всякий случай сохранил телефон хозяина: мало ли что...

Глава 8

Под утро Маша замерзла. Она свернулась калачиком под одеялом, но поза вареной креветки на этот раз не помогла. Холод коварно пробирался в щели, как ни подтыкала она одеяло, прогонял сладкий утренний сон, и в конце концов Успенская проснулась окончательно.

– Бр-р-р! Неужели выпал снег?

Отдернув шторы, Маша убедилась, что почти угадала. За окном начинался дождь. Деревушку еще было видно, но лес уже скрылся за серой пеленой.

Вот когда Маша порадовалась, что захватила белый мохеровый свитер с высоким горлом.

«Если дождь будет лить целый день, мы окажемся в ловушке, как в классических детективах, – подумала она. – Кто-то попытается выбраться, но вынужден будет вернуться. А кого-то убьют. Но помощи неоткуда будет прийти. Оставшиеся в живых начнут подозревать друг друга и очень быстро перегрызутся между собой...»

Ее размышления были прерваны пронзительным криком.

– Уберите это, вы, идиот! – визжала Ева.

Маша вздохнула. Она совсем забыла, что для того, чтобы перегрызться между собой, членам этой семьи вовсе не обязательно оказываться в ловушке.

Успенская выглянула в коридор. Снизу доносились возбужденные голоса, кажется, кто-то оправдывался... Из криков Маша понемногу уяснила, что Гена Коровкин, выйдя рано утром в сад, пока не было дождя, поймал жабу редкой степени пупырчатости. И понес показать жене. Но по дороге ему встретилась Ева, и Коровкин не мог удержаться, чтобы не похвастаться добычей.

Реакцию Евы на земноводное Маша как раз и услышала.

– Она ничего вам не сделает! – увещевал Коровкин. – Они безобидные!

– С такой мордой нельзя быть безобидным! Фу, отойдите от меня сейчас же! Дайте пройти!

– Да проходите, кто же вам не дает?!

– Вы со своей омерзительной жабой!

В конце концов Гена с Евой разошлись. Но их концерт перебудил весь дом.

Любопытные потянулись вниз, взглянуть на трофей Коровкина. Марфа выглянула из кухни и сообщила, что завтрак почти готов, на улице сильно похолодало, до восьми градусов, поэтому она включила батареи.

Маша тоже спустилась, грея подбородок в пушистом белом воротнике. Но жабу уже не застала.

– А, красавица наша! – приветствовала ее Марфа. Сегодня она была в телогрейке и свитере, но фартук остался тот же. – Как спалось?

– Доброе утро, Марфа Степановна! Хорошо спалось, только замерзла под утро.

– Через пару часов станет теплее, как батареи прогреют дом. Заморозки ударили, когда их не ждали. Завтра днем обещают пять градусов! Ох, все померзнет...

Старуха охала и вздыхала, заранее жалея свои посадки.

– Марфа Степановна, вы не видели, куда Гена понес жабу? – спросила Маша.

Марфа открыла было рот, но тут из комнаты Коровкиных донесся оглушительный визг.

– Известно куда, – спокойно сказала старуха, – жену с утра порадовать. Ну, Генка, ну дуралей!

Через несколько секунд мимо них промчался встрепанный Коровкин.

В ладони он держал грязно-серую жабу.

– Гена! – окликнула его Маша.

Но Коровкин не услышал ее. Хлопнул дверью – и пулей вылетел во двор.

– Не оценила, значит, супруга, – вздохнула Марфа. – Забраковала жабу. Эх, Генка, Генка...

За завтраком все внимание было привлечено к Еве. Маша никому, кроме Матвея, не сказала о своем открытии, поэтому все были убеждены, что Еве стало плохо от банного жара.

Маша обвела взглядом сидящих за столом, надеясь увидеть хоть на одном лице тень осведомленности. Но, конечно, ничего не увидела.

«Наивно полагать, что убийца выдаст себя так легко. Может быть, он будет выглядеть огорченным из-за того, что его попытка провалилась...»

Но огорченным выглядел один человек – Гена Коровкин. Ева, накануне лежавшая без сил, вела себя как ни в чем не бывало. Казалось, вчерашнее происшествие совершенно не повлияло на нее.

Иннокентий завел разговор о предстоящем им с Ньютой важном событии. Он произносил эти слова с большой буквы – Важное Событие – и поглядывал на Марфу: оценила ли она?

– Что еще за важное событие? – поинтересовалась Ева. – Ах, да... У вас же планируются роды в бетон. Ну-ну.

– Что значит «роды в бетон»? – взвился Иннокентий. – Что вы хотите этим сказать? Не смейте позволять себе грязных намеков при моей жене!

Бородка его воинственно встопорщилась.

– Какие еще грязные намеки? – пожалала плечами Ева. – Вы о чем?

– О бетоне! Ни о каком бетоне в нашем случае речи не идет! Даже напротив! Мы уходим к природе, подальше от человеческих изобретений, фактически в чащу!

– Дорогой мой, – лениво протянула Освальд, – ну нельзя все воспринимать в буквальном смысле. Вы же условно образованный человек, в конце концов. У вас и диплом наверняка есть. Считайте, что это метафора. Я последнее время ужасно метафористична.

– Мне не нравятся ваши метафоры!

– А вот это уже ваши проблемы, – отрезала Ева. – Я не нанималась вам нравиться.

Маша покосилась на Ньюту. Та сидела с таким видом, будто разговор ее не касался, и с удовольствием поедала творог.

– Если хотите знать, – продолжала Ева, – я обеими руками поддерживаю вашу идею с этими... как его... родами в трущобе.

– Чащобе! – взвыл Иннокентий, но Ева лишь отмахнулась:
– Какая разница... Все это естественный отбор в действии.
– В каком это смысле? – уточнил Борис. – Ты разбираешься в теории естественного отбора?

– В ней не так сложно разобраться, как тебе кажется, – съехидничала Ева. – А мне эта теория близка. Благодаря ей я осознала, в чем заключается женская эволюционная задача.

– И в чем же? – живо заинтересовалась Лена. В ожидании ответа она застыла с ложкой над баночкой с вареньем.

– Перед любой женщиной стоит только одна задача, – снисходительно, как ребенку, объяснила Ева, – обеспечить выживаемость вида. Обо всем виде сразу женщина заботиться не может, поэтому она заботится только о себе и своем потомстве. Это требование эволюции, понимаете? Женщина выбирает самого богатого мужчину не потому, что ей хочется денег. А потому, что только в этом случае она может быть спокойна за будущее своих детей. Или, скажем, жена при разводе хочет отсудить у мужа его квартиру. Почему она это делает? Вы думаете, для себя? Конечно, нет! Даже если у женщины еще нет детей, все равно в ее подсознании записана программа: позаботься о них! Обеспечь их жильем! Это голос эволюции. Вот женщина ему и следует.

И Ева пожалала плечиками с таким видом, словно говорила: куда ж нам против законов природы?

Повисло молчание, которое неожиданно нарушил Гена.

– Это что же, выходит, любую бабскую гадость можно на эволюцию списать? – хмуро спросил он.

Ева поморщилась:

– Геннадий, выбирайте выражения.

– Нет, вы объясните! – настаивал покрасневший Коровкин. – Выживаемость вида, основная эволюционная задача – это все красиво звучит. А порядочность вы куда дели? Порядочность как-нибудь вписывается в эту вашу эволюционную задачу? Или совесть? Или честность?

– Эти понятия придуманы мужчинами и для мужчин, – промурлыкала Ева. Казалось, чем краснее становился Коровкин, тем большее удовольствие она получала от их спора. – Вы не рожаете детей, не воспитываете их, поэтому можете себе позволить игры в порядочность. А женщинам не до этого. Им о серьезном нужно подумать – о продолжении жизни.

– Глобально... – оценил Борис.

– А вы, Геннадий, нервничаете, потому что в глубине души понимаете, что я права, – добавила Ева.

– Я нервничаю, потому что вы сами себе выдаете индульгенцию на любую гадость, – резко возразил Коровкин. – И оправдываете себя эволюционной задачей. Ваша демагогия отвратительна!

– А ваш пыл смешон. И сами вы, Гена, смешны! Знаете, что я заметила? – Ева доверительно наклонилась к нему через стол. – Чем меньше у мужчины рост, тем более пылко он отстаивает свою точку зрения. Высокие мужчины великодушны. А вы, малыши, не можете позволить себе великодушия по отношению к женщине. Вам обязательно нужно самоутвердиться.

Борис пробормотал что-то вроде «тут ты, Ева, переборщила...» Но женщина откинулась на спинку стула и смотрела победительницей.

Маша взглянула на Гену. Она ожидала вспышки или обиды, но, к ее удивлению, после оскорбительных слов Евы Коровкин успокоился.

– Я и забыл, с кем спорю, – извиняющимся тоном сказал он, обращаясь ко всем сразу. – Марфа Степановна, простите, мы с Евой увлеклись.

Хозяйка милостиво кивнула.

Гена явно не хотел продолжать разговор. Он уткнулся в свою тарелку, не поднимая глаз на Еву.

Зато его жена отодвинула свой творог и низким звучным голосом произнесла неожиданно для всех:

– Ну конечно, дорогой, ты забыл, с кем споришь.

Ева изогнула левую бровь, ухитрившись в одно это движение вложить и вопрос, и насмешку, и пренебрежение к супруге Коровкина.

Но Лену этим было не пронять.

– Ведь наша дорогая Ева не выполнила свою эволюционную задачу, – не торопясь, продолжала она. – Развелась с мужем, рассчитывая на хорошие алименты, а Марк взял и утопился. И второй раз замуж никак не удастся выйти. Представь, какое невезение!

Она спокойно облизала ложку из-под варенья.

«Ай да Лена! – ахнула Маша. – Сильно же ее задела Ева, когда напала на ее супруга. Но сейчас Освальд разнесет обоих Коровкиных».

Но Ева не успела дать отпор. Марфа, сидевшая со странной отрешенной улыбкой, внезапно сказала, глядя вверх голов:

– Разве Марк утопился? Нет-нет, его убили! И душа его молит об отмщении. Разве вы не слышите? Послушайте!

Так велико было воздействие ее голоса, что на несколько мгновений

все прислушались. Даже Маша, прекрасно понимавшая, что Марфа вновь разыгрывает спектакль. Словно старуха одной фразой навела колдовской морок на всех.

И вдруг Гена вскочил, хлопнул ладонью по столу, и морок спал.

– Хватит, – процедил Коровкин сквозь зубы, глядя на Марфу. – Вы сходите с ума! Да-да, не смотрите на меня так! Марк утопился, покончил с собой, понимаете?! А вы твердите, что его убили! В первый раз я думал, что вы оговорились, но теперь вижу, что это все всерьез. Делите ваши деньги дальше, а я уезжаю. Иначе можно и самому стать психом!

Он швырнул на стол салфетку и быстро вышел из столовой.

Лена виновато посмотрела на Марфу и побежала за ним.

– Господи... – пробормотал ошеломленный Иннокентий. – Что это с Коровкиным? Никогда его таким не видел...

– Расстроился из-за жабы! – хохотнул Борис.

Но Маша видела, что ему тоже не по себе. Как и всем им. От тихого незаметного Коровкина никто не ожидал восстания.

Как же теперь будут выкручиваться Матвей с Марфой? Отъезд двоих подозреваемых превращает их замысел в пустую трату времени. Поступок Гены не доказывает ни его вины, ни невинности: он мог искренне возмущаться, но мог и воспользоваться подходящим поводом, чтобы сбежать.

Судя по хмурому лицу Матвея, он думал именно об этом. Зато Марфа единственная из всех присутствующих выглядела абсолютно безмятежной.

– Как же так... – огорченно сказала Нюта. – Марфа Степановна, неужели Гена с Леной так и уедут?

– Уедут, милая, уедут, – ласково подтвердила Олейникова. – А потом вернуться. Как уедут, так и вернуться.

– Э-э, нет, – усмехнулся Борис. – Не такой Генка человек, чтобы возвращаться. Если уж его довели, на попятный он не пойдет.

Впервые Маша была полностью согласна с Ярошкевичем.

Коровкины собрались так быстро, что не успела семья закончить завтрак, как снаружи затыкала собака.

– Машина уезжает, – определил Борис. – И не попрощались...

Марфа встала и подошла к окну. Дождь закончился, но чернильное небо висело почти над дорогой.

– Рано им прощаться, – загадочно сказала она. – Скоро увидимся.

Все с сомнением посмотрели на старуху. Во время своей короткой речи Геннадий выглядел как человек, ноги которого больше не будет в этом доме. Как же они увидятся?

Но Марфа оказалась права. Не прошло и получаса, как во дворе возникла широкая фигура в плаще-дождевике. Лена Коровкина выглядела грязной и измученной.

– Боюсь, нам нужна помощь, – виновато сказала она. – Мы застряли.

На выручку отправились все, кроме Марфы. Нюта тоже хотела остаться, но Иннокентий потащил ее с собой, приговаривая, что дыхание полей после дождя полезно и для плода, и для будущей матери. Будущая мать с видимой неохотой согласилась.

Выйдя за ограду, Маша сразу поняла, почему Марфа была так уверена в скором возвращении Коровкиных.

Проселочную дорогу развезло так, словно дождь лил две недели. Ямы залило водой, обочины пузырились грязью. Коричневая жижа безрадостно хлюпала под сапогами.

Бедный Коровкин на своем «опеле» не смог доехать даже до леса. Машина застряла в коварной луже, разлившейся посреди дороги. Глянцевая жижа облепила машину со всех сторон. Забрызганной оказалась даже крыша.

Сам же Коровкин представлял собой трагикомическое зрелище. Видно было, что он вел неравный бой с лужей, но потерпел сокрушительное поражение. Маленький Гена был покрыт ровным шоколадным слоем и походил на фигурку на торте.

Машину пришлось вытаскивать Борису с Матвеем. Ева, сморщив носик, вернулась обратно. А Иннокентий с Нютой тем временем добрались до леса и, вернувшись, сообщили, что проехать по дороге нельзя. То есть можно, но лишь на вездеходе.

– Почвы глинистые, все размыло, – выдохнул Матвей, толкая «опель». – Теперь отсюда только пешком можно уйти. Или на автобусе из деревни. Но до той деревни еще надо добраться...

– И когда все это высохнет? – заинтересовалась Маша.

– Если дождя ночью не будет, то завтра. А если будет...

Они с Борисом дружно толкнули раскачавшуюся машину, Гена сдал назад, и «опель», разбрызгивая грязь из-под колес, выбрался из лужи на относительно сухое место.

– А если будет, то сидеть нам здесь до осени, – закончил Матвей и вытер пот со лба.

Возвращение Коровкиных нельзя было назвать триумфальным. Даже Тявка, увидев заезжающую на двор машину, лениво приподняла голову и уронила на лапы. Она лежала в конуре, свернувшись клубком, и время от времени поскуливала, жалуясь на погоду.

Марфа вышла на крыльцо, лучась доброжелательством.

– Куда же вы в такую погоду, голубчики мои? – мягко укорила она. – Рассердились, укатили... И нашли на кого обижаться – на старуху восьмидесятилетнюю! Да я пять минут назад ляпнула, а сию секунду уже забыла, о чем говорила. Прости, милый мой, не хотела тебя рассердить.

Геннадий устыдился.

Старуха ободряюще похлопала его по плечу и повела их с Леной в дом.

А Маша, глядя им вслед, внезапно осознала, что ее утренняя фантазия оказалась пугающе близка к реальности. Ловушка захлопнулась. Пока льет дождь, ни один из них не сможет выбраться из дома Марфы.

Она вспомнила, каким был следующий этап их воображаемого заточения, и поежилась.

Остаток дня Маша провела в напряжении. За каждым углом ей мерещился убийца, подстерегающий Марфу. После обеда она попыталась поспать, но через десять минут поняла, что прислушивается к каждому звуку, доносящемуся из-за двери. Ей чудился скрежет открываемого засова, тихие шаги человека, крадущегося к ее кровати...

«Ну что за глупости?! – сердилась Маша. – Меня-то зачем убивать?»

Но ей было страшно. Страх был внелогический и аргументам не поддавался.

Она вскочила и рассерженно заходила по комнате. Маша сердилась на всех: на Матвея, затеявшего свое невозможное расследование, на Марфу, которая согласилась ему подыграть, на всех остальных, послушно идущих у них на поводу... Но больше всех – на себя. Она здесь всего два дня, но успела по уши увязнуть в этом деле. Нормальный человек давно бежал бы прочь сломя голову, а она сидит в своей «светелке» и прикидывает, как вычислить убийцу.

Конечно, сейчас они заперты здесь из-за дождя, и ей никуда не деться...

«А если бы дороги были сухими? – вкрадчиво спросил внутренний голос. – Тогда бы ты уехала, а?»

Маша вздохнула, села на стул и запустила тонкие пальцы в волосы.

К чему притворяться? Нет, не уехала бы.

«Ты так жаждешь проявить себя в роли сыщика?»

Маша покачала головой. Нет, роль сыщика ее не интересовала.

Но она не могла уехать, не узнав, *чем все закончится*. Не могла оставить Марфу. В конце концов, она просто не могла сбежать – побег был

трусостью.

Ничего не оставалось, как сидеть и размышлять над тем, кто же преступник. Представлять в этой роли одного за другим тех, кто сидел с ней за общим столом всего час назад. Вот Марфа идет по коридору, заворачивает за угол, и оттуда на нее из сумрака выступает...

Ответ был где-то совсем рядом, на поверхности!

Но, как ни старалась Успенская, она была не в силах выудить из воображения лицо того, кто поджидал старуху. Не получалось даже решить, мужчина это или женщина.

«Если интуиция безмолвствует, попробуем рассуждать логически. Для того чтобы утопить Марка, требовалась большая физическая сила, – размышляла Маша, глядя в окно, за которым опять пошел дождь. – Так что же – Борис? Ева? Все остальные слабее...»

«Кроме Лены, – напомнил честный внутренний голос. – Но тебе хочется, чтобы убийцей Освальда оказался кто-то из этих двоих, правда?»

«Еще я согласна на Иннокентия. Но он не кажется мне способным утопить человека».

«Убийца Марка Освальда, убийца Марка Освальда, – про себя твердила Маша. – Мы все зациклились на этом убийстве! Но ведь если Матвей прав, этот человек убил еще и Дашу».

«И покушался на Марфу, – добавил внутренний голос. – Хотя по ошибке чуть не стал причиной смерти Евы».

Итак, что они знают об убийце, если свести вместе три преступления?

Что он умен: когда девушка отказалась избавиться от ребенка, заманил ее на мост, так что бедняжка ни о чем не догадалась. Что он быстро принимает решения: мигом понял, как можно использовать старую баню в своих целях. Что он очень жесток: убил двоих и собирается убить третьего.

Маша сжала голову руками. Никто, никто не подходит под это описание! Борис жесток, злобен, но далеко не так сообразителен, как хочет показаться. Ева умна, язвительна, но жестока ли? Иннокентий? Лена? Коровкин? Нет, это просто смешно!

«Сказать, что никто не подходит под это описание – это то же самое, что сказать, будто подходят все», – заметил внутренний голос.

Маше оставалось только согласиться. Да, она не знает никого из них. Ее впечатления, собранные за два дня, поверхностны.

Взять Гену Коровкина – разве она ожидала от него мятежа? Тогда, за завтраком, ей показалось, что перед ней незнакомый человек, и этот человек озлоблен до крайности. А его жена, казавшаяся такой сдержанной и деликатной? Разве могла она бросить в лицо Еве те жестокие слова о

смерти супруга и втором замужестве?

– Я никого из них не знаю, – вслух констатировала Маша. – Ни их, ни Матвея, ни Марфу.

Она подождала, не станет ли спорить внутренний голос. Но возражений не последовало.

К вечеру дождь утих. Зато столбик термометра застрял на пяти градусах и не желал подниматься. В доме было тепло, к тому же Марфа разожгла камин, и чуткий огонь заплясал по поленьям. Но улица встречала стойким холодом, от которого зуб на зуб не попадал. Собачонку Тявку пустили в дом, и она развалилась в уголке возле камина, блаженно щуря глаза.

И оба кота попросились домой. Сначала один полосатый круглоголовый зверь, за ним другой – почти неотличимый от первого – с достоинством вошли внутрь, немного задержавшись на пороге для приличия.

– Господи, да идите же вы! – в сердцах воскликнула Марфа. – Вот ведь стоят, выстужают тепло!

Глюк и Фантом горделиво прошествовали внутрь и свернулись в клубки на стульях – точь-в-точь две полосатые шапки, забытые гостями.

– Завтра еще похолодает, – озабоченно заметила Марфа, глядя на котов. – Ишь, как лежат – точно зимой.

Старуха опустила в кресло у камина, сложила руки на коленях. В детстве у Маши была фарфоровая статуэтка: «Пряха». Старая женщина в синем платке сидела возле прялки, точно так же сложив руки на коленях, и во взгляде ее была бесконечная усталость.

– Марфа Степановна, вы не хотите прекратить ваше расследование? – вполголоса спросила Успенская.

Она села напротив Марфы на пушистый ковер, подалась вперед и не удержалась – погладила тетушку по руке.

Марфа подняла сухие глаза и неожиданно улыбнулась:

– Ты прямо как Зоя. Только та все по голове меня гладила, как котенка. Ох, как же я жалею, что она не прожила хотя бы лет на десять подольше... Вы бы с ней очень любили друг друга.

Старуха наклонилась к Маше и провела сухим пальцем по ее щеке.

– В тебе она бы нашла то, чего не могла найти в твоей матери. Не подумай, что я хочу сказать плохое об Анне... Но ты тянешься к людям, а она от них закрывается. Это такая порода людей – запертые, как двери, и ключик к ним не подберешь. Анне и с нами было тяжело не потому, что мы

не такие образованные, как она, а потому, что каждая из нас пыталась найти к ней ключик, подружиться. Как-никак, она была единственной дочерью Зои, а Зою мы обожали. Да ее все любили.

– За что ее любили, Марфа Степановна?

– О, в ней была невероятная душевная стойкость! Стойкость и жизнелюбие! Удивительное сочетание. А ведь жизнь ей выпала совсем не простая. Мать погибла, когда Зойке было четыре, отец повесился, осталась она на попечении двух старших братьев. Нехорошо так говорить о собственных родителях, но отец мой был человек жестокий и, прямо скажем, неумный. А мать во всем его слушалась. Все детство Зойка батрачила на нашу семью, потом сбежала в город. Только начала учиться – бац, война! Семья жениха, которая ее приняла как родную, вся на этой войне закончилась. Зоя была ранена, Сережа ее чуть не погиб. Потом наступила мирная жизнь, но мужу Зоиному было отмерено всего ничего: девять лет они прожили в счастье и согласии, а потом он умер.

Осколок в нем остался с войны, не смогли вытащить. Этот осколок его и убил. Зоя хотела много детей, но родила от Сережи только одну девочку. А замуж, как за ней ни ухаживали, больше не вышла: очень уж любила его. Дочка оказалась характером не пойми в кого, а до внучки Зоя не дожидка. Как видишь, нелегкая судьба. Сестра моя, Людмила – мать Матвея – говорила, что дорожка у Зои была не сахаром посыпана.

Но видела бы ты, как Зойка радовалась жизни! Она этой радостью, цветением своим и притягивала людей. Да и просто добра была к ним. Другая бы на ее месте в наш дом дорогу забыла, а она всем племянницам помогала до конца жизни. И пела – заслушаешься! Музыкальный слух-то у тебя точно в нее.

Олейникова улыбнулась воспоминаниям.

– И еще в людях хорошо разбиралась, – прибавила она, и улыбка сползла с ее лица. – Будь сейчас с нами Зоя, не пришлось бы всю эту комедию ломать. Думаю, она быстро сообразила бы, кто...

Марфа замолчала. Воодушевление, озарившее ее лицо во время рассказа о Зое, вновь сменилось усталостью.

– Марфа Степановна, так давайте закончим все это! – горячо сказала Маша.

Но старуха покачала головой.

– Эх, милая моя, я сейчас смотрю на своих племянников и каждую минуту гадаю: он? Или другой? Или этот? А может, и вовсе Ева? Никуда мне от этой думки не деться с тех самых пор, как я нашла записку Марка. Ты что же, хочешь, чтобы я до конца жизни мучилась? Чтобы не могла в

глаза смотреть ни одному из них? Сегодня за завтраком гляжу на них, а меня постоянно подспудная мыслишка точит: может, Кеша? Или Борис? Или, не дай бог, Генка?

Тяжело это, Маша, ох как тяжело, когда не знаешь, кому можно верить. Если хочешь знать, это я Матвея уговорила на расследование. Пускай он что угодно говорит, выгораживает перед тобой старуху, а только я это все затеяла. И доведу до конца. Что бы ни случилось – доведу.

Марфа крепко сжала губы, и Маша поняла, что переубедить тетушку не удастся. Упрямства Олейниковой не занимать.

Старуха поднялась – смуглая, высокая, сухая, словно выточенная из дерева. Заправила под пестрый платок выбившуюся смоляную прядь.

И Маша не удержалась от вопроса, который мучил ее весь день:

– А что вы с ним сделаете, если найдете? Если поймете, кто...

Олейникова помолчала.

– Не знаю, – нехотя выговорила она. – Но наказывать – не в нашей власти. Пойми, мне главное – не узнать, кто Марка убил. А узнать, кто этого *не делал*. Понимаешь?

И ушла, не дождавшись Машиного ответа.

Успенская осталась в гостиной одна. Стоило Марфе скрыться, как Тявка выбралась из своего угла и беззастенчиво разлеглась на шкуре.

– Пользуешься тем, что никто тебя не прогонит? – усмехнулась Маша и потрепала собачонку по голове.

Тявка немедленно облизала ей руку. А Маша вдруг поймала себя на том, что ей так хорошо и спокойно здесь, перед камином в этом просторном доме, как не было уже давно. Даже тревога о Марфе и страх перед убийцей не могли заглушить умиротворенность и тихую радость, охватившую ее с первой минуты, как она вошла в дом.

Тявка подняла уши, прислушалась и предупреждающе гавкнула.

– Тихо, тихо, моя хорошая, – успокоила ее Маша. – Что там такое?

Из-за лестницы показалась Нюта, увидела Успенскую и приветственно замахала рукой.

– Кеша отправляет меня в сад дышать свежим воздухом... – поделилась она, подойдя. – Только там так холодно...

Она тяжело опустилась рядом с Машей, протянула руки к камину.

– Отправь его самого в сад, – вырвалось у Маши против ее воли. Но она тут же взяла себя в руки и извинилась.

Но Нюта несколько не обиделась. Она даже тихонько хихикнула.

– У Кеши иногда бывают дурацкие идеи, – призналась Нюта с обезоруживающей простотой. – Но он ведь хочет мне добра. Ты даже не

представляешь, до чего он добрый человек!

Этого Маша уже не могла вынести.

– Раз он такой добрый, пускай сам едет в глухомань и там рождает, – брякнула она, уже не заботясь о соблюдении приличий. – Без врачей, без медсестер, без горячей воды и лекарств! Я понимаю, что это не мое дело, но, Нюта, прошу тебя – не уезжай ты в эту деревню, которую нашел Иннокентий. Это действительно опасно и для тебя, и для ребенка!

Голубые глаза Нюты удивленно расширились.

«Ох, я все-таки ее оскорбила, – ужаснулась Маша. – Покусилась на святое – на авторитет супруга».

– Ну что ты! – воскликнула Нюта и засмеялась – весело, от души. – Я вовсе не собираюсь рожать нашего ребенка бог знает где! У меня уже есть договор с роддомом, который недалеко от нашего дома. Там отличные врачи, а в каждой палате есть телевизор. Так что скучно нам там не будет!

Она погладила себя по животу.

Маша несколько раз открыла и закрыла рот, словно вытасченная из воды рыба.

– Подожди... А как же Иннокентий?! Ты ведь во всем соглашалась с ним! Единение с природой, и все в этом духе...

Нюта мило улыбнулась.

– Кеша бывает такой смешной, – доверительно сказала она. – Я никогда не спорю с ним, особенно при других людях. Просто потом делаю все по-своему, а ему говорю, что иначе ничего бы не получилось. И, знаешь, иногда мне кажется, что он бывает мне за это благодарен. Ну, за то, что я не слушаюсь его, хотя делаю вид, что слушаюсь.

– Но зачем? К чему тебе эти игры?

Нюта поднялась и посмотрела на Машу сверху вниз, как на ребенка.

– Но ведь мне это ничего не стоит, – объяснила она. – А Кеше приятно. Так что – почему бы и нет?

– Почему бы и нет... – повторила Маша. – Нюта, твоему мужу с тобой очень повезло.

– Наоборот! – с горячей убежденностью возразила девушка. – Это мне с ним повезло! Я каждый день смотрю на него и думаю: господи, какая я счастливая!

Из глубины дома раздался голос Иннокентия, разыскивавшего жену.

– Ой, Кеша!

Нюта наклонилась к Маше и шепнула:

– Если он будет спрашивать, скажи, пожалуйста, что я гуляла в саду. Скажешь?

Маша кивнула.

Нюта просияла, пискнула «спасибо!» и убежала к встревоженному супругу.

«Что ж, – подытожила Маша, – хотя бы за нее можно не беспокоиться. И это замечательно!»

Разговор с Нютой привел ее в хорошее расположение духа. Маша погладила Тявку и отправилась спать, не думая больше ни о Марке, ни о его убийце.

Ее разбудило чье-то легкое прикосновение. Сон мигом исчез. Маша подскочила в кровати, готовая увидеть кого угодно, но комната была пуста.

«Приснилось...»

Но что приснилось, никак не вспоминалось. И был ли кто-то в этом сне, кто нежно прикоснулся к ее плечу и шепнул на ухо: «Вставай! Уже пора»?

Маша сунула ноги в тапочки и сладко потянулась. Еще нет и пяти утра! Но сон исчез, как исчезает туман под лучами солнца.

Может быть, потому, что солнце как раз и освещало комнату. Оно лежало прямо на макушках деревьев, как будто и не собиралось подниматься выше. И небо, не выжженное им, еще было синее-синее, яркое, как в ясный зимний день.

«Холодно, – поняла Маша. – Марфа вчера была права, и коты тоже».

Она все-таки распахнула окно. Острый, как нож, воздух ворвался в щель, полоснул по щеке.

– Ух!

Маша решительно захлопнула створку. И это называется июнь! Градуса три, а то и меньше.

Она привычно расчесала волосы, уложила их высоким венком вокруг головы и посмотрела на себя в зеркало. Пожалуй, эти дни на свежем воздухе пошли ей на пользу. Лицо немного осунулось, но глаза горят, а на щеках румянец. Даже веснушки, обычно досаждавшие только в августе, высыпали на носу.

Чем бы заняться... И тут Маша вспомнила про козу. Вчера лил дождь, и Олейникова оставила Джольку в загоне, но сегодня можно отвести ее на выпас.

Она быстро собралась, бесшумно сбежала вниз по лестнице и с радостью убедилась, что все еще спят. В гостиной сверкали окна, солнечные полосы лежали на дубовом полу, и было так светло и радостно, как бывает только летним или весенним утром.

Маша не удержалась – вскинула руки вверх и закружилась по комнате в танце. Сколько простора, сколько света и воздуха! Пылинки танцевали и кружились вместе с ней.

Где-то рядом скрипнула дверь. Маша замерла, прислушиваясь. Неужели кто-то тоже проснулся? Но скрип не повторился. Значит, слышалось...

В коридоре Успенская осмотрела череду курток и дождевиков, которые Марфа предложила гостям. Все слишком тонкие, неподходящие для такой погоды... И тут в углу увидела длинную серую доху с капюшоном. Накануне вечером Олейникова выходила в этой дохе во двор, да так и не убрала.

«Надеюсь, Марфа не рассердится на меня», – подумала Маша, кутаясь в лохматый мех, торчащий клочьями. Капюшон на голову – и она готова к подвигам.

Джолька в загончике неторопливо жевала клок сена. Бородка у нее торчала вбок, глаза были мечтательно полузакрыты. В эту минуту она так поразительно походила на Иннокентия Анциферова, что Маша расхохоталась.

Коза уставилась на нее с недоумением.

– Пойдемте, сударыня, в лесочек, – церемонно пригласила ее Успенская.

Она накинула на шею козе шлейку. Погладила Джольку по жесткому затылку, почесала у основания серых рогов. Коза переступила копытами и подставила макушку.

– У меня была коза, непослушная была! – тихонько пропела Маша. – Ай-люли, ай-люли, непослушная была!

Ею овладело смешливое и дурашливое настроение. Как же здорово встать рано-рано утром, пока все еще спят! Как здорово гладить козу по жесткой макушке, предвкушая прогулку по лесу! Маша пришла в какое-то детское упоение при мысли, что сейчас они с козой пойдут по тропинке, и пар станет вырываться изо рта, а вокруг будут стоять неподвижные ели.

Она низко надвинула капюшон дохи, запахнулась поплотнее и вывела козу из загона.

Лес встретил их безмолвием. Ни пения птиц, ни шелеста ветвей... Джолька бежала по тропинке, точно собака, ведущая хозяина привычным маршрутом. Слышно было только шуршание травы под ее копытами и под Машинными сапогами.

Сапоги оказались тяжеленными, к тому же были велики на размер. Чтобы они не свалились, приходилось волочить ноги.

Ели выстроились вдоль тропы и осторожно гладили Машу широкими лапами. Похоже, она ушла уже далеко от дома, и скоро начнется лиственный лес. Вон и колышки впереди, обвязанные красными тряпочками – огораживают яму, о которой предупреждала Марфа.

Маша прибавила шаг, сложила губы трубочкой, собираясь посвистеть. Этому лесу определенно не хватало свиста!

И в этот момент ее ударили.

Это был даже не удар, а сильный толчок слева. От неожиданности Маша выпустила шлейку и упала. Но там, где ее должна была принять трава, вдруг разверзлась зияющая пасть, и Успенская провалилась в нее.

Долю секунды ей казалось, что все это – иллюзия, остатки сна, размазанного по реальности. Конечно же, она падает с кровати и сейчас очнется на полу с синяком на бедре. По лицу мазнуло чем-то колючим, и, широко открыв глаза от боли, Маша зафиксировала поразительную картину: пасть оскалилась на нее десятком остро заточенных древесных зубов. «Сожрет!» – мелькнуло в голове у Маши. А в следующий миг она провалилась между ними и рухнула на землю.

От удара Маша потеряла сознание. Чернота плотно обхватила ее и утянула на дно колодца, в холод и мрак.

Когда Успенская пришла в себя, первое, что она увидела, открыв глаза, была земля с поседевшими от заморозков травинками. Бок, на котором она лежала, оледенел. Но когда Маша попыталась пошевелиться, ее тело не пожелало повиноваться.

«Господи, что происходит?!»

Маша пыталась застонать, но с губ сорвалось лишь невнятное сипение. Кажется, она что-то сломала... руку или ногу... Или позвоночник...

Чернота отступила окончательно, и в лесной тишине Успенская услышала наверху, прямо над собой, страшный звук. Он испугал ее больше, чем оскалившаяся навстречу пасть, чем боль в боку, чем пятна перед глазами.

Это были шаги. Где-то над ней ходил человек. Молча. И смотрел сверху вниз на Машу, лежащую...

Лежащую где?! Куда она попала?!

Лицо Маши закрывал капюшон дохи, чудом не свалившийся при падении. Капюшон помешал ей заметить нападавшего, но сейчас помогал, скрывая от взглядов того, кто ходил сверху.

Чей-то почти неслышный голос прошептал в голове: «Не шевелись». Выполнить совет было легко, и Маша замерла, всем телом ощущая

сочающийся из земли сырой холод.

Сознание быстро возвращалось. Не поднимая головы, Маша обвела глазами доступный ей угол ямы. Высокие отвесные стенки, а рядом из земли торчат колья... Вот что она приняла за древесные зубы!

Теперь ей стало понятно, куда она провалилась. Это та самая яма, о которой предупреждала Марфа. Кто-то заранее переставил колышки с красными лоскутами вперед, чтобы обмануть человека, идущего по тропинке. А сам подстерег его и толкнул вниз.

То есть ее.

Машу запоздало настигло острое, пронизывающее чувство смертельной опасности. Тот, наверху, продолжал ходить по краю ямы, точно охотник, обдумывающий, как ловчее достать кролика из капкана.

Кролик – это она. А капкан – яма.

Но кто охотник?

Маша чуть шевельнула головой, пытаясь сбросить край капюшона. Но тотчас отозвался внутренний голос. «Не шевелись! – тревожно шепнул он. – Не двигайся! Пускай он уйдет...»

Сверху по плечу Машу что-то ударило и отскочило. То ли ветка, то ли шишка... Зачем?

И вдруг Машу осенило. «Он проверяет, жива ли я!»

А следом за пониманием пришел простой, но очень неприятный вопрос. От него Машу пробрала дрожь.

«Что он будет делать, если решит, что жива?»

Она замерла, хотя больше всего ей хотелось отлепить тело от ледяной земли. Казалось, еще немного – и она пристынет к ней, как прилипает язык к качелям, если лизнуть их на морозе.

Сверху Машу вновь обстреляли шишками. Но на этот раз она была настороже и даже не дернулась, когда одна из шишек отскочила от земли и ударила ее в лоб.

Тот, кто стоял наверху, выжидал. Но жертва не шевелилась. Он постоял, глядя сверху на распростертое тело, закрытое мохнатым тулупом. Что ж, пускай все сложилось не совсем так, как планировалось... Но главного удалось достичь – она мертва.

Человек развернулся и пошел обратно к дому, ускоряя шаг.

«Ушел!» – облегченно выдохнула Маша, когда шаги стихли. Но лежала еще несколько минут, напряженно прислушиваясь – не раздастся ли шорох. Вдруг он вернется? Вдруг это всего лишь хитрость, чтобы заставить ее выдать себя?

Но шагов больше не было слышно. Очень осторожно, словно собирая

себя по кусочкам, Маша отлепила себя от земли, села – и охнула.

Левый бок будто ножом проткнуло – кажется, сильный ушиб. Правая рука чертовски болит в запястье и в плече – то ли закрытый перелом, то ли растяжение. И в ушах звенит, словно в голове застрял комар.

Маша подвигала ногами, и правая отозвалась резкой болью. Что ж, хотя бы левая цела. И позвоночник, похоже, тоже не пострадал. Могло быть значительно хуже...

Она подняла голову и осмотрелась.

Сверху ели тянули в яму мохнатые лапы. Из стенок выползали корни, похожие на тонких белых червей. Маша видела, что ни один из них не выдержит ее веса, и с надеждой посмотрела на ветки.

Но до них оставалось не меньше трех метров. Слишком далеко, учитывая поврежденную руку.

Самое поразительное – это короткие колья, почти вертикально торчавшие из земли. Маша насчитала двенадцать штук. Заостренные явно наспех, они все равно оставались грозным оружием.

Лишь сейчас ей стало ясно, что она чудом избежала страшной участи – напороться на них и висеть, как кусок мяса, нанизанный на шампур.

«А ведь он на это и рассчитывал... Тот, кто сбросил меня сюда. Он позаботился обо всем заранее: заточил колья, утыкал ими дно ямы. Замаскировал ее сверху ветками, чтобы никто не обнаружил раньше времени. Заботливо сдвинул вперед ограждение. Нет, он ненормальный! Надо скорее выбираться отсюда, пока он не вздумал вернуться».

Маша привстала и громко вскрикнула: правую ногу в лодыжке точно пронзили гвоздем. Она упала на землю, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Черт, как же больно... Неужели все-таки перелом?

Она попыталась выдернуть из земли ближайший кол, но правую руку при каждом движении простреливала резь, а справиться одной левой ей оказалось не под силу.

Помучившись несколько минут, Маша бросила тщетные попытки. В яме было ощутимо холоднее, чем наверху, и она закуталась в доху.

До Успенской понемногу начала доходить вся тяжесть ее положения. Выбраться из ловушки самостоятельно ей не под силу. В доме ее хватятся не раньше, чем через несколько часов. Если сообразительная коза вернулась в загончик, то и дальше: решат, что она спит или пошла прогуляться.

Пока спохватятся, пока сообразят, где искать... Конечно, сегодня ее отыщут! Вопрос лишь в том, сколько ей придется просидеть в этой чертовой яме, ледяной, как погреб.

«И при какой температуре человек замерзает насмерть», – тихо подсказал внутренний голос.

«Глупости! – возразила Маша, сильнее укутываясь в доху. – Невозможно замерзнуть летом в шубе! Это ерунда! В худшем случае я простужусь и сойду с ума от скуки, пока жду помощи».

Она прислонилась спиной к деревяшкам и закрыла глаза.

Подумать только: кто-то крался за ней от самого дома, а она ничего не заметила! Значит, тот скрип ей не почудился. Но преследователь не видел ее, а только слышал. Увидеть ему удалось лишь серую доху, закрывающую фигуру и лицо.

Что ж, его ошибка неудивительна. Они с Марфой примерно одного роста, обе худые. Маша шаркала в своих сапогах, поэтому у него не возникло сомнений, что перед ним старуха.

Но потом, когда она упала – он разглядел ее? Понял ли, как чудовищно ошибся? Или ушел в уверенности, что расправился с Марфой?

И что он почувствует, когда увидит старуху утром на кухне целой и невредимой?

С минуты Маша сидела, довольно усмехаясь. Она бы многое отдала за то, чтобы увидеть лицо преступника в тот момент. Он ошибся дважды: сначала – когда Марфа и Ева поменялись местами и в баню отправилась Освальд, теперь – с ней.

Или – не ошибся?

Неприятный холодок кольнул под сердцем.

Что, если все их предположения неверны? Возможно, она увидела или услышала что-то такое, что сделало ее опасной для убийцы. И он пошел за ней вовсе не потому, что ошибся – нет, ему было известно, кого он преследует!

Что же она могла слышать или видеть?

Маша принялась перебирать, что случилось накануне. Неторопливо, словно нанизывая бусинки событий на ниточку дня: одно за другим, одно за другим. Красная бусинка – Ева, голубая – Ньюта, черная – Борис, желтая – Геннадий, зеленая – Лена... Иннокентий – ярко-лиловая. Марфа – коричневая, а Матвей – синяя.

Стук, стук – падает бусинка в ладонь, из ладони на тонкую шелковую ниточку, а к ней уже летит следующая. Ниточка, как маятник, раскачивается перед глазами, цепляется за другую, та за третью, и сам собою ткется дождливый холодный день со всеми его ссорами и примирениями.

Вот вышел из себя и уехал Гена, вот Матвей с Борисом выталкивают

машину. Вот Ньюта посмеивается над мужем, Ева насмешливо взирает на застрявшую машину, Иннокентий идет к лесу и возвращается с предупреждением, что дорога стала непроезжей...

Бусинки стучат, как дождевые капли. Кап-кап-кап.

Коты лежат на стульях, скрутившись в тугие узелки. Хорошо бы и самой лечь так же, щуриться на пламя камина, что гонит по комнате волну тепла.

Тепло... Тепло... Как хорошо и тепло...

На ниточке появилась золотая бусина. Зоя из кресла обеспокоенно смотрела на Машу и что-то говорила.

Маша покачала головой: нет, ей не слышно. Что ты хочешь, красавица Зоя? Что ты хочешь, бабушка?

– Вставай, девочка моя! Не спи!

А я и не сплю, хотела сказать Маша. Но поняла, что спит. Дрема была такой сладкой, такой теплой, что выныривать из нее в сырую холодную яму не хотелось.

Все они бусинки на тонкой ниточке. Раскачиваются от ветра, не догадываясь, как непрочна нить. Воля одного человека собрала их вместе, нанизала на одну шелковинку. Воля другого может ее разорвать.

Золотая бусинка засветилась ярче, излучая тепло.

– Просыпайся, Маша!

Зоя умоляюще протянула к ней руки.

– Просыпайся, голубка моя!

Голос у нее был нежный и чуть приглушенный, как будто между ними стояла невидимая преграда.

«Хорошо, бабушка. Я постараюсь».

И Маша открыла глаза, рывком вышвыривая себя из комнаты с камином, где она спала на стуле, словно кошка.

И оказалась в яме.

Она лежала, скрючившись, на земле. Ей пришлось сделать невероятное усилие, чтобы разогнуться и заставить себя сесть. Нога болела еще сильнее. К тому же Машу начало трясти от озноба.

«Господи, – с ужасом подумала Успенская, – так и умереть недолго». Сколько она пролежала?

Маша попробовала закричать, но из горла вырвалось хриплое карканье. Маша прокашлялась и заставила себя крикнуть:

– Э-э-эй! Помогите!

Крик как будто впитался в стены ямы, не выбравшись из нее.

– Помогииите! – заорала Маша и с облегчением ощутила, что голос

возвращается. – На помощь! Помогите!

Но ее призыв звучал жалко и слабо для этого почти дремучего леса.

«Глупо. Если в ельнике никого нет, то я зря надрываюсь. А если кто-то есть, он и сам на меня наткнется».

Но она все равно продолжала кричать из последних сил, пока не почувствовала, что сорвала горло.

«Вот теперь все».

Маша сбросила доху, растерла руки и заставила себя шевелиться, несмотря на боль в ноге.

– Ничего... У тебя... Не получится... – ожесточенно приговаривала она, обращаясь к убийце. – Я тебе так просто не сдамся. Бр-р-р! Думал, я усну в этой несчастной яме? Ни за что.

Она встала и попрыгала на одной ноге, держась за колья и прикусив губу от боли.

– Не-спать, не-спать, не-спать-не-спать-не-спать!

Уф! Кажется, дрему ей удалось прогнать. Надо еще размять руки. Ничего, она точно придумает, как отсюда выбраться!

И тут сверху, словно с небес, раздался голос:

– Ты выбрала не самое удачное место для зарядки.

Маша вскинула голову и увидела Матвея. Олейников стоял на краю ямы, смотрел на девушку, и лицо у него было белое, как бумага. Или ей показалось...

– Я... – начала Маша.

Ухватила за колья и позорно разревелась.

Глава 9

Матвей вытащил ее за пять минут: спрыгнул в западню, повыдергал все колья и вышвырнул наверх, а потом подхватил Машу и собирался посадить на край ямы.

Но тут случился конфуз. Успенская вцепилась в Матвея, как обезьяна, руками и ногами, а в ответ на все увещевания только мотала головой и прижималась к нему сильнее.

– Я вылезу следом за тобой! – клялся Олейников. – Всего через секунду!

Но все было напрасно. Он попытался осторожно отцепить Машу, но куда там! Она зарыдала так отчаянно, что у него опустились руки.

Матвей сел на землю, посадил Машу на колени, прижал к себе и погладил по голове. Гладить было неудобно – мешали косы, и тогда он положил ладонь ей на шею под затылком.

Рука была горячая. Маша всхлипнула и притихла.

– Ну что ты, моя маленькая, – ласково, как ребенку, сказал Матвей. – Все будет хорошо. Сейчас выберемся, потом пойдем домой... Я тебя отнесу. Ножку ушибла, да? Ну, тихо, тихо... Все уже прошло. Ты молодец, ты умница, ты героическая девочка!

Под воздействием его спокойного голоса к Маше понемногу вернулась способность соображать.

– Где же героическая? – всхлипнула она. – Меня сюда сбросили, как тюфяк! Я чуть на эти палки не напоролась! А потом даже встать не могла!

– Покажи-ка твою ногу.

Он бережно ощупал лодыжку. Пальцы его сжали кость, и Маша дернулась от боли.

– Растяжение, – констатировал Матвей. – Дома приложим лед, все пройдет за пару дней.

– А рука?

Так же осторожно, точно прислушиваясь, Матвей прощупал руку. Дойдя до плечевого сустава, он поморщился.

– Здесь ужасно больно, – пожаловалась Маша. – Не трогай, пожалуйста!

– Хорошо, не буду, – пробормотал Матвей. – Ого, что это там?

Маша подняла голову, и в эту секунду он резко дернул ее за руку.

На этот раз боль была такой, что Маша даже не услышала собственного крика. В глазах потемнело, а когда она пришла в себя, то обнаружила, что лежит на коленях Матвея.

– Тихо-тихо-тихо! – забормотал Олейников, придерживая ее плечо. – Все уже прошло.

– Ты с ума сошел?! Мне больно!

– Уже нет.

Маша подвигала рукой и с изумлением убедилась, что боль почти исчезла.

– Чем быстрее вправить вывих, тем лучше, – сказал Матвей, накидывая на нее доху. – Прости, что без предупреждения, но иначе бы ничего не вышло. Все, пора выбираться.

На этот раз Маша без возражений позволила посадить себя на край ямы. Она уже пришла в себя, и ей было неловко за тот концерт, который она устроила. Матвей вылез следом, отряхнул испачканные в земле джинсы и посмотрел на Машу сверху вниз.

– Идти можешь?

Выяснили, что идти Маша не может. Стоило ей наступить на

распухшую ногу, она словно проваливалась в яму.

– Понял, – кивнул Матвей. – Залезай на спину.

Маша забралась на него сзади, обхватила широченные плечи.

– Н-но, лошадка, – сам себе сказал Олейников.

И они двинулись к дому.

Матвей шел легко и быстро, чуть раскачиваясь влево-вправо, словно ему было не впервой переносить охромевших девушек на спине. От его куртки пахло кожей. Маше ужасно нравился этот запах, и всю дорогу она принюхивалась.

– Ты, конечно, никого не видела? – спросил, не оборачиваясь, Матвей.

– Нет. То есть видела, он ходил наверху, когда толкнул меня в яму. Но я даже не смогла понять, мужчина это или женщина.

– Женщина.

– Почему ты так уверен?

– Только женщина могла придумать идиотскую затею с кольями. Кстати, их утащили у Марфы. Они лежали за погребом.

– Но на это нужно время, – растерянно сказала Маша. – Перенести колья, залезть в яму, утыкать ими дно... Замаскировать ловушку!

– Ерунда, за час можно управиться. Скажем, после обеда, когда все спят. Что ни говори, а я вижу за этим типично женскую изощренность ума.

– Ты же сам сказал, что затея идиотская!

– Идиотская, – согласился Матвей. – Но изощренная.

Он остановился, осторожно опустил Машу на землю.

– Давай передохнем минуту, а?

Он прислонился к дереву, расстегнул куртку. Глядя на него, Маша с изумлением поняла, что он устал.

Устал! Это поразило ее. Он казался выносливым, как бык. Маше просто не приходило в голову, что он тоже может устать.

Матвей стоял, опустив голову. Она только теперь заметила, что виски у него седые, словно присыпанные пеплом. И даже в бровях седина. А на лбу продольные морщины. И еще две, глубокие: от крыльев носа до уголков жестких губ.

Страх, боль, злость, мучившие Машу, исчезли, словно смытые потоком охватившей ее нежности. Он искал ее, нашел, вытащил из этой проклятой ямы, в которой она собиралась умирать. Он ее спас.

Она подалась к Матвею, поцеловала быстрым, скользящим по губам поцелуем.

И отстранилась.

Несколько секунд Матвей смотрел на нее, и вдруг с силой притянул к

себе. Огромная ладонь легла на затылок так, что не вырваться, и жесткие губы прижались к ее губам.

Он целовал ее так, как будто они были последними людьми на земле, или первыми, и с них все только начиналось. Как будто не было других женщин – только эта, дарованная ему навсегда. Как будто это был первый и последний поцелуй, отпущенный ему в этой жизни, и нужно было успеть насытиться, напиться ею, чтобы не жалеть все оставшиеся годы, что упустил свое.

Он повалил Машу на землю, придавил ее всей своей тяжестью, так что у нее захрустели ребра, а нога отозвалась резкой болью.

Маша вскрикнула.

Только тогда он нехотя отпустил ее. Сел, качнул головой, словно приходя в себя.

– Извини.

Поднял ее, повернулся спиной, помог Маше забраться, будто не замечая, что она вздрагивает от его прикосновений и старается продлить их, задержать его руки.

И они снова пошли, как прежде: он – едва заметно раскачиваясь из стороны в сторону, она – вдыхая запах кожи от его куртки.

Когда за деревьями показался дом, Маша нарушила молчание.

– Я скажу, что упала в лесу. Да?

– Да. А я скажу Марфе, что все закончено.

– Что закончено? – не поняла Маша.

– Игра в расследование.

Голос его прозвучало сухо, и Успенская не стала расспрашивать. А Матвей не стал ничего объяснять.

Когда утром, добежав почти до края ямы, по едва уловимым признакам он понял, что Маша там, внизу, то застыл, не в силах пройти еще каких-то десять шагов. Он был уверен, что она уже мертва. Он подумал об этом сразу, как только услышал озабоченное бормотание Марфы: «Машка-то козу отвела, да так в лесу и загуляла. А ведь холодно...»

Он тотчас все понял. Хватило доли секунды. Его накрыл ужас понимания, и следом – ненависть к себе, потому что это он все затеял. Он подставил ее, рассказав правду и подключив к своей игре. Сначала – Марфу, теперь – ее.

Тетушке он не стал ничего говорить. Сдернул с вешалки куртку и бросился в лес, догадываясь, что обнаружит там.

Ему удалось выключить все чувства. Выморозить их, иначе невозможно было бы решить эту задачу – найти ее тело. Он быстро шел по

тропе, не чувствуя запаха утреннего воздуха, не ощущая прикосновений высокой травы. Шел бесчувственным болваном, бревном, передвигающим тяжелые деревянные ноги.

Потому что он и был болваном. Он позволил ее убить.

И когда, подойдя к яме, увидел ее среди каких-то заостренных палок, стоящую на одной ноге, нелепо машущую руками, жалкую, маленькую, посиневшую от холода, то испытал вовсе не облегчение. Запоздалый ужас, замороженный им на те десять минут, что он шел по лесу, с силой обрушился на него.

Несколько секунд Матвею было трудно дышать. И он сказал про зарядку – лишь бы что-то сказать, лишь бы выдавить комок немоты, застрявший в горле.

Она мгновенно обернулась к нему, и вместо прекрасного лица он увидел перепачканную, расцарапанную мордочку в обрамлении растрепавшихся волос: точь-в-точь страшенький рыжий домовенок из старого мультфильма.

Именно в этот миг его настигло второе озарение. Но Матвей решил, что если первое оказалось ошибочным, значит, и второе тоже далеко от истины.

Прежде чем войти в дом, Олейников пригладил Маше волосы и осторожно стер с лица грязь.

– Где все? – спросила она шепотом. – Почему никого нет на улице?

– Потому что еще не встали. Сейчас только половина девятого.

– Половина девятого? – недоверчиво переспросила Маша. – Не может быть... Я думала, уже полдень! Мне казалось, я сто лет проспала в этой яме! Как минимум, шесть часов.

– Куда меньше, – сказал Матвей.

И добавил про себя: «На твоё счастье».

Он помог ей зайти в дом, и из кухни до них донесся бодрый голос Марфы, распевавшей «Ой, мороз, мороз».

Когда в дверях показались Матвей с Машей, она обернулась со словами:

– А-а, нашлась пропажа!..

И деревянный черпак выпал у нее из рук.

– Господи, твоя воля, – выдохнула Марфа. – Девочка моя, что случилось?!

В двух словах Матвей описал, в чем дело.

– Ее нужно в тепло, ноги растереть, – закончил он. – Займись этим, а я

вернусь в лес.

Маша подскочила бы, если бы не стояла на одной ноге.

– Зачем?!

– За козой, – коротко ответил Матвей.

Полчаса спустя он вернулся и застал одну лишь Марфу.

– Где был? – тихо спросила она.

– Искал следы вокруг ямы, – так же тихо ответил Олейников. – Бесплезно. Трава примята, но ее мог примять любой. Ты не видела никого, кто выходил утром из дома? Или возвращался?

Старуха покачала головой и горестно прошептала:

– Господи, что ж это делается...

– Где Маша?

– Я ее вымыла, отогрела, ножку растерла домашней мазью да коньяку в нее влила. Уложила в постель. Бедная девочка! Ох, Матюша, что же нам делать?!

Матвей обнял тетушку за плечи.

– Заканчивать игру. Прости, Марфа, я не вижу другого выхода. Уже два человека пострадали, а мы не продвинулись ни на шаг.

Олейникова вздохнула и опустила голову.

– Послушай, ты их десять лет не видела и еще столько же не увидишь, – проникновенно сказал Матвей.

– А как же Генка с Леной? – с силой возразила старуха. – С ними-то вижусь! Ох, хоть бы про них знать наверняка...

– Ну не узнаем мы, кто это, не узнаем! Или узнаем, когда будет поздно. Он уже два раза попытался, на третий раз его попытка может оказаться успешной.

– Какая попытка? – раздался игривый голос.

Матвей с Марфой, застигнутые врасплох, обернулись. В дверях стояла Ева, кутаясь в махровый халат, и невинно улыбалась.

– Оладьи готовлю, – буркнула Марфа. – Две первых были комом, глядишь, с третьей попытки получится.

Ева покачала головой и погрозила Олейниковой пальчиком.

– Ой ли, Марфа Степановна! Я чувствую, вы меня обманываете. Ну ладно, секретничайте дальше, не буду вам мешать.

Она подмигнула Матвею и удалилась.

– Слушай, Марфа... – Матвей хмуро глядел Еве вслед. – Не думаешь ли ты...

– Думала уже, думала, – раздраженно сказала старуха. – Подозрительно быстро она оклемалась после отравления! Ты ведь об этом?

– Угу. Бегают, как ни в чем не бывало, задницей крутит.

– А ты меньше смотри на ее задницу! – одернула Марфа. – Да и не о ней речь... Полагаешь, придуривается наша Евка?

Матвей выглянул в гостиную, проверяя, не подслушивают ли их на этот раз.

– Если и притворяется, – сказал он, вернувшись, – то непонятно, зачем ей этот балаган.

– А подозрения отвести! Слушай, Матюша, – Марфа схватила его за руку, – а колья в эту яму были глубоко воткнуты?

– Совсем неглубоко. Это я первым делом проверил. Маша и сама могла бы их выдернуть, если б у нее рука не была вывихнута.

– Значит, и женщина могла с этим справиться, и мужчина, – подытожила Марфа. – Ох, Матвей, нужно Богу свечку поставить за Марию. А ну как она бы упала на эти палки? Или они так, для страха были понатыканы?

– Да какой, к черту, страх! – не сдержался Матвей. – Заточены остро, как зубочистки. Если бы на них сверху человек упал плашмя...

Марфа опустила на табуретку, забыв об оладьях.

– Зачем же он так? Можно ведь и просто человека в яму столкнуть, а потом...

– Вот именно, – сказал Матвей. – А что потом? Потом этого человека нужно как-то убить. А как? Как его достанешь в яме? Если и достанешь, это крики, шум, следы борьбы. А тут для следователя картина ясна: кто-то сдуру утыкал всю яму кольями – может быть, на кабана собирался охотиться – и в нее попала случайная жертва. И ничего не докажешь. Кто утыкал, когда, зачем? Отпечатки пальцев с них не снимешь...

– Но с Машкой-то у этого злодея ничего не получилось, – задумчиво проговорила Марфа. – Он ее не тронул.

– Объяснение только одно: он решил, что она погибла. Ей посчастливилось пролететь мимо кольев, но упала она нехорошо: и руку вывихнула, и ногу едва не сломала. Спуститься к ней вниз он побоялся, потому что могли остаться следы. Вот и ушел, не проверив.

Оба замолчали. На горячей сковородке возмущенно стрельнуло забытое Марфой подсолнечное масло.

Марфа подскочила.

– Ох, оладушки мои!

Схватила первую попавшуюся ложку, проворно разлила по сковороде круглые желтые лужи. Выждала немного – и хлоп-хлоп-хлоп-хлоп – перевернула их на другую сторону. Кухню овеял теплый ванильный дух.

Матвей наблюдал за ее действиями с завистью и думал, что у него бы сейчас все посыпалось из рук, за что ни возмись. Он может только сидеть на табуретке, ощущая себе до нелепости большим, громоздким – и абсолютно, ну просто до смешного бесполезным.

– Когда ж он колья успел заточить... – вслух подумала Марфа.

– Вчера, – откликнулся Матвей. – И тогда же сходил в лес. Я уже весь вчерашний день перебрал в памяти. Из-за дождя все разбурелись по своим углам, и невозможно отследить, кто отсутствовал.

– Матвеюшка, а может, мы его сейчас прищучим? – жалобно попросила старуха. – Он ведь уверен, что я в яме лежу!

Но Матвей устало покачал головой.

– Твой голос слышно от дверей. Уверю тебя, мы не застанем его врасплох. И Ева уже зашла, проверила...

– Вот именно, проверила! А вдруг...

– Не вдруг! – перебил Матвей. – Все, Марфа, все. Закончили мы эти игры.

– Ну, раз все...

Олейникова вздохнула, подняла черпак с пола и положила в раковину. Готовые оладьи одна за другой отправились в тарелку.

– За обедом объявлю им, что можно не ждать от меня наследства, – решила Марфа, разливая новую порцию теста. – Не буду уж портить завтрак.

Маша, оставшись одна, первым делом выбралась из постели и доковыляла до зеркала. Нога, к счастью, болела меньше: наверное, помогла вонючая мазь Марфы Степановны.

Из зеркала на нее глянуло такое чудо-юдо, что Маша отшатнулась. Господи ты боже мой! Теперь ясно, отчего Олейникова выронила ложку, увидев ее.

Глаза безумные, волосы торчат дыбом, как проволока, а на щеке свежая царапина. Словно лесная ведьма выбралась из своего убежища и тайком прокралась в человечесье жильё.

Даже жаль, что она не ведьма. Наварила бы травок, побросала бы туда жабьих ножек и воробьиных клювиков, глядишь – и выяснила бы, кто в доме шалит, раньше срока доводит людей до смерти. А потом утащила бы его к себе в лес, под черные ветви, в переплетение корней.

Маша запрокинула голову и рассмеялась ведьминским смехом.

«Ой-ей. Что это с нами?» – озабоченно спросил внутренний голос.

Смех оборвался. Маша вновь взглянула на себя. Что за швабра у нее на голове?!

В другое время она сноровисто собрала бы выбившиеся пряди в прическу. Но сейчас ожившая в ней ведьма заставила Машу расплести волосы, зарыться в них пальцами, встряхнуть. В волосах запутались кусочки коры, мха, иголок... Не стряхивать их, нет! И никаких расчесок.

Вот теперь она окончательно превратилась в колдунью!

Маша недобро улыбнулась своему отражению.

«У-у, – понимающе протянул внутренний голос. – Все ясно. Коньяк».

Маша никогда не пила коньяка – терпеть не могла ни вкус, ни запах. Но добросердечная Марфа, причитая «бедная моя девочка, замерзла моя крошечка», щедрой рукой влила в Успенскую три рюмки. Закуской послужили две оладьи. Учитывая, что Маша с утра ничего не ела, коньяку было где разгуляться.

«Напилася я пьяна, – брезгливо констатировал внутренний голос. – Марш в постель, и не вздумай никому показываться на глаза. Фу. Пропойца».

Но строгие интонации внутреннего голоса, похожего на голос матери, были Маше нипочем. Действие коньяка оказалось сильнее.

– Никакой кровати! – грозно объявила она своему отражению. – Там нельзя развернуться мысли!

«Чему-у?!» – удивился голос.

– Моей мысли! Я должна... ик! Понять...

Четко зная, что она должна что-то понять, но не совсем уверенная, что именно, Маша натянула на ночную рубашку теплый свитер и, как была, босиком, пошлепала в коридор, хромая и держась за стену.

В коридоре снова сидел кот – Фантом или Глюк, Успенская не смогла понять – и его присутствие показалось Маше очень логичным. Ведьме нужен кот – а как же иначе?

Она наклонилась, ухватила кота за жирный гладкий загривок и подняла его в воздух. Кот был так поражен, что даже не попытался вырваться.

– Пойдешь со мной, – известила она бедное животное.

Прижала его к себе и направилась к лестнице.

Успенская точно знала, куда ей нужно идти. В библиотеку! Там книги, там атмосфера, и еще там есть что-то очень важное, о чем она забыла. Но вспомнит!

Она ввалилась в библиотеку, отпустила кота, и тот с облегченным мявом рванул под кресло.

– Жарко! – проворчала Маша.

Распахнула настежь окно, опустилась в соседнее кресло, обвела

взглядом книги и начала рассуждать.

Именно там и нашел ее Матвей.

– Ты с ума сошла? – приглушенно рявкнул он с порога. – Я тебя по всему дому ищу, уже черт знает что думать начал. Что ты здесь делаешь?

Маша подняла на него слегка затуманенный взгляд.

– Я размышляю, – с важностью сообщила она.

Олейников присмотрелся и все понял.

– У-у, перестаралась Марфа! Так, ну-ка быстро поднимайся, и пойдем завтракать. На голодный желудок тебя еще долго будет колбасить.

– Что за выражения! – возмутилась Маша. – Завтракать я не пойду! И вообще не выйду отсюда!

– Это еще почему? – озадачился Матвей. – А-а, ты боишься!

И тут же по лицу Маши понял, что зря это сказал.

– Не боюсь! – отчеканила Маша. – Я не хочу сидеть за одним столом с людьми, которых подозреваю в убийстве.

– Всех, что ли?

– Не всех, – согласилась Успенская. – Одного, максимум – двух. Но и этого достаточно.

Матвей разрывался между желанием рассердиться и рассмеяться – до того она была смешная и воинственная.

Ничего не выбрав, он сдался:

– Ладно, седи здесь. Попрошу Марфу, чтобы она тебе оставила немножко оладушков.

Когда дверь почти закрылась, он услышал вслед недовольный голос:

– Почему же немножко?

Матвей быстро дошел до гостиной и увидел Марфу, ведущую за собой незнакомого красавца в замшевом пиджаке. Вид у Олейниковой был растерянный, красавец же держался самоуверенно и непринужденно.

«Это еще что за явление?»

– А, Матвей! – обрадовалась тетушка. – К нам, Матюша, гость приехал.

– Вижу, – мрачно уронил Олейников, которому меньше всего хотелось разбираться с незваными гостями. – У вас что-то случилось и нужна помощь?

Красавец улыбнулся, ослепив Матвея сиянием синих глаз и белоснежных зубов. Будь Олейников девушкой, он был бы сражен одной этой улыбкой.

– Спасибо, – хохотнул красавец. – Я, в общем-то, не за помощью. Я за своей подругой приехал.

– За какой подругой? – нахмурился Матвей, начиная догадываться о подоплеке дела. Не иначе, Евин ухажер.

– За Машей он, – подсказала Марфа и виновато посмотрела на племянника.

– За Машей, – подтвердил гость. – Можно ее увидеть?

«За Машей?!»

Несколько секунд Матвей боролся с желанием взять визитера за лацканы пиджака и шваркнуть об стенку. Должно быть, Марфа прочла это на его лице, потому что заторопилась:

– Тут она, тут... Пройдемте наверх, я вам покажу ее комнату.

– Не там, а внизу, – сухо сказал им вслед Матвей. – В библиотеке.

Все равно этот синеглазый Кен ее найдет.

Когда дверь в библиотеку открылась, Маша ожидала увидеть Матвея, возвратившегося с тарелкой оладьев. Но вместо него в комнату заглянула Марфа. Лицо у нее было смущенное.

– Машенька? – с натянутой улыбкой сказала она, – а тут к тебе друг приехал.

– Та-да-да-дам!

И из-за спины Олейниковой выпрыгнул Иван Воронцов собственной персоной.

– Машуткин! – зашумел он, оттеснил Марфу в сторону и занял собою всю библиотеку. – Как я по тебе соскучился! Не мог не приехать, радость моя!

Ваня наклонился, облапил Машу и даже приподнял от избытка чувств.

– Приходите завтракать, – очень вежливо сказала Марфа.

И дипломатично удалилась. Даже дверь за собой прикрыла плотно, чтобы не мешать.

Тем временем Ваня чуть отстранился от Маши, осмотрел ее и принюхался.

– Машка, ты что, пила? – недоверчиво спросил он. – Похмелялась с утречка? И кто тебя так расцарапал?

Успенская высвободилась из его объятий.

– Ванечка, что ты здесь делаешь? Я ведь просила тебя не приезжать!

– Соскучился смертельно, – повинулся Ванечка. – К тому же говорил с тобой по телефону как последний дурак. Раскаялся и приехал извиняться. Прости!

Он улыбался, нисколько не сомневаясь, что его простят. Как же сердиться на него, такого красивого и славного парня?

Правда, его немного озадачивал Машин вид. Несколько... диковатый. На длинную ночную рубашку сверху натянут мохнатый свитер... Как она могла так одеться?! И смотрит на него без прежней нежности. Вечно она разводит церемонии вокруг самых простых вещей. Подумаешь, приехал без приглашения! Если говорить начистоту, Ване Воронцову везде рады. Очень скоро он станет и здесь своим человеком.

– А домик-то – почти боярские хоромы, – заметил Воронцов. – Давай напомним милой старушке, чтобы она выделила и для меня комнатку. А еще лучше – поставила раскладушку рядом с твоей кроватью.

Он подмигнул.

Маше стало противно. Она ничего не могла с собой поделать: его простота и игривость, которые раньше ей нравились, в эту минуту вызывали отвращение.

Прихрамывая, она отошла к окну и присела на подоконник. Воронцов бросился в кресло, вытянул длинные ноги до середины комнаты.

– Бедная моя, ты еще и охромела, – посочувствовал он. – Тебе однозначно нужен я. Буду помогать передвигаться.

– Ваня, не нужно напрашиваться на гостеприимство, – попросила Успенская. – Ты ставишь меня в неловкое положение.

– Да ладно тебе! – легко отмахнулся Воронцов. – Как зовут твою старушку? Она только с виду сурова, а в душе – нежная сентиментальная фиалка! Не сможет отказать двум влюбленным.

Он ерничал, посмеивался, и все возражения Маши были ему нипочем.

Хмельная злость ударила Успенской в голову. В другое время она вынуждена была бы согласиться с Ваней и тихо страдать, глядя, как он прет напролом. Но сейчас в голове у нее бродил коньяк, а в ушах еще раздавался отзвук ведьминского хохота.

– Ну, ты и наглец, – протянула она. Ваня вскинул брови. – Приезжаешь черт знает куда, хотя тебя русским языком попросили не появляться. Вламываешься в дом к незнакомому человеку, который совершенно не рад тебя видеть. А теперь еще и хочешь остаться ночевать!

– Я попрошу! Никто не вламывался!

Но Маша не дала ему договорить.

– Только попробуй подъехать к Марфе, – предупредила она. – Я ей скажу, что ты мой назойливый поклонник. И после этого тебя на пушечный выстрел не подпустят к этому дому!

– Да что с тобой?! Я тебя не узнаю!

– Можешь не узнавать. Но ты меня слышишь?

Ваня сник.

– Хорошо, хорошо. – Он глубоко вздохнул и поднялся. – Ты меня уговорила. Да, согласен, мне здесь не место. Тогда собирайся.

– Куда? – изумилась Маша.

– Как куда? Домой. Если ты не хочешь, чтобы я здесь оставался, тогда вернемся вместе в Москву. Пребывание в этом месте явно не пошло тебе на пользу. Все, Машуткин, не спорь, собирай вещи. Где они у тебя?

Маша удивленно рассмеялась. Неужели он всерьез надеется, что она тотчас бросится паковать чемодан и поедет с ним?

«Почему бы и нет? – возразил внутренний голос. – Несколько месяцев в ваших отношениях ты играла роль бессловесной овцы, избегавшей конфликтов. С чего бы что-то изменилось?»

Маша не могла ответить с чего, но знала точно, что изменилось.

– Никуда я не поеду, Вань, – сказала она, постаравшись интонацией смягчить отказ.

Но Воронцов поднялся и дернул верхней губой. Он всегда так делал, когда злился. Как будто собирался зарычать.

Ваня и в самом деле был зол. Он приехал просить прощения, хотя не чувствовал себя ни в чем виноватым. Пошел, можно сказать, ей навстречу. А ему отказывают в незначительной мелочи! Какого черта?! Что, какая-то полудохлая старуха ей дороже, чем он?!

– Я что, многого прошу? – осведомился он. – Всего лишь сократить твое пребывание здесь на пару дней. Мне действительно очень важно, чтобы ты поехала со мной. У меня сейчас не самое простое время, мне нужно, чтобы ты была рядом.

Это должно было подействовать. Безотказный метод. Ему плохо, и она будет последней свиньей, если предаст его.

Конечно, нужно было выдержать просительный тон, но очень уж Воронцов злился. Он привык считать ее своей собственностью. И вдруг собственность проявила строптивость.

Но сейчас-то, после этих его слов, она должна подойти и обнять его, как делала всегда!

Маша не двинулась с места.

– Ваня, я буду с тобой рядом, когда вернусь, – пообещала она. – Через пару-тройку дней.

И Воронцов не сдержался.

– Черт возьми, неужели все из-за этой мерзкой старухи?!

– Не смей так говорить о моей тете!

– Она тебе никакая не тетя! А седьмая вода на киселе! Ты даже не смогла запомнить, кем она тебе приходится!

– Просто мне удобнее называть ее тетей, – ледяным голосом сказала Маша. – Вань, если мы закончили разговор...

Дожили. Она его выгоняет!

– Нет, блин, не закончили! – крикнул Воронцов, уже не сдерживаясь. – Что с тобой здесь случилось? Посмотри на себя! Ты выглядишь как законченная стерва!

– А ты выглядишь как мужчина, оскорбляющий женщину, – очень спокойно сказала Маша.

Ваня схватил первое, что попало под руку, и швырнул в нее. Это оказался крошечный блокнотик, лежавший на кресле.

Но Маша успела отклониться, и блокнот, едва не чиркнув ее по виску, вылетел в окно.

– Ты что, с ума сошел? – ахнула она.

– Да пошла ты к черту! – проорал Ваня, окончательно выведенный из себя – и тем, что промахнулся, и ее удивленным взглядом, и вообще всем происходящим.

Дьявол бы всех их побрал, и Машку тоже за ее упрямство! Пусть он сорвался, но это она его спровоцировала!

– Ладно, извини, – буркнул он, немного остыв и вспомнив, зачем приехал. – Погорячился.

– Пошел вон, – ледяным тоном сказала Маша.

– Что?

– Пошел вон. Ты слышал меня? Вон отсюда!

Никто еще не смел выгонять Воронцова! В ярости он шагнул навстречу Маше, сам еще толком не зная, что сделает с ней. Но под ногу ему подвернулось что-то мягкое, и об это мягкое Иван и споткнулся.

Перепуганный кот сиганул в сторону, взъерошив хвост щеткой, а Ваня обрушился на пол. Книжные шкафы сочувственно простонали и негромко прозвенели застекленными дверцами.

– Ой! Ты не ушибся?

Маша наклонилась к Воронцову.

Но Ваня, глядя на нее расширившимися глазами, вскочил, попятился, нащупал ручку двери и выскочил наружу.

– Ведьма! – бросил он напоследок. – И стерва!

Хлопнула дверь, стихли быстрые шаги. Воронцов сбежал.

«Боже мой, и с этим психопатом ты встречалась, – удивленно констатировал внутренний голос. – Строила планы на будущую жизнь. Считала славным парнем. Кстати, отчего он так поспешно удрал?»

Маша посмотрела на свое неясное отражение в дверце книжного

шкафа. Что ж, понятно, почему удрал Воронцов. Когда к тебе наклоняется желтоглазое чучело с безумным взглядом, всякому станет не по себе.

Обиженный донельзя кот снова заполз под кресло. Подумать только – едва высунулся, и сразу на него напали.

Матвей как раз вышел в коридор, когда мимо него пронесся давешний синеглазый визитер. Олейников взглянул на перекошенное лицо красавца и неожиданно почувствовал себя очень хорошо. Просто замечательно.

– Уже уходите? – сочувственно спросил он гостя. – Может быть, останетесь на завтрак?

Гость коротко высказался в том смысле, что он уже завтракал.

– Спасибо за гостеприимство, – бросил он напоследок. – Всего хорошего!

И скрылся во дворе.

– И вам не хворать! – пожелал ему вслед Матвей, глядя, как длинноногий красавец запрыгивает в машину.

«Машина! – запоздало сообразил он. – Значит, дорога просохла! Ну, все... В обед Марфа объявит свою новость, и начнется бегство крыс с корабля».

«Уехал!»

Маша выдохнула. Слава богу! Кто бы мог подумать, что в таком здоровом на вид мужчине скрывается форменный неврастеник. Надо же, бросил в нее блокнотом Марфы...

Блокнотом!

Успенская перегнулась через подоконник, выискивая пропажу в траве. Но Иван бросил вещицу со всей злости, и та улетела в самые густые заросли бузины. Те самые, сидя в которых Маша подслушала разговор Марфы и Матвея.

«Что было в этом блокноте? Кажется, тетушка доставала его, когда мы обсуждали, кто может быть убийцей. Наверняка она вела там записи!»

Маша развела руками ближние ветки. Нет, ничего не видно. Но блокнот нужно найти! Вдруг кто-нибудь полезет, как она, вслед за котом, обнаружит книжечку и начнет читать... А начнет обязательно, если увидит! Никто не в состоянии удержаться, когда в руки попадает неизвестно чья записная книжка!

Маша обернулась. Кот смотрел на нее из-под кресла желтыми глазищами. Они словно спрашивали: «Ну что же? Чего ты ждешь?!»

В обычном своем состоянии Успенская вряд ли рискнула бы полезть в

заросли. Но действие коньяка еще не закончилось, к тому же она была взвинчена ссорой с Воронцовым.

– Сволочь какая... – пожаловалась она коту. – Бросил в меня чужой вещью! Понимаешь?

«Я бы на твоём месте радовался, – сказал взгляд кота. – Меня и вовсе пнули».

Успенская приподняла подол рубашки и перекинула ноги через подоконник. Сползла вниз, стараясь не наступать на больную ступню – и пошла босиком по холодной земле, поджимая пальцы ног.

Уже через несколько шагов ей пришлось присесть на корточки. Маша ползла, оглядываясь вокруг, ища глазами знакомую обложку из красного кожзаменителя. Вот то самое место, где она нашла кошачью игрушку... Где же блокнот?

И тут она увидела его. Метрах в четырех, за такой густой вязью ветвей, что туда и не добраться. Пожалуй, можно не опасаться, что его найдут случайно.

Но Маша привыкла доводить дела до конца. А разворачиваться сейчас, когда она нашла пропажу, было бы глупо.

Вжав голову в плечи, стараясь не зацепиться волосами за ветки, Маша поползла на корточках в заросли. Здесь бузина дала десятки побегов, а между ними высилась лебеда. Лебеду Маша приминала, побеги раздвигала, и, наконец, оказалась в самом сердце зарослей, пахнущих дождем.

Успенская подняла голову и обнаружила, что находится чуть правее окна. Протяни руку – и вот она, стена дома.

Маша схватила блокнот, лежащий на подстилке из травы, сунула его в отворот рукава свитера. Ура! Теперь можно возвращаться.

Она почти развернулась, но в последний момент ее внимание привлек тусклый блеск между корней неподалеку от того места, где нашелся блокнот. Что это там такое?

Ей пришлось немного разрыть землю, чтобы достать предмет, пролежавший здесь, похоже, бог знает сколько времени.

Часы. Когда-то блестящие хромированные часы с навсегда остановившимися стрелками. Маша стерла грязь со стекла, попробовала счистить ржавчину с браслета. Циферблат не поврежден, и звенья браслета, кажется, тоже целы. Странно... Как часы здесь оказались?

Она сунула находку следом за блокнотом и поползла обратно. Ветки цеплялись за свитер, подол ночной рубашки превратился в грязную тряпку. Колени окоченели от ползания по сырой траве, на ладони налипла земля.

– Неудачный сегодня день, – бормотала Маша, уворачиваясь от

хватких ветвей бузины и с ужасом думая о том, во что превратятся распущенные волосы. – Ай!

Наконец она выбралась из зарослей и выпрямилась, приплясывая от холода. Забралась в дом тем же путем, что и вылезла, оставив грязные следы на подоконнике, закрыла окно и прошлепала в кресло.

Поджав ноги под себя, Маша устроилась поудобнее. Кот выбрался из-под кресла, запрыгнул к ней на колени и свернулся клубком.

Маша растрогалась и ласково погладила зверя.

– Хороший кот, хороший... Пришел меня согреть! Давай-ка посмотрим, что тут у нас.

Блокнот Марфы она отложила в сторону, не открывая. А часы старательно оттерла от ржавчины и грязи, не пожалев ночной рубашки.

– Все равно перепачканная, – поделилась Маша с котом.

Тот смотрел одним глазом, второй жмурил, словно подмигивал.

Итак, часы... Небольшие, лаконичные. Похоже, мужские. Впрочем, Маша и на женщинах видела такие. Классика, никогда не выходящая из моды.

С браслетом ничего не вышло. Казалось, он проржавел насквозь, и сколько Маша ни пыталась поддеть ногтем верхний слой окислившегося металла, ничего не получалось. Зато со стекла земля стерлась легко. Маша уставилась на темно-синий циферблат, словно пытаясь прочесть надпись, зашифрованную в римских цифрах.

Часы с раннего детства завораживали ее. Но отношения с ними у Маши не складывались: любые часики на ней ломались, время сходило с ума и то отчаянно торопилось в следующий день, то замедляло бег и тащилось еле-еле, неспешно переставляя стрелки.

Пришлось отказаться от часов. Но при каждом удобном случае она разглядывала их, вертела в руках, а особенно любила механические, у которых задняя крышка была прозрачной. Там, за стеклом, крутились крошечные шестеренки, бегали колесики, большие и маленькие. Там рождалось время.

Находка, судя по ее состоянию, пролежала в земле много лет. Удивительно, что Маше удалось заметить неяркий блеск.

Она перевернула часы, разглядывая обратную сторону. Время, то самое время, которому они служили, обошлось с ними без жалости: и здесь обнаружилась та же отвратительная корка, что и на циферблате.

Кот, о котором Маша совсем забыла, неожиданно открыл второй глаз и отчетливо сказал:

– М-ня.

– Мня, мой мальчик, мня, – рассеянно ответила Успенская. – Какая-то мерзкая мня на этих милых часиках. Ты не знаешь, кстати, как они оказались в тех непролазных зарослях?

На лице кота отразилось высокомерное недоумение. «Кошек не занимают такие вопросы», – казалось, выражали его круглые глаза.

– Не занимают так не занимают, – покладисто согласилась Маша. – А меня вот очень даже.

Без лишних церемоний пересадив кота на соседнее кресло, она подошла к книжному шкафу и выдвинула один ящик за другим. В третьем обнаружилось то, что она искала – длинный нож для разрезания бумаги.

– Поразительно, – пробормотала Маша. – Кто бы мог подумать, что Марфа им пользуется.

Да и выбор книг для библиотеки показался ей при ближайшем рассмотрении несколько неожиданным для восьмидесятилетней старухи. Фантастика, полное собрание Стругацких, Азимов, боевики Бушкова... Мимоходом удивившись, Маша положила часы на ладонь и поддела ножом ржавчину на крышке.

К ее удивлению, это помогло. Словно черно-коричневая слюда, ржавчина отошла целым пластом. Она больше походила на засохшую грязь и отваливалась кусочками, как старая болячка, сдираемая с ранки.

Несколько минут Маша пыхтела над часами, затем снова протерла крышку.

Что ж, стало намного лучше! Теперь, по крайней мере, было видно, что на часах есть гравировка. Успенская снова прибегла к помощи ночной рубашки, ожесточенно оттирая то, что не поддавалось ножу.

Коричневые следы все равно остались, но теперь они не мешали разобрать слова.

Надпись оказалась совсем короткой: «С любовью навсегда – А.И.».

Маша села на краешек кресла, машинально поглаживая пальцем циферблат. Ей не давала покоя причина, по которой часы оказались там, где оказались. Надпись еще больше запутала дело.

Что там говорила Марфа? Она не хотела вырубать заросли сирени и бузины... Они цвели здесь всю ее жизнь. Может быть, сама Олейникова выдергивала лишние побеги, и часы свалились с ее руки? Был в ее жизни загадочный А.И., делавший дорогие подарки и любивший гравировку...

Кот запрыгнул на соседнее кресло и оттуда негромко вякнул.

– Я тоже сомневаюсь, – согласилась с ним Маша. – Мужа Марфы звали по-другому. Инициалы не совпадают.

Она взглянула на кота. Пожалуй, это все-таки был Глюк, а не Фантом.

Глазищи как циферблаты золотых часов, сузившийся вертикальный зрачок – стрелка. Маша смотрела в них, точно проваливаясь, замороженная блеском кошачьих глаз.

Стрелки завертелись в обратную сторону, отсчитывая ход времени назад.

«У Даши роман с мужчиной, который намного старше нее. Он женат. Где они встретились, никто не знает».

«Марк Освальд что-то услышал за ужином. Что-то, что позволило ему понять, кто убийца».

«И прямо написал об этом в записке: „Я знаю, кто убил ее. Никаких сомнений“».

«На этом месте за окном много лет росли сирень и бузина. Потом сирень исчезла, осталась одна бузина».

«Жена его была страшная женщина. Толстая, одышливая...»

«Не стали переносить окно, оно осталось там же, где и было. И стену не двигали».

«Много лет... бузина... И тогда – тоже...»

Бузина, бузина, бузина... Белые цветы закружились вокруг Маши, словно снежинки, подхваченные метелью. Почему-то это было очень важно – то, что здесь много лет росла бузина...

Кот отвел взгляд и потянулся, подергивая задними лапами.

Маша очнулась и встряхнула головой. Снежинки исчезли.

Честное слово, гипнотизер какой-то, а не кот! Она как будто уснула на несколько минут и видела сон... Сон про время... Про то, что случилось десять лет назад.

Стрелки в ее голове щелкнули и остановились.

И вслед за стрелками все встало на свои места.

Даша. Знакомство. Ее беременность. Убийство. Юбилей Марфы. Марк Освальд, понявший, кто убийца. И его смерть.

И часы с инициалами, выброшенные – конечно же, выброшенные! – из окна.

– Господи... – ошеломленно прошептала Маша, приподнимаясь с кресла. – Господи, я поняла!

Кот снисходительно взглянул на нее и удовлетворенно зажмурился.

За завтраком Матвей жевал оладьи, не ощущая их вкуса. Рядом щебетала Ева, ей отвечал Борис, то и дело утирая салфеткой жирные губы. Иннокентий снисходительно объяснял Лене Коровкиной, почему энергетические токи деревьев полезны плоду.

Они мне все противны, думал Матвей. Если бы я был к ним равнодушен – но нет. Мне неприятна мысль, что эти люди – мои родственники. Десять лет их не видел, и еще бы десять раз по столько же не видеть.

Кроме Генки с его женой. Всего двое из этой родственной тусовки мне нравились: Марк и Генка. Но Марка убили.

Будет *забавно*, если окажется, что убил его именно Генка. Два человека, которые были ему симпатичны...

Матвей посмотрел на Коровкина. Тот не ел. Только отпивал чай судорожными глотками.

Совсем некстати всплыло в памяти, что Генка в юности увлекался резьбой по дереву. Что-то выпиливал, вытачивал, мог идеально ровно обстругать ножом любую ветку за несколько секунд.

Матвей отвел взгляд.

Не годится. Генка плохо плавает. И жена его тоже плохо. Болтаются, как два буйка, на поверхности.

Да, возразил он самому себе, но изобразить хорошего пловца, будучи плохим, практически невозможно. Зато наоборот – запросто.

Все, хватит думать об этом. Уже все решено. Их наивное расследование закрыто. За обедом Марфа объявит о том, что монастырская жизнь не для нее, все пошумят и разъедутся. На этом – все. Точка.

– Неужели? – изумленно спросила Лена Коровкина.

Вопрос так точно попал в русло Матвеевых мыслей, что Олейников дернулся и капнул вареньем на скатерть. Марфа метнула в него недовольный взгляд.

Неужели... Хороший вопрос. Верный. Сперва они с Марфой сами спровоцировали убийцу, вынудили его проявить себя, а теперь решили свернуть игру, поняв, что выигрыш не останется за ними.

Но отчего они так уверены, что игра будет закончена *с обеих сторон*?

Марфа все равно остается опасной для того, кто убил Марка. Она слишком много наболтала за это время. Вряд ли преступник может чувствовать себя спокойно, пока она жива.

Матвей положил в рот еще одну безвкусную лепешку, запил таким же безвкусным чаем и поздравил себя. Да ты просто молодец, господин Олейников! Затеял охоту, да? Послушался старуху, жаждущую крови? Вот теперь сиди и выдумывай, как защитить эту старуху. Идиот...

– Что? – озадачился Иннокентий.

Матвей даже не заметил, что последнее слово произнес вслух.

– Это я не тебе. Извини.

Анциферов окинул его подозрительным взглядом. Кажется, хотел высказаться язвительно, но его перебил до отвращения бодрый голос Бориса:

– Между прочим, тетя Марфа, мы все готовы к труду и обороне! Что насчет сегодняшних заданий? Правда, прохладно, но нам ведь холод не помеха, верно?

И подмигнул Еве.

– А не будет никаких заданий, – сообщила Марфа. – Передумала я.

Все замолчали, совершенно одинаково приоткрыв рты.

Матвею пришло в голову, что с них можно писать картину. «Завтрак в семействе карасей». Только ясноглазая Ньюта смотрит без удивления, и Генка Коровкин выглядит так, будто боится поверить нечаянной радости.

Кстати, что это с ним?

Борис недоверчиво улыбнулся.

– Бросьте шутить, тетя!

Марфа сердито воззрилась на него.

– Да какие уж тут шутки! Передумала я, говорю! Нечего мне пока в монастыре делать, я еще слишком молода. К тому же скотину мою не на кого оставить – Дульсинею, Зорьку, Джоленьку...

– Но вы можете полагаться на нас! – поспешно воскликнула Ева.

– Видала я, как на вас можно полагаться! Едва коровник мне не разнесли... Одна чуть корову с ума не свела, другой затеял со свиньей соревноваться – кто умнее. Одно радует – что свинья моя победила.

Анциферов побагровел.

– Нет, голуби мои, ничего я вам передавать не буду, – закончила Марфа. – Мое наследство мне самой пригодится. Чай, не просто так мне его покойный супруг оставил.

– А как же Господь? – воззвал Иннокентий.

– Господу мое служение и здесь угодно. Я три рабочих места создаю, трех теток кормлю-обуваю. Чем не служение?

– А душа?! – настаивал Анциферов. – О душе-то как же не позаботиться?

– Ты о своей заботься, – посоветовала Олейникова. – А о своей уж как-нибудь я сама. Сказала «все» – значит, все! И не уговаривайте меня! Все равно не переубедите. Не пойду в монастырь и наследством разбрасываться не стану. Поторопилась я с этим делом.

Борис шарахнул ладонью по столу:

– Вы, значит, поторопились, а нам сидеть, как дуракам с мытыми шеями?! За базар неплохо бы отвечать, тетя Марфа.

– За базар у нас Виктор Сергеевич отвечает, – незамедлительно поведала Марфа.

– Какой еще Виктор Сергеевич?!

– Так Колупанов. Глава села Свиридова. У нас ближайший базар там. Тридцать километров всего, можешь завтра наведаться. Яички свежие привозят, мясо... Ну, да яички у нас и свои имеются.

– Да какое к едрене фене село Свиридово?! – заорал Борис, привстав. – Какие яички?! Вы что из меня дурака-то делаете?

– А ну сядь, – негромко приказал Матвей.

Борис нехотя опустил обратно, с ненавистью сверля глазами тетушку.

– Разве ж я могу из тебя дурака сделать? – вздохнула Марфа. – И не шуми. Ты радоваться за меня должен, а не скандалить.

– Нет уж, позвольте! – высоким голосом воскликнул Иннокентий. – Мы, конечно, радуемся! Но так же нельзя! Вы же обещали! Обещания порядочными людьми должны выполняться!

– Ну-у, заблеял, – недовольно протянула Марфа. – Мое обещание: хочу – даю, хочу – беру.

– Но так нечестно! – возмутилась Ева. – Мы тратили на вас свое время, некоторые пожертвовали работой, чтобы исполнять ваши безумные требования! Вы что, издеваетесь над нами?!

Марфа погрозила пальцем:

– Э-э, нет, гуси мои! Вы на себя тратили время, не на меня! Нечего меня попрекать брошенной работой.

– Да как вам не стыдно?! – взорвался Анциферов. – Мы вам верили... надеялись... Мы участвовали в этих ваших нелепых испытаниях! И что теперь?! Это глумление, это надругательство над святым! Над верой в лучшие человеческие чувства!

Нюта умоляюще погладила его по рукаву и что-то зашептала на ухо.

– Нет, постой, веточка моя! Я этого так не оставлю! – кипятился Иннокентий. – Я буду жаловаться!

– Это кому же? – озадачилась Марфа.

– Вашему духовному отцу! Пусть вразумит вас, в конце концов! Наставит на путь истинный! Призовет... куда-нибудь...

Коровкин внезапно расхохотался.

– Свихнулся, – испугалась Нюта. – До чего денег хотелось человеку...

Словно подтверждая ее слова, Генка подпрыгнул и исполнил вокруг стола дикий папуасский танец с выбрасыванием ног в стороны. Подскочил к тетушке и смачно расцеловал ее в обе щеки.

– Уйди, бесноватый! – сопротивлялась Марфа. – Да что с тобой такое?

– Что со мной? – воскликнул Генка. – Да ничего! Человеком нормальным снова стал. Ну, Марфа, ну ты учудила... Я себя насквозь изгрыз! Измучился оттого, что стал на тебя смотреть, как на мешок с деньгами. Такие залежи гадости в себе обнаружил – страшно сказать!

– А-а, так вот почему ты сбежать-то попытался...

– Поэтому, тетушка, поэтому, – радостно подтвердил Коровкин. – Хотел, выражаясь стилем нашего Иннокентия, избежать искушения. Чтобы по-человечески к тебе относиться, как прежде, а не выгадывать, как бы половчее тебе понравиться.

– А богатство мое тебя не смущает? – сощурилась Олейникова.

– Не-а, – легко ответил Генка. – Меня ничье богатство не смущает, пока мне не говорят, что оно может стать моим. Но твое-то не может, так?

– Так, – подтвердила Марфа.

– Ну и прекрасно!

Генка вернулся на место и трижды поцеловал жену в макушку. Выглядел он и в самом деле не вполне вменяемым.

Лена терпеливо снесла изливания супруга.

– Сядь, не пугай людей, – попросила она. – Говорила я тебе, что ты ерундой маешься...

Ева отодвинула тарелку и встала.

– Отвратительно! – сказала она, будто выплюнула. – Я уезжаю сейчас же.

– И я, – поднялся Борис.

– Вы что же, ради денег приезжали? – удивилась Марфа. – Вот те раз. А я-то думала, ко мне на праздник!

Борис снова что-то закричал в ответ, Ева не отставала. У них на подпевках дискантом выступал Иннокентий, свирепо тряся бородкой. Марфа уверенно оборонялась.

Матвей перестал вслушиваться в то, что они выкрикивали друг другу. В общем хоре голосов пять минут назад прозвучало что-то важное, и он пытался понять, что именно.

Ведь прозвучало же.

Буквально только что.

Свинья, базар, село Свиридово... Служение Господу, издевательство над людьми, будет жаловаться...

Что? Что?!

Матвей смотрел, как Нюта робко дергает мужа за рукав, а тот, брызжа слюной, не обращает на нее внимания... «Видно, Марфа здорово завела

нашего Кешу, – подумал Олейников, – ведь обычно он так заботлив...»

Веточка моя.

Матвей медленно начал подниматься. Лицо его изменилось, и, видимо, изменилось сильно, потому что все скандалисты вдруг смолкли и испуганно уставились на него.

– Матвей, Матвей, – успокаивающе обратился Борис. – Ты чего, брат?

– Матюша, все в порядке, все в порядке, – забормотала тетушка, побледнев.

Наверное, решила, что сейчас он будет всех убивать.

Не всех. Только одного.

Кто-то мелькнул у входа в гостиную. Все обернулись, и Матвей тоже вынужден был посмотреть в ту сторону.

– Ох ты ж елки-палки... – пробормотал Генка.

В дверях стояла босая Маша Успенская в белом свитере и какой-то странной юбке, будто сшитой из заслуженной половой тряпки. Одну грязную ногу она поджимала под себя. По плечам золотистой мантией струились волосы. В руке она что-то сжимала.

– Матвей, – сказала Маша, игнорируя взгляды, – мне нужно с тобой поговорить. Сейчас же.

Матвей немного подумал.

– Всем сидеть здесь, – наконец произнес он без выражения. – Кто попробует уйти – догоню и ноги вырву.

Иннокентий поежился и поджал колени. Детская смешная угроза прозвучала совсем не по-детски. И вовсе не смешно.

– Я не понял... – начал Борис.

Но Матвей уже шел к выходу. На слова Ярошкевича он даже не обернулся.

В коридоре Маша схватила его за руку горячей ладонью, потащила за собой.

– Матвей, я поняла, поняла! – зашептала она. – Они нас не слышат?

– Нет, конечно.

Она остановилась и сунула ему под нос ржавые наручные часы.

– Это что за раритет? – поинтересовался Матвей.

– Ты не понимаешь! На, смотри!

Возбужденно дыша, она показала гравировку на обратной стороне часов.

– Ты видишь? Видишь?!

– «С любовью навсегда – А.И.», – прочитал Матвей.

– Я думала, думала, и вдруг мне все стало ясно! – быстро-быстро

заговорила Маша. – Он их носил, потому что это был ее подарок! Даша подарила их ему, она была очень влюблена и купила хорошие часы. И сделала гравировку! Это очень важно, понимаешь?

Она все время повторяла это свое «понимаешь» и заглядывала в глаза. Это сбивало Матвея, мешало сосредоточиться на ее рассказе.

– Я понимаю, – раздраженно подтвердил он. – И что дальше?

– А дальше Марк каким-то образом понял, что это именно он! Может быть, догадался сопоставить институты. Ведь у них один институт, в этом не может быть сомнений. Именно там они и познакомились. Она – студентка, он – преподаватель. Такое часто случается. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Матвей.

– Марк решил поговорить с ним после ужина. Они стояли в библиотеке – то есть, по-нынешнему библиотеке, а тогда это был чулан – и разговаривали. Освальд сказал, что ему все известно. Или что-то в этом роде, не знаю... Может быть, предложил ему написать явку с повинной. Мог Марк такое предложить?

– Мог. Это было бы вполне в его духе.

– И после этого разговора Марк зашел к тебе и оставил ту самую записку. А он – он, оставшись один, сообразил, что часы – это единственное, что связывает его с девушкой! Ведь у механических часов есть номер, их можно отследить... Могли найтись свидетели, которые видели, как Даша покупала их в магазине. Она могла с кем-то советоваться! И что он сделал, поняв это? В комнате его ждала жена, он не хотел больше рисковать. Нельзя было позволить, чтобы кто-то заметил их на нем. И тогда он снял часы и бросил за окно, в заросли – туда, где никому и в голову не пришло бы искать.

– Вернее было бы закопать где-нибудь в лесу.

– Да, но не забывай, что у него не было времени! Он вынужден был действовать очень быстро, впопыхах. Но, открыв окно, увидел Марка, идущего на реку. От часов ему удалось избавиться...

Маша замолчала.

– Понимаю, – сказал Матей, хотя она больше не спрашивала его, понимает ли он. – И от Марка он избавился тоже.

– Ты мне веришь? – осторожно спросила Маша, хватая его тонкими пальцами за руку. – Веришь?

Матвей невесело усмехнулся.

– Мне не нужно тебе верить. Я точно знаю, что ты права. Я даже знаю, как Марк догадался, что убийца – именно Анциферов.

– Знаешь? – недоверчиво переспросила Маша.

– Тогда, на ужине, десять лет назад он назвал свою жену веточкой. При всех, за столом. Это редкое обращение. Даже я хорошо запомнил, как Освальд рассказывал об этом, а уж Марк наверняка не смог бы забыть, даже если бы очень захотел. Никто не обратил на это внимания, кроме Марка. Я выходил пару раз на кухню, помогал Марфе – должно быть, именно в это время Иннокентий и обратился к жене.

Когда я вернулся, Марк был уже хмур и неразговорчив. Потому что он все понял. Как и ты, вспомнил, в каком институте преподает наш Кеша, сопоставил, что влюбленность Даши совпала с ее поступлением на философский факультет, и у него не осталось сомнений.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я только что слышал слова Иннокентия. Он сказал дословно следующее: «Нет, постой, веточка моя». Веточка моя!

Маша молча кивнула, глядя на остановившиеся часы.

– И что ты будешь делать? – негромко спросила она. – Теперь мы знаем правду. И что?

– Я придумаю что, – пообещал Матвей и пошел обратно в гостиную. – Прямо сейчас и придумаю.

Маша, прихрамывая, побежала за ним следом. Матвей остановился, подхватил ее под руку и потащил за собой, не обращая внимания на призывы подумать хорошенько и все разложить по полочкам.

Когда они ворвались в гостиную, комната гудела, как улей. Но Олейников сразу увидел, что все остались на своих местах. Только Борис стоял за сидящей Евой, держась обеими руками за спинку ее стула.

– Все могут быть свободны, – объявил Матвей, подходя к ним. – Кроме тебя, Иннокентий. Нюта, прости, тебе, наверное, лучше уйти. Мне нужно поговорить с твоим мужем.

Нюта даже не обиделась.

– Куда же я уйду? – На нежном личике было написано недоумение. – Я всегда с Кешей.

Матвей посмотрел на ее обтянутый платьем живот и потер лоб. Черт, этого он не предусмотрел.

– Я тоже хочу послушать! – объявила Ева. – Что за секретники у вас, мужчины? Раз не обломилось мне богатства...

– А ну, цыц! – рявкнула Марфа.

Голос у нее был такой, что Ева опешила и умолкла.

Олейникова привстала, не сводя глаз с Иннокентия.

– Матвей... – хрипло сказала она, но смотрела при этом на Анциферова. – Матвей?!

– Да, – кивнул Матвей, наплевав на Нюту. – Да, это он.

Марфа села. Не села, а упала на стул, будто ноги у нее подломились.

– Господи, твоя воля... – прошептала она. – Ты уверен?!

– Да. Есть доказательства.

– Что такое?! – запаниковал Анциферов, переводя взгляд с Матвея на тетушку. – Это похоже на какой-то заговор! О чем вы тут твердите?

Несколько секунд Матвею невыносимо хотелось свернуть шею этому повизгивающему перепуганному мерзавцу. Он даже сделал шаг к Иннокентию. Но на руке тяжелым грузом повисла Маша – не пытаясь задержать его, а всего лишь не успевая за ним со своей хромой ногой.

И Матвей остановился.

Анциферов вжался в стул.

– А почему ты на меня так смотришь?! – вознегодовал он. – Кто-нибудь, объясните, почему он на меня так смотрит?!

– Матвей, что происходит? – спросил Гена.

Матвей повернулся к нему и почувствовал, что его бешенство уходит. Генка, добрый Генка, смешной тощий Генка... Лопух, как они дразнили его в детстве. Можно было спокойно смотреть на Генку и не думать о том, что, возможно, именно он...

Не он. Другой.

– Этот червяк убил Марка, – сказал Матвей, не повышая голоса. – И еще одного человека. Девушку.

– Что ты несешь?! – взвизгнул Иннокентий.

– Как?! – спросил Гена и нахмурился. – Что ты сказал?

Стараясь не смотреть на Нюту, Матвей сухо и бесстрастно повторил историю гибели Марка Освальда, показав его записку.

Во время его рассказа Иннокентий встал и попытался выйти, но путь ему преградил Борис. Анциферов бочком пробрался в дальний угол и оттуда слушал Олейникова.

Когда записка дошла до Евы, она смотрела на нее очень долго. Так, словно не умела читать и разбирала текст по буквам.

– Вернусь – по-го-во-рим, – по слогам произнесла она. – Поговорим.

Взгляд широко раскрытых глаз стал отсутствующим.

– Ева? – вопросительно позвал Матвей.

Она не отреагировала.

– Ева! – Борис дотронулся до ее плеча.

Ее словно ударило током. Она дернулась, записка выпала из рук.

– Так Марка убили, – прошептала Ева и глубоко, прерывисто вздохнула, как человек, которому не хватает воздуха. – Убили? Точно?

– Да, – сказал Матвей. – Мне очень жаль, Ева.

– Тебе – жаль? – недоверчиво повторила она. – Жаль?!

Она вскочила, как будто собиралась бежать куда-то. Взгляд иступленно перебежал с одного лица на другое и, наконец, остановился на Маше.

– Его убили, правда? – умоляюще спросила Ева и протянула к ней руки. – Они меня не обманывают?

Маша покачала головой.

– Нет, не обманывают. Мне тоже очень жаль.

Ева уронила руки, запрокинула голову и громко расхохоталась. Звонкий смех разнесся по комнате, эхом отразился от стен. Ева тряслась от смеха, пока он не перешел в рыдания с икотой. Борис схватил женщину за плечи и силком усадил на стул.

Ева билась в истерике, уронив голову на руки.

– Жаль! – невнятно выкрикивала она. – Господи, что вы знаете?! Вы... жить с мыслью... что покончил!.. И все эти взгляды, будто это я его! Десять лет... сыну боялась говорить... Думала, будет обвинять меня, как и все вы! Как и все вы!

– Лена, воды, – тихо сказала Марфа.

Лена Коровкина бросилась на кухню и вернулась со стаканом. Борис выхватил его у нее из рук и попытался напоить Еву. Зубы ее стучали о стекло, выбивая мелкую дробь, стакан в руке ходил ходуном.

– Господи... – рыдала Ева. – Не сам... не сам!

С нежностью, поразившей Машу, Борис обнял женщину за плечи и заставил сделать несколько глотков.

– Вот так... – приговаривал он. – Потихоньку, потихоньку...

Вода текла по подбородку, по халату Евы. Лицо ее покраснело и чудовищно распухло, волосы налипли на лоб.

Ярошкевич осторожно убрал мешающую прядь. Остальные молча смотрели на них, не пытаясь помочь, понимая, что любое вмешательство будет лишним.

– Ничего, ничего... Все хорошо, – ласково сказал Борис. – Уже все.

– Боренька... – всхлипнула Ева. – Это он его убил, не я!

– Я категорически протестую! – высунулся из своего угла Иннокентий. Но взгляд, брошенный Ярошкевичем, заставил его отступить назад.

– Пойдем, Евочка, пойдем.

Борис поднял Еву, обнял за плечи.

– Я ее увожу, – жестко сказал он, обращаясь к Матвею. – С этим козлом разбирайтесь сами. Ей это не нужно.

Матвей кивнул.

Поддерживая женщину, Борис вывел ее из гостиной. Хлопнула дверь.

– Столько лет в себе это носила... – прошелестела Марфа. – Бедная, бедная.

Она обернулась к Анциферову.

– Все ты, сволочь! А ну, поди сюда!

– Не смейте так его называть! – громко сказала Нюта и поднялась. В голубых глазах светился гнев. – Кто дал вам право обвинять его? Вы – не суд! Вы всего лишь тетя!

Это прозвучало смешно, но никто не улыбнулся.

– Наверное, вы правы, и Марка Освальда действительно утопили. Меня тогда здесь не было, я не могу судить. Но почему вы решили, что это сделал Кеша? Неужели вы так плохо знаете его? Он благородный человек, не способный на преступление!

Она положила руку на живот, успокаиваясь. Никто не посмел ей возразить.

Иннокентий вышел на свет. Слова Нюты подействовали на него волшебным образом. Он выпрямился, бородку горделиво выставил вперед и сложил руки на груди. В эту минуту ни один из них не назвал бы его перепуганным кроликом.

И Маше это преображение очень не понравилось.

– Спасибо, дорогая моя! – прочувствованно сказал Иннокентий. – Ты мой луч света в этом темном царстве.

– Она-то луч, – прокрипела Марфа. – А вот ты – гнида, как есть гнида.

– Вы грязными словами не разбрасывайтесь, – посоветовал Анциферов тетушке. – Вам за сквернословие потом в аду гореть, не мне!

– Ах, ты...! – привстала Марфа.

– Спокойно, спокойно! Эй, уберите этого психа!

Последнее относилось к Матвею, который все же отпустил Машу и направился к Иннокентию.

– Матвей! – перепугалась тетушка. – Только не убей его!

– Зачем мне его убивать? – процедил Матвей. – Мне еще от него признание нужно получить.

– Какое еще признание?! – изумился Иннокентий. – Милейший, ты в своем уме? Насочинял историй, построил замки на песке... Эта записка, который ты размахивал у нас перед носом, ничего не доказывает!

– Почему же? – не выдержал Гена. – По-моему, очень даже доказывает. Анциферов окинул его взглядом, полным снисходительного

сочувствия.

– Ах, Гена, Гена... И тебе наш Матвей запудрил мозги. Да, Марк собирался вернуться с прогулки. Ну и что? Он мог утонуть и сам, попав в водоворот. Совсем не обязательно кому-то было его топить. И уж подавно это незачем было делать мне! Пусть не самоубийство – но несчастный случай!

Он победоносно взглянул на Матвея.

– А ведь и в самом деле, – задумчиво проговорила Лена. – Записка не доказывает, что смерть Марка была именно убийством.

– Вот видите! – обрадовался Иннокентий. – Видите? Голос разума все-таки иногда побеждает!

Но Матвея это не сбило.

– А я и не говорил, что записка доказывает факт убийства, – спокойно сказал он. – Ты передергиваешь, Кеша. Правда, делаешь это очень аккуратно, не могу не отдать тебе должное.

– Покажите мне эту пресловутую записку, – потребовал Иннокентий и властно протянул руку к Марфе, сжимавшей свернутый листок. – Я единственный, от кого ее почему-то скрыли.

– Не показывай, – предупредил тетушку Матвей. – Порвет. Но дело ведь не только в записке, Кеша.

– Я весь внимание, – саркастически сказал Анциферов. – Что еще ты придумаешь?

– Когда мы с Марфой поняли, что Марка убил кто-то из вас, то решили собрать всех здесь. Докопаться до истины. Глупая была идея, ну, да сейчас не об этом. В принципе она сработала. Марфа разыграла из себя сумасшедшую, которая по какой-то причине уверена в том, что Марк убит. И даже косвенно дала понять, что знает имя убийцы.

– А я усомнился в вашем психическом здоровье, – признался Коровкин, виновато глядя на Марфу Степановну.

– Так и было задумано. Убийца не мог знать точно, что известно тетушке. Мы предполагали, что ее слова заставят его действовать. Так и получилось.

– Ева! – воскликнула Лена, быстрее мужа сообразившая, о чем идет речь. – Мне сразу показалось, что с этой вьюшкой что-то не так! Марфа Степановна не могла оставить ее закрытой!

– Спасибо за доверие, – поклонилась Олейникова. – Не могла и не оставляла.

– Снова хотите выдать несчастный случай за покушение? – фыркнул Анциферов. – Бред! Глупая женщина сама закрыла трубу и угорела.

Кажется, он почти наслаждался их разговором.

– Ну же, что у тебя там еще, – подбодрил он Матвея. – Не стесняйся, сообщи широкой общественности!

Матвей посмотрел на Машу.

– Я сообщу широкой общественности, – сказала Успенская. – А заодно и вам, Иннокентий. Вы, наверное, гадаете, каким образом Марфе Степановне удалось выбраться из ямы...

И рассказала обо всем, что случилось с ней утром.

Вот это действительно произвело на них впечатление. Лена прижала ладонь к губам, с ужасом глядя на Машу. Нюта побледнела и опустила на стул. Генка поначалу порывался через каждое предложение перебить Успенскую, но в конце концов смолк и слушал, часто-часто моргая маленькими глазками.

Когда она закончила, все посмотрели на Анциферова, словно по команде.

– Я не знал, – пробормотал Иннокентий и выставил вперед ладони, защищаясь от их взглядов. – Не знал!!

Но его слова прозвучали неубедительно, он и сам это понял.

– Конечно, не знал, – с обманчивым благодушием согласился Матвей. – Тебя доха ввела в заблуждение. Ты был уверен, что это Марфа.

– Ложь!

– Ты избавился от жены, отправил ее в сад подышать свежим воздухом, а сам заточил колья и установил их в своей ловушке.

– Наглая клевета!

– Записка, гибель Марка, два покушения подряд на Марфу, объявившую во всеуслышание, что Освальда утопили, – и ты будешь уверять меня, что это было не убийство? Только один человек был заинтересован в том, чтобы Марка не стало. Кеша, это ты. У тебя был мотив. Ты преподаешь философию в институте, в который поступила Даша Мысина. Это очень легко проверить. Странно, что Марк сам не заподозрил, что искать нужно среди преподавателей.

Иннокентий шагнул к Нюте и простонал:

– Нет, веточка моя, нет! Не слушай их! Слушай себя, свою душу! Она подскажет тебе, что я невиновен.

Нюта вцепилась в подол платья так, что побелели костяшки пальцев.

– Она вам не верит, – негромко сказала Маша, и все посмотрели на нее, кроме Нюты, не сводившей глаз с мужа. – Вы назвали ее веточкой, так же, как ту девушку, первокурсницу, с которой у вас была связь. Она забеременела и пришла просить совета у Марка Освальда, друга ее семьи.

Или вы станете утверждать, будто не знали, что Даша беременна от вас?

– Кеша, только не лги! – взмолилась Нюта.

И вновь, как и в первый раз, ее слова заставили Иннокентия воспрянуть духом. Он горделиво вскинул голову.

– Нет, не стану! Глупо отрицать очевидное. Да, Даша Мысина была моей любовницей. Она забеременела (я полагаю, нарочно, чтобы привязать меня к себе). Но Даша была почти совершеннолетней! Все произошло по обоюдному согласию. И вы не смеете называть наши отношения преступлением!

– Преступления в ваших отношениях не было, – согласилась Лена Коровкина, внимательно разглядывая Иннокентия, точно впервые увидела его. – Лишь нарушение этики. Но это, наверное, вас не очень беспокоит.

– Не очень, – напыщенно подтвердил Анциферов. – Что такое правила социума против законов природы? Пыль, ничто! Нас тянуло друг к другу, я был влюблен, она тоже... Что могло быть естественнее нашей любви!

– Что же ты, естественный наш, в таком случае не захотел, чтобы она родила твоего ребенка? – поинтересовался Матвей.

– Это касалось лишь нас двоих, но я тебе отвечу, – снизошел Иннокентий. – Потому что был уверен, что этим она испортит жизнь и себе, и мне. Любовь, страсть, слияние душ и тел – это одно. А продолжение рода – другое. Не надо смешивать!

– Ты струсил, – убежденно сказал Матвей. – Когда девушка сказала, что оставит ребенка, ты понял, что над тобой будет постоянно висеть угроза. Ведь если бы эта история дошла до твоей жены и ее отца, ты потерял бы все. Деньги, квартиру, работу – все! Тебя с ног до головы облагодетельствовал тесть. Он не стал бы терпеть козла, крутящего романы с первокурсницами в его собственном институте! Ты бы вылетел с работы с волчьим билетом и в лучшем случае смог бы устроиться истопником в котельную. Если бы очень повезло.

На желтых щеках Иннокентия вспыхнул румянец.

– Я – струсил?! – взвизгнул он. – Ничего подобного! Я не переношу давления, я свободная личность! А она хотела повесить на меня ответственность.

– Она даже не собиралась записывать тебя в графе «отец»!

– Это не имеет значения! В любой момент она могла передумать, рассказать родителям, подругам...

Пошли бы гнусные слухи... А я ни в чем не виноват! У меня семья! Я должен был оберегать жену.

– Поздно ты спохватился, – усмехнулся Генка. – Оберегать жену нужно

было до того, как ты завел молоденькую любовницу. Что же ты сказал девушке?

– Мы встретились, поговорили по-хорошему. Я предупредил ее, что ничем и никогда не помогу ее ребенку. А если она вздумает сделать ДНК-тест, ослаблю ее на весь институт: расскажу, что это она меня соблазнила. Как видите, я с вами вполне откровенен. И с ней тоже не церемонился.

– Да ты, Кеша, законченная мразь... – удивленно протянул Коровкин.

– Без ярлыков, пожалуйста! Я всегда ценил откровенность в отношениях. Даша выслушала меня, кивнула и ушла. Вот и все.

– Ты забыл добавить, что столкнул ее с моста, – бросил Матвей.

– Чушь!

– А потом утопил Марка Освальда.

– Чушь вдвойне! Да, Марк вызвал меня на разговор, не стану отрицать. Я, признаться, так толком и не понял, чего он хотел. Мне показалось, он был пьян. И его смерть только подтвердила мои подозрения! Он утонул, утонул сам. Не смейте обвинять меня в его гибели!

Маша и Матвей переглянулись. Значит, разговор между Освальдом и Анциферовым все-таки состоялся. Их догадки были верны.

Иннокентий нацелил на них длинный палец:

– Вы! Да-да, ты, Матвей, и наша новая родственница! Не думайте, что я вас боюсь. Решили найти козла отпущения? Не выйдет! Иннокентий Анциферов с вами в поддавки играть не станет! А если вы вздумаете обвинить меня официально, то выставите себя в исключительно глупом свете. От всего буду отпираться! Я вам только что солгал про Дашу Мысину! Не было между нами ничего. А вы что же, поверили? Ха-ха! Ха-ха-ха!

Он очень натурально покатился со смеху. Отсмеявшись, вытер выступившие слезы и уже серьезно сказал:

– У вас нет ни одной улики, ни одного доказательства. Ничего, кроме домыслов. Не будете же вы всерьез ссылаться на это слово – «веточка»? Я вам назову еще десяток мужчин, которые говорят это своим женщинам. И тогда посмотрим, что вы на это скажете! Все-все, больше никаких разговоров. Вы меня утомили! Нюточка, пойдем отсюда...

«Да, Анциферов вовсе не такой слизняк, каким казался, – подумала Маша. – Сейчас он уйдет, и никто его не остановит. Он снова нас переиграл».

Но Матвей не выглядел побежденным.

– Ни одной улики, говоришь? – усмехнулся он. – Я все-таки попробую кое-что предъявить в качестве доказательства твоей связи с Дашей. А там

уж пусть следователь разбирается... У убийства нет срока давности.

– И что же? – насмешливо поинтересовался Иннокентий.

Матвей обернулся к Маше и взял у нее часы.

– Да хоть вот это, – небрежно сказал он.

И показал их Иннокентию.

– «С любовью навсегда – А.И.» – громко прочитал Матвей.

Анциферов изменился в лице. Весь его апломб исчез. Не сводя глаз с часов, он сделал несколько неуверенных шагов и остановился.

– Где ты их взял? – ошеломленно спросил он.

– Маша нашла их в кустах под окнами библиотеки. Экспертиза установит, что провалялись они там приблизительно десять лет. Сказать тебе, откуда они там взялись?

– Нет, – прошептал Анциферов.

– Мне скажи! – попросил ничего не понимавший Генка.

Матвей обернулся к нему:

– Кеша выкинул их из окна в тот самый вечер, когда у него состоялся разговор с Марком. Эти часы подарила ему Даша Мысина, сделав дарственную надпись. Он торопился избавиться от улики, доказывавшей их связь, и...

Матвей осекся.

Иннокентий стал страшен. Никогда раньше Маша не видела такого стремительного и жуткого преобразования. Он побелел, челюсть отвисла, как у покойника. Глаза выкатились и, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

– Часы... – прохрипел Анциферов.

Он перевел глаза на жену.

Всех потряс его полный отчаяния взгляд. Так мог смотреть лишь человек, понимающий, что для него все кончено.

Нюта горестно прижала руки к груди.

Маша впервые в полной мере смогла оценить смысл выражения «словно громом пораженный». Анциферов выглядел как человек, которого настигла кара небесная. Из просто бледного он на их глазах стал пепельно-серым. Кожа на скулах натянулась, губы посинели, на них вскипела слюна.

За несколько секунд полный жизни человек превратился в оживший скелет. Он стоял, покачиваясь, перед ними и протягивал руки к часам, которые держал Олейников.

Даже Матвею стало не по себе.

Но самым страшным было то, что лицо Анциферова внезапно перекосилось. Правой половиной Иннокентий ухмылялся и гримасничал, левая же окаменела и уставилась мертвым, невидящим глазом на

попятившуюся Машу.

– Матвей! – тревожно крикнула Марфа. – Срочно вызови...

Но договорить она не успела.

Иннокентий дико закричал и рухнул на пол.

Глава 10

Полуденное солнце светило так же ярко, как в день Машиного приезда. Только воздух был колкий, еще не успевший прогреться. Иван-чай так же плескался на краю поля, и по-прежнему ветер теребил толстую еловую шкуру леса.

Казалось невероятным, что она приехала всего два дня назад.

Не может быть.

Прошел месяц или даже два! Учитывая ее странные отношения со временем, это было бы неудивительно. Но два дня...

«Жернова Господни мелют медленно, но верно».

Так сказала Марфа Олейникова.

Но не сразу. До этого она плакала.

Слезы струились по ее щекам, пока она помогала Нюте раздеть бесчувственного Анциферова, пока молча ждали «скорую», пока Матвей разговаривал с врачом...

– Делать прогнозы в данном случае – шарлатанство! – донесся до нее сердитый голос доктора. – А я дорожу репутацией. Инсульт есть инсульт.

Марфа отлично знала, что такое инсульт.

Сидя на крыльце, глядя вслед отъезжающей машине, она оплакивала всех: и Марка, и Кешу, и незнакомую ей девушку Дашу, и ее нерожденного ребенка, и Нюту, самоотверженную Нюту, не отходившую от мужа ни на шаг.

Ох, бедная девочка. Быть ей прикованной к паралитику ближайшие годы. А может быть, и до конца его дней.

Марфа вытащила из кармана платок и принялась утирать льющиеся слезы.

Маша пристроилась около нее, обняла за плечи. «Бог ты мой, – подумала Марфа, не поворачивая головы, – будто сама Зойка рядом сидит». В ее присутствии Олейниковой всегда становилось легче.

Вот и на этот раз она успокоилась. Промокнула напоследок глаза и убрала платок.

– Ужасно, – дрожащим голосом сказала Лена. Это было первое слово, произнесенное ею за все время с того момента, когда Иннокентий упал. – Ужасно. И убийство Марка, и девочки этой бедной, и то, что случилось с

Кешей...

Вот тогда-то Олейникова и сказала, что жернова Господни мелют медленно, но верно.

– Матвей, скажи честно: ты рассчитывал на такой исход? – спросил Гена.

Оба стояли возле крыльца, глядя в ту сторону, где исчезла машина «Скорой Помощи». Под ногами у них пристроилась Тявка.

Матвей отрицательно покачал головой.

– Я надеялся, что он признается при всех. Только и всего. Что я прижму его к стенке раньше, чем он поймет, что наши улики ничего не стоят.

Услышав это, Маша встрепенулась:

– Почему не стоят?

– Потому что они ничего не доказывают, – усмехнулся Матвей. – А лишь дают почву для наших догадок. Спустя десять лет вряд ли возможно было бы достоверно утверждать, что часы Иннокентию подарила Даша. А потом, если бы и так? Подумаешь, подарила. Это не делает его убийцей.

– И ты об этом знал?! – воскликнула Маша. – Знал, когда обвинял его?!

– Разумеется, – удивился Матвей. – Наши так называемые вещдоки для суда и следствия ничего не стоят. Но я ведь и не судья.

– Ты хотел лишь услышать признание от Анциферова, – понимающе кивнул Коровкин. – Эх, крепкий орешек оказался наш Иннокентий. Если бы не часы...

– Господи, как вспомню его лицо, – содрогнулась Лена. – Будто человек развалился на части у тебя на глазах.

Маша подумала, что сказано точно. Иннокентий развалился. Сначала на две половины, а потом рассыпался на мелкие осколки.

– Но почему именно часы? – Марфа тяжело поднялась, цепляясь за перила. – Отчего Кешка так испугался, раз с их помощью нельзя ничего доказать? Не понимаю...

– А я понимаю, – задумчиво сказала Лена. – Наверное, за десять лет он постарался забыть о том, что была эта девушка в его жизни. Что он убил ее. Слова Матвея сначала его испугали, но он быстро понял, что это всего лишь слова. А потом увидел вещь, которая неразрывно была связана с Дашей. От нее нельзя было отмахнуться, как от слов. Мне кажется, что все случившееся встало у него перед глазами. Может быть, он первый раз в жизни признался себе, что убил человека. Он ведь трус, Матвей прав...

Но Марфа покачала головой – слова Лены не убедили ее до конца.

– Нет, здесь что-то еще...

– Страх, тетя Марфа, именно страх, – подтвердил Гена. – Только Кеша не прошлого испугался.

Он принял угрозу Матвея всерьез. Решил, что часы – весомая улика, и теперь его точно посадят лет на пятнадцать. За два-то убийства...

– Положим, одно недоказуемо, – откликнулся Матвей.

– Ему бы и второго хватило.

Коровкин помолчал и признался:

– Знаете, никак не могу избавиться от ощущения, что все мы – участники театральной постановки. У меня оно сразу присутствовало, как только я увидел этот дом. А потом, когда тетя Марфа объявила о разделе слонов, то есть наследства, только усилилось. Теперь понятно почему. Никакого наследства ты не собиралась раздавать, а, тетушка? Признайся уж.

Марфа прокашлялась.

– Сказать по правде, никакого наследства-то у меня и нет.

– Как это? – опешил Гена. – А то, что тебе муж оставил?

Старуха шмыгнула и утерла пальцем нос. Вид у нее был весьма сконфуженный.

– Не было у меня мужа, голуби мои. Вы слишком хорошо обо мне думаете, если считаете, что я могу в семьдесят с лишним лет выйти замуж.

Лена поднялась со ступенек, изумленно глядя на нее.

– Вот те раз! – Геннадий развел руками. – А Светицкий?

– Светицкий... – проворчала Марфа. – Ну что Светицкий... Да, был такой состоятельный человек, Яков Семенович. Никогда в жизни его не видела, только в газетах про него читала, что Матвей мне принес. Ну что вы таракитесь, как две лягушки?! – не выдержала она. Взглянула на Машу и поправила: – Три. Придумали мы с Матвеем этого Светицкого! В смысле, как мужа моего придумали. Нужно ведь было нам как-то объяснить, откуда у меня взялось состояние, которым я должна вас подманивать и соблазнять... Вот Матюша и пустил утку.

– Нет, подождите, – всполошился Коровкин. – Но мы же видели документы! А фабрика в Пензе? А типографии в Минске? А заводик арабских скакунов?! Что же, все подделка?!

– Орловских, – тихо поправил Матвей. – Орловских рысаков.

– Да хоть дерипупинских! Даже если вы подделали документы на типографии и заводики, это все, – он широко провел рукой вокруг, – откуда взялось?! Дом этот, хозяйство, лес...

– Лес не в частной собственности! – открестилась Марфа.

– А все остальное – в частной! Не будешь же ты говорить, что

построила это все на свою пенсию в четыре с половиной тысячи?

– Восемь девятьсот, – поправила Марфа. – Я, между прочим, труженица тыла.

– Марфа! Ты меня с ума сведешь!

– Правда, Марфа Степановна, – поддержала Лена, – это ведь ваш дом!

– Вообще-то нет, – вздохнула Олейникова. – Дом его.

И показала на Матвея.

Повисшее молчание нарушила Маша.

– Точно! – вдруг громко сказала она и хлопнула себя по коленке. – А я-то думаю – что не складывается?! Книги в библиотеке не складываются! Фантастика и Бушков! И еще – ты дал котам имена. Спрашивается, почему бы Марфе Степановне не переименовать Глюка и Фантома, раз ей не нравились эти клички? Но она оставила их, а все потому, что это твои коты. И свинья тебя явно узнала!

– Смешно звучит – «узнала свинья», – заметил Матвей.

– Но она тебя действительно узнала! Ты здесь ориентируешься, как у себя. А все потому, что ты действительно у себя. Это твой дом. Ты здесь хозяин.

Генка приоткрыл рот.

– Матвей, правда?

– Почти, – вынужден был признаться Олейников. – Коровки-свиньи-курочки – это Марфина затея. Она здесь живет круглый год.

– А он приезжает, когда хочет, – добавила старуха. – Дом мне перестроил, нанял помощниц.

– Можно было и новый дом купить, но очень уж место здесь хорошее, – почти виновато сказал Матвей. – Разве что доехать нелегко... Но осенью уже начнут делать дорогу.

– Для орловских рысаков? – не удержалась Лена.

– Нет, – серьезно возразил он. – Рысак – конь хрупкий, нежный. Они у меня в холе и неге живут, почти как Дульсинея.

Коровкин отступил на шаг и взгляделся в Олейникова.

– Матвей, а Матвей! – с опаской позвал он. – А ты кто?

Машу тоже интересовал этот вопрос.

Матвей вздохнул.

– Директор компании «Олейников-групп», – сказал он. – Прибамбасы всякие делаем для путешествий. Ну и еще разным занимаемся... По мелочи.

И тут Маша вспомнила. Она не раз видела их в Москве – магазины с ярко-зеленой вывеской «При-бамбасы». Несерьезное словечко, но в

магазинах закупались вполне серьезные люди. Здесь можно было найти все: от удобной туристической кружки со смешной надписью до настоящих унтов, от вечной зажигалки до альпинистской палатки. Сеть «Прибамбасов» работала по всей стране, доставляла свои товары в любую дыру и постоянно открывала новые магазины.

Она даже вспомнила слоган.

– Товары для путешественников по жизни!

– Точно! – сказал Матвей. – Это, кстати, я придумал.

Генка присвистнул:

– Вот ты даешь! А почему молчал?!

Матвей развел руками:

– Как-то к слову не пришлось.

– Так расскажи хоть теперь!

Коровкин вцепился в Матвея, требуя подробностей, и они пошли бродить по саду. Лена двинулась к ним, а Марфа поднялась и ушла в дом.

Маша осталась одна на крыльце. Она бы с радостью присоединилась к Коровкиным, снедаемым любопытством, но что-то мешало.

«Было бы проще, если бы богатой оставалась Марфа, а не Матвей», – подумала Маша.

Сидеть на крыльце было холодно. Она встала, раздумывая, куда идти. Сталкиваться с Олейниковым и Коровкиными не хотелось, и Маша направилась в другую сторону, вокруг дома.

Она ковыляла по дорожке, сунув озябшие руки в карманы куртки, и думала об Иннокентии. Страшная развязка... Если бы Анциферов не покушался на нее и Еву, впору было бы пожалеть его.

«А Даша Мысина была единственной дочерью у родителей, – тихо напомнил внутренний голос. – Она ждала ребенка. Он убил ее лишь из-за того, что она могла представлять гипотетическую опасность для его благополучия. Слишком дорожил им».

– Слишком дорожил им... – повторила вслух Маша и остановилась.

Она добрела до дальней стены дома – той самой, заросшей бузиной. Только утром ей пришлось ползать здесь по замерзшей земле, ища блокнот Марфы.

Она подняла голову и уставилась на закрытое окно. Как все произошло десять лет назад?

Вечер, двое мужчин стоят у окна. Один говорит коротко, отрывисто, с омерзением глядя на второго. А тот, второй, – отвечает ли ему что-нибудь? Клянется, что не виноват? Раскаивается и просит о снисхождении?

Что бы он ни говорил, о чем бы ни умолял, первый выходит из чулана,

ничего не ответив ему. Он заглядывает в соседнюю комнату, никого там не находит, пишет записку. И уходит из дома: здесь слишком много гостей, негде укрыться, негде привести мысли в порядок. Он говорит себе, что искупается в реке и вернется.

Второй стоит у окна, боясь идти в свою комнату. Там ждет жена, и если она хоть что-то прочтет по его лицу... Нет, об этом нельзя даже думать! Он торопливо снимает с руки наручные часы и швыряет их в кусты.

Постойте!

Но это невозможно.

Маша живо представила себе белокурого немногословного Марка Освальда, юлящего Анциферова, его супругу, наливающуюся яростью в крошечной комнатухе: «куда делся Кешка?!» И ей стало совершенно ясно, что один из участников этой сцены не мог поступить так, как они представили.

Иннокентий не мог оставить на руке часы, подарок убитой возлюбленной. Он снял бы их сразу же после ее смерти и выкинул в ближайшую урну.

Но даже если не выкинул. Если вдруг забыл, хотя в это сложно поверить...

Но он не мог носить часы при жене, вот в чем дело. Анциферов панически боялся, что она узнает о его похождениях, и ревностно охранял репутацию примерного супруга. И вдруг – часы! Да еще с дарственной надписью, не оставляющей сомнений в том, что даритель – женщина.

Нет, это исключено!

Они сложили неправильную картину.

Итак, начнем сначала. Часы значат многое. Если бы они не были важны в этой истории, Иннокентий не свалился бы с инсультом.

Как они могли оказаться в кустах? Либо их туда бросили, как мы и предполагали, либо они упали с руки владельца. Есть еще третий вариант – часы подкинули туда специально. Но ей удалось найти их по чистой случайности. Такую случайность невозможно подстроить!

Значит, все-таки либо бросили, либо упали.

До сих пор они рассматривали только одну версию. Она казалась самой вероятной. Но что, если и здесь они ошибались?

Допустим, кто-то забрался в самую сердцевину густых кустов. Что привело его туда, этого таинственного человека? Быть может, он прятался? Бежал за котом, как сама Маша? Присел по естественной надобности?

Подумав о третьем варианте, Успенская хмыкнула. Выражение «гадить

под окнами» в этом случае приобретало буквальный смысл. Вот только кому понадобилось бы...

И вдруг ее словно толкнуло. «Под окнами»!

Постойте-постойте... Минуточку... Дайте сообразить...

Маша зажмурилась от напряжения. Двое мужчин разговаривают возле окна, и оно, конечно, распахнуто настежь, потому что вечер теплый. Ведь Марк потом пошел купаться... А третий – третий стоит в темноте под окном, скрытый густой листвой, и слышит их разговор. Ветки бузины хватают его за руки, когда он пытается выбраться наружу под покровом ночи, и он не замечает, что непрочный замок браслета расстегивается и часы соскальзывают с его запястья – вниз, в редкую траву.

Что ж, все логично... Но отчего же тогда Анциферов изменился в лице, увидев часы у Матвея? Если их подарили не ему...

Маша раскрыла глаза. Бог ты мой, ну конечно!

Если их подарили не ему, значит, это он их подарил.

Картина высветилась у нее перед глазами, словно включили прожектор и направили на стену дома, на окно, на зеленеющие кусты. Все встало на свои места.

И тот человек, что прятался в зарослях бузины, тоже стал виден отчетливо и ясно.

Матвея и чету Коровкиных запыхавшаяся Маша нашла в гостиной мило беседующими за столом. Олейников едва взглянул на ее раскрасневшееся лицо – и оборвал фразу на полуслове.

– Что случилось? – резко спросил он, поднимаясь. – Где ты была?

Но Маша не слушала его.

– Матвей, – тяжело дыша, спросила она, – как зовут Нюту?

Нюта сидела на скамейке в больничном саду. Садик был чахлый, замусоренный. В неглубокой луже у скамейки дрейфовал косяк окурков. Нюта следила за ним, не отрывая глаз: влево-вправо, влево-вправо.

Потому она заметила этих двоих только тогда, когда они подошли вплотную.

Лицо у Матвея было непроницаемое, а вот рыжая сразу себя выдала. Такими глазами смотрела на Нюту, что Игнатова все поняла.

Но ей было все равно. Она даже не стала притворяться, будто удивлена... Сил не осталось.

В ней ничего не осталось. В голове стояла пустота, гнетущая, как больничный коридор. Удивительно, но она никогда не попадала в больничные коридоры как пациентка. Или жена пациента. Оказывается, это

совсем не то же самое, что ходить по ним медсестрой. Как сильно все меняется в зависимости от того, кто ты такой...

Нюта уцепилась за эту мысль, как за спасительную веревку, и попыталась обдумать со всех сторон. Но мысль ускользала. Перед глазами вставал бесконечный больничный коридор с бесконечными дверями.

За одной из них лежал ее Кеша.

Кеша, любовь ее, мечта ее, счастье ее, жизнь ее... Ее дыхание. Без него она – ничто, пустота в оболочке. И в животе ее пустота, и в голове ее пустота, и в душе пустота. Да и нет у нее души. Душа появляется тогда, когда рядом Кеша.

Нюта бы помолилась, если бы умела. Но она не умела. Кому молиться, если ее божество лежит здесь, и лицо его перекошено? Как он спасет ее, если спасение нужно ему самому?

Господи, Кешенька...

С губ Нюты сорвался еле слышный стон.

А эти двое, Матвей и рыжая, все приближаются, непереносимо живые, отвратительные в своей красоте. Они – здоровые, а он – там, в больничной палате.

Нюта уничтожила бы весь мир, согласилась отдать бы все, и своего ребенка тоже, и всех детей, рожденных и нерожденных, лишь бы было наоборот.

Они остановились рядом, рассматривая ее, будто редкое животное. Но сказали не то, что она ожидала услышать.

– Нюта, сколько вам лет? – спросила Маша, почему-то снова перейдя на вы.

Игнатовая даже не подняла на нее глаза.

– Двадцать восемь, – отстраненно проговорила она. – Я знаю, вы думали, меньше.

– У вас лицо без единой морщинки, – сказала Маша и присела перед ней на корточки. – Вы очень юно выглядите, Нюта. Я была уверена, что вам не больше двадцати трех.

– Ну и что? – равнодушно поинтересовалась девушка.

– Десять лет назад вам было восемнадцать. Восемнадцать, а не тринадцать или четырнадцать, как все мы полагали. Это многое меняет.

Нюта сбросила туфли и поджала ноги под себя. Она была в том же светлом платье, в котором Успенская увидела ее первый раз. Только на плечи наброшена простецкая куртка слишком большого размера – явно одолжил кто-то из медбратьев.

Она казалась такой юной, такой беззащитной...

– Это ведь вы их убили, – мягко сказала Маша. – Вы, а вовсе не ваш бедный Кеша.

Девушка дернула плечиком, словно говоря: отстань.

Но от нее не отстали.

– Зачем? – спросил Матвей, наклоняясь к Нюте.

– Послушайте, какая разница! – скривилась она. – Эти люди давно умерли, уже десять лет прошло! Зачем вам что-то знать об их смерти? Я не понимаю... Все это было слишком давно и не имеет значения.

Олейников издал невнятный звук. Но Маша отнеслась к ее словам спокойнее. Нюта сразу знала, что рыжая – толковая.

– Для нас имеет, – сказала Маша. – Марк был другом Матвея. Понимаете, что такое друг?

Успенская спрашивала без насмешки, и Нюта отрицательно покачала головой.

– У меня нет друзей, – сказала она. – Они мне не нужны. Есть Кеша.

«Да, Кеша, который тебе за отца, любовника, мужа и друга», – подумал Матвей. Но ничего не сказал. Олейников мало чего боялся, но девушка на скамейке пугала его, заставляла вспомнить жутковатые легенды про лисицу-оборотня, что днем бродит по улицам в облике девушки, а по ночам перегрызает горло поздним прохожим.

Правда, в Нюте ничего не было от лисицы. Скорее от голубки.

– Кеша... – задумчиво повторила Маша. – Это все из-за него?

Нюта закусила губу и кивнула.

– Вы были очень влюблены в него... Вы знали, что у него есть любовницы кроме вас?

Девушка пожала плечами:

– Ну и что? Я знала, что между нами настоящая любовь, единственная, которая случается с двумя людьми в их жизни. Все прочие – пустяк. Несерьезно.

– Зачем же тогда ты убила Дашу Мысину, если это был пустяк? – не удержался Матвей.

– Она была плохая! – с глубокой убежденностью сказала Нюта. – Я следила за ними и видела, как Кеша смотрел на нее. Он ее боялся! Она могла все испортить, если бы о ней узнала жена Кеши и выгнала бы его. Он должен жить так, как он этого заслуживает!

– Ты столкнула ее с моста, – глуховато сказал Матвей.

Нюта просто кивнула.

– Она не мучилась, – добавила девушка секунду спустя. – Ударилась о землю – и все. Если бы можно было выбирать свою смерть, я бы тоже так

хотела.

– А Марк?

– Марк... – повторила Нюта.

И улыбнулась.

Десять лет назад

...Слава богу, во дворе не оказалось собак! Как пить дать, они бы подняли тревогу, увидев ее. К тому же собаки отчего-то не любили Нюту, хотя она относилась к ним хорошо. Могли бы и покусать...

Но старуха Олейникова не держала собак. Нюта легко перебралась через ограду и скользнула к дому, стараясь держаться в тени.

Бабка, конечно, думает, что ее внучка спит в своей постели... И только удивляется, отчего Нюта легла так рано. Дверь в свою комнату Нюта предусмотрительно закрыла на щеколду, а сама выбралась через окно.

Бабка обрадовалась, когда ее ненаглядная девочка вдруг решила навестить ее в Зотово. То наотрез отказывалась приезжать, говорила, что скучно, и вдруг свалилась в субботу, как снег на голову. «Соскучилась!» – умилялась бабушка.

Соскучилась, да только не по тебе. Кеша, любимый Кеша с женой только что вернулся из поездки. Она не видела его целый месяц! И весь месяц ее раздирала глухая тоска. Впору было бы выть на Луну от охватившего ее одиночества.

Как Нюта ждала его приезда, как мечтала увидеть хотя бы издалека, хоть на минуточку! В пятницу не выдержала и приехала к его дому, ходила кругами, с надеждой поглядывая на темные окна.

И вдруг выяснилось, что Кеша, едва возвратившись, сразу уехал снова. К какой-то дальней родственнице на юбилей.

К счастью, Нюта знала, что это за родственница. Они с Кешей как-то раз случайно выяснили, что Марфа живет неподалеку от родной Нютиной бабки. Только бабка – в деревне Зотово, а Олейникова – в домишке на отшибе.

Нюта собралась и в тот же вечер рванула в родовое гнездо.

Ей так и не удалось придумать предлога, чтобы заявиться к Марфе Олейниковой днем. Если Вера Львовна увидит ее, все будет кончено. Как она объяснит свое появление злобной подозрительной жене Иннокентия?

Пришлось ждать вечера.

И вот она стоит возле дома, вглядываясь в желтые ниши окон, гадая, за каким из них скрывается ее Кеша. Она сможет подать ему знак! Если он

выйдет на пять минут, его свирепая жена не заподозрит плохого, а они урвут у судьбы кусочек счастья...

Нюта медленно шла вокруг дома, пригибаясь, чтобы не заметили из окон. И вдруг услышала голос Иннокентия.

– Ты не смеешь!..

И тихое неразборчивое бормотание.

Не раздумывая ни секунды, Нюта нырнула под переплетенные ветви. Продралась через них, царапая руки, и оказалась у самого окна. Прижалась к стене, затаила дыхание. Комары облепили шею и плечи, но Нюта боялась пошевелиться.

То, что она услышала, потрясло ее. Как этот человек смеет обвинять Кешу?! Он грозит ему оглаской, говорит о расследовании... Господи, неужели она сама подставила его под эти чудовищные обвинения? Бедный ее Кешенька! В ужасе от того, что его мимолетный романчик раскрыт, он бормочет что-то невразумительное, жалко оправдывается, и его слова звучат как вранье.

– Я вернусь через час, – жестко говорит его собеседник. – Мне нужно подумать, что с тобой делать дальше.

– Только не говори Верочке! – умоляет Кеша. – Она не переживет!

– Это ты не переживешь, – обрывает его мужчина. – Ничтожество.

Тот, с холодным ненавидящим голосом, ушел. Кеша остался один. До Нюты донесся звук, который она не сразу распознала.

Рыдания. Анциферов плакал.

Этого Нюта не могла вынести. Она хотела подать голос, как вдруг заметила сквозь листья мужчину всего в десяти шагах от себя.

– Куда собрался? – окликнула издали невидимая в темноте женщина, вышедшая из дома.

– Хочу искупаться, – ответил мужчина, и Нюта поняла, что это он.

Она действовала быстро и расчетливо. Ей даже не потребовалось принимать никаких решений, потому что выбора просто-напросто не оставалось.

Только один вариант, как с той глупой красивой девочкой, беременной от ее Кеши.

Она дождалась, пока высокий человек выйдет на дорогу, и бесшумно последовала за ним. Он шел очень быстро, у него и в мыслях не было обернуться.

Вода в реке была как расплавленное черное масло, поблескивавшее при свете луны. Мужчина прыгнул в него, поплыл, свирепо загребая, к дальнему берегу.

Нюта вошла в воду бесшумно. Она знала, что на другом берегу он будет отдыхать. Он слишком быстро шел, потом стремительно плыл... Ему потребуется передышка. Его тяжелое дыхание разносилось над затаившейся рекой.

Так и оказалось. Он завис над омутом, держась за одну из двух коряг, выступавших с берега, словно уродливые ноги лешего, вздумавшего охладить ступни в реке.

Нюта с детства ныряла лучше всех в деревне. Она набрала воздух, сосредоточилась и ушла под воду.

Самым сложным оказалось не выпустить его щиколотки, когда он начал биться и брыкаться, пытаясь освободиться от ее хватки. Но Нюта скорее бы утонула, чем отпустила его. Она так и решила, удерживая его на дне омута: утонут вместе. Кеша сможет жить спокойно и никого не бояться.

Но мужчина перестал биться раньше, чем она начала задыхаться. Мужчины никогда не бывают такими стойкими и выносливыми, как женщины.

.....

Во время ее спокойного рассказа у Матвея ходили желваки.

– Мог бы догадаться и раньше, – сквозь стиснутые зубы выговорил он. – Это ведь не Анциферов, а ты достала тетушкин браслет со дна реки.

– Я хорошо плаваю, – отозвалась Нюта. – Только вот не додумалась, что вы всех проверяете. Я не очень сообразительная.

– Но яму ты сообразила колыями утыкать. Где ты успела их обтесать?

– А-а, это... В лесу. Все думали, что я в саду гуляю, а я ушла подальше. Не очень хорошая идея была с ямой, но лучше ничего не придумалось. Жалко, что не Марфа козу тогда повела. С ней бы все получилось как надо, я знаю.

– Спасибо хоть за то, что меня не добила, – поблагодарила Маша, криво усмехнувшись.

Нюта посмотрела ей в глаза.

– Зря не добила, – невыразительно сказала она. – Надо было. Если бы у меня было время, я бы что-нибудь придумала. Когда знаешь, что нужно делать, все складывается само.

Маше стало страшно. Даже страшнее, чем тогда, в яме.

Она сглотнула и тихо спросила:

– А меня-то за что?

– Ты нашла часы, – по-прежнему без всякого выражения сказала Нюта. – Если бы не ты, никто бы ни о чем не узнал. Кеша бы ни о чем не

узнал.

Матвей понимающе кивнул:

– Это ведь были твои часы... Анциферов подарил их тебе. Мы, идиоты, решили, что на них его инициалы. Но ты ведь Анна. Твоя девичья фамилия начинается на «и», верно?

Нюта молчала. Да, она Анна Игнатова. «С любовью навсегда – Анне Игнатовой», – вот что было написано на крышке.

Подарок Кеши – его единственный подарок! – она почти не снимала с руки, даже спала в часах. Замок быстро разболтался, но она никак не могла собраться и отдать их в починку, как будто предстояло расстаться с частью себя.

После той ночи она все перерыла. И пришла к выводу, что часы свалились в воде, когда Марк Освальд пытался вырваться. Лежат ее любимые часики на дне реки, и не найти их теперь...

Она плакала, хотела купить похожие, но не нашла. Так и ходила без часов.

– Анциферов их узнал... – тихо сказала Маша. – Когда Матвей сказал, где они были найдены, он обернулся к вам. Сумел связать разговор с Марком Освальдом, его смерть и то, что вы их подслушали. Ведь ничем иным Иннокентий не мог объяснить появление часов в зарослях бузины под окнами библиотеки. И он был прав.

А когда он догадался про виновника гибели Марка, странная смерть Даши тоже получила объяснение. Анциферов не мог не думать о том, что девушка, с которой он расстался на мосту, ничуть не походила на потенциальную самоубийцу.

– Не на мосту, – внезапно сказала Нюта. – В кафе. Там я их и подслушала. Я следила за Кешей... Нет, не следила, но мне необходимо было находиться поблизости от него. Я зашла за ними, села неподалеку и слышала... Не все, конечно. Но мне и этого было достаточно.

– А я был дурак, – подал голос Матвей. – Увидел, как он поражен, и решил...

– Все так решили, – сказала Маша. – Когда ты показал часы, мы все смотрели только на Анциферова. Но я уверена, что если бы кто-нибудь взглянул на вас, Нюта, он бы увидел то же, что увидел ваш муж: страх и растерянность. Вы себя выдали! И он прочитал это на вашем лице.

– Может быть, он заодно понял еще кое-что? – предположил Матвей. – Например, что это вы убили его жену?

Мимо них, с удивлением косясь на странную тройцу, прошла немолодая полная женщина. Нюта проводила ее взглядом.

Вера... Вера была глупая тетка. Открыла ей дверь, хотя Игнатова уже несколько месяцев не приходила делать уколы. Но достаточно было сказать, что Нюта знает кое-что об Иннокентии, и грубая толстуха попалась на крючок.

– Так что вы хотели рассказать, милочка моя?

Маленькие глазки горели жадным, недобрый любопытством. Жаба, мерзкая жаба, думала Нюта, стараясь не морщиться от отвращения. Такая съест ее Кешу, как комарика, и облизнется.

– Во-первых, мы с ним любовники, – улыбнулась ей Нюта. – Во-вторых, он хочет вас убить. И вашего отца тоже.

Она еще много чего сказала. Через две минуты Вера Львовна тяжело задышала, воздух стал вырываться с сипением из приоткрытого рта. Она побагровела – еще чуть-чуть, и хватит удар!

А потом бросилась за своим баллончиком.

Но Нюта опередила ее. Знала, где стоит аптечка у Анциферовых, и выхватила баллончик перед самым носом жабы. Был еще запасной – Нюта и его отобрала у Веры.

Поэтому можно было сказать, что жена Иннокентия умерла почти без ее вмешательства. Просто в нужное время под рукой не оказалось лекарства.

– Зато Кеша смог на мне жениться, – вслух подумала Нюта. – Он всегда этого хотел. Ему нужна была такая жена, как я. С Верой он был несчастлив.

– Возможно, – сказала Маша и встала. – Но он ничего не знал. Вы сказали чистую правду: ваш муж – не убийца. Его потрясло то, что вы сделали. А выдержать такое потрясение – узнать, что ты почти десять лет прожил с убийцей троих человек – не каждому под силу. Иннокентий не выдержал. Вы убили его жену, убили троюродного брата, убили девушку, с которой он встречался, и хотели убить Марфу. Видите ли, Нюта, наверное, вам будет сложно это понять... Но с точки зрения нормального, обычного человека вы – чудовище. А ваш муж нормальный. Быть женатым на вас – это как быть женатым на паучихе.

Нюта запахнула куртку поплотнее, опустила ноги в туфельки и встала.

– Все-таки жалко, что я вас не убила, – по-детски сказала она.

– Слушайте, Нюта, – озадаченно спросил Матвей, – а вам известны другие способы решения проблем, кроме убийств?

Нюта посмотрела на окна первого корпуса. Наверное, ее уже пустят к Кеше... О чем там спрашивает этот человек? Другие способы?

– Да, – сказала она. – Известны. Но все они для меня слишком

сложные.

Когда Маша с Олейниковым шли к машине, Матвей проворчал:

– Давай хотя бы попробуем привлечь ее за попытку убийства. Понятно, что шансов мало. Но она как бешеная собака, ее нельзя оставлять на свободе!

Маша молча покачала головой.

– Почему нет? Из-за своей любви она убила троих!

– Из-за своей любви она обречена на ад, – спокойно возразила Маша. – Ты можешь хотя бы на минуту представить, что значит быть женой паралитика?

– Да она сбежит от него и начнет новую жизнь!

Маша остановилась и посмотрела на Матвея.

– Ты и правда в это веришь? – удивленно спросила она. – В самом деле?

Олейников поморщился и признал:

– Нет.

– И правильно делаешь. Матвей, Нюта никогда его не оставит. Если Иннокентий умрет, она умрет тоже. Зачахнет от тоски, и даже ребенок ее не удержит.

Они одновременно обернулись и посмотрели на парк. Тоненькая фигурка шла по дорожке, удаляясь от них. Белый подол развевался от ветра.

– Такая нежная... – задумчиво проговорила Маша. – Неудивительно, что она всем казалась жертвой. Молодая девушка, влюбленная в мужа и подчиняющаяся ему во всем... Никто не замечал, что Нюта всегда добивается своего, что бы ни твердил Иннокентий. Он думал, что его жена будет рожать в затерянной деревушке, а она уже договорилась с врачом в роддоме. Иннокентий был уверен, что она совершает моцион в саду, а Нюта тихо занималась своими делами. Она не притворялась жертвой, нет. Но так уж это выглядело со стороны. Если перед тобой тихая голубоглазая девушка с гладким лбом и напыщенный дурак вроде Анциферова, помыкающий ею каждую минуту, то кто из них покажется монстром? Нюту все жалели. Тихая, бессловесная, погруженная в себя... Но когда я сообразила, что Нюта – это уменьшительное имя, мне вспомнилось, как легко она испугала Еву, сходу подхватив мою выдумку.

Правда, она проговаривалась. Самой серьезной ее ошибкой было то, что при первом же нашем разговоре она упомянула бабушку, которая жила в ближайшей деревне. Я это запомнила.

Еще Нюта сказала, что она долго замужем за Иннокентием. Но я решила, что для нее долго – это год или два... Она казалась такой молоденькой! Но Нюта говорила буквально: они женаты уже восемь лет, и это действительно не так уж мало для двадцативосьмилетней женщины.

А помнишь, мы все пошли на выручку Гене Коровкину, когда он застрял? Нюта очень не хотела идти. Если бы Иннокентий не потащил ее с собой, она бы осталась дома. И тогда – голову даю на отсечение – вернувшись, мы застали мы рыдающую девушку и Марфу Степановну... ну, скажем, упавшую с лестницы. Или ударившуюся головой об угол камина. Не сомневаюсь, Нюта придумала бы что-нибудь. Она очень быстро соображает.

– И такую женщину ты хочешь оставить на свободе? Мне до сих пор не по себе после разговора с ней. Можешь смеяться, но я первый раз в жизни видел воплощенное зло.

Маша не стала смеяться.

– Это закончившееся зло, – тихо сказала она. – Зло, которое иссякло, уничтожив само себя. Оно родилось десять лет назад, в день убийства беременной Даши, и продолжилось чередой убийств и покушений. Но в конце концов – вот гримаса судьбы! – ударило не по Нюте, а по единственному человеку, составляющему смысл ее жизни. По невинному человеку, Матвей! И в этом для Нюты заключается весь ужас ситуации. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Олейников молчал.

– Он не виноват! – с жаром сказала Маша. – Да, он дурак, он подлец, но он не убийца. А для Нюты он лучший человек на земле. Если бы ты посадил ее в одиночную камеру, она восприняла бы это как должное: людское возмездие настигло ее. Для нее это было бы логично и понятно. Но возмездие настигло невинного! Я уверена, нет, я знаю, Матвей, что душа ее сейчас рвется в безмолвном крике: почему он?! Почему ее муж?! Почему не она?! В этом заключается самое страшное для Нюты: за ее деяния расплачивается ее любимый. И она виновата в том, что случилось с ним. Ей жить с этой виной до конца дней.

Маша подняла воротник курточки, закрываясь от ветра. Ветер не был холодным, но она мерзла с той самой секунды, как они увидели Нюту на скамейке перед больницей.

Матвей молчал, не сводя с нее глаз.

– Тюрма... – успокаиваясь, проговорила Маша. – Ее жизнь будет ужаснее любой камеры. Знаешь, Марфа уверена, что Иннокентий повредился в уме. Не знаю, почему она так решила, но если она права...

Тогда это очень страшно, Матвей. Отцом Нютиноного ребенка станет лежачий инвалид, а ей придется быть при нем сиделкой, нянькой, уборщицей. Посмотри на нее – она же прикована к нему своей любовью! Из тюрьмы можно сбежать. А от мужа Нюта никуда не сбежит. Будет смотреть на его тело, зная, что это она виновата в том, что случилось. И не один год, не два – всю жизнь! Даже такое утешение, как раскаяние, не будет ей доступно, потому что она не умеет раскаиваться.

– Но у нее будет ребенок, – напомнил Матвей. – Чем не утешение?

– Для нее – нет. Она вся поглощена одним человеком. Как кувшин, до краев наполненный водой: больше туда не поместится ни капли. А вылить воду нельзя. Ты все еще думаешь, что ее стоило бы закрыть в камере? Она сама себе тюремщик, Матвей. Страшный тюремщик, безжалостный. Помнишь, у Куприна: «Ибо крепка, как смерть, любовь, и стрелы ее – стрелы огненные»...

«Ибо крепка, как смерть, любовь»... Первый раз за все это время в Матвее зародилось подобие сочувствия к женщине, убившей его друга. Он ясно осознал, что теперь ей предстоит жить в темноте, зная, что света больше не будет.

Нюта зашла в больничный корпус, и зеленая дверь закрылась за ней.

Неделю спустя

Июнь, оглушивший их двумя холодными днями, спохватился и обрушил на Зотово и его окрестности звенящую летнюю жару. Коровкины уехали, а Маша с Матвеем остались – почти на неделю.

Марфа делала вид, что ничего не замечает, улыбалась в пространство загадочной улыбкой и пряталась от них, когда Матвей звал ее поехать на реку.

– Жарко! – говорила Марфа. – Езжайте одни!

Они сажали в машину Тявку и мчались, подпрыгивая, по пыльной дороге. Тявка гавкала, Маша хохотала, Матвей смотрел на нее и улыбался. Лицо его смягчалось.

После всего, что случилось, им было немного стыдно за свое счастье. Иннокентий так и не пришел в себя после инсульта. Нюта неотлучно находилась при нем.

Но Матвей с Машей вспоминали о них только тогда, когда об этом заговаривала Марфа. А все остальное время были преступно, эгоистично счастливы.

В последний день Матвей повез Машу в небольшой городок по

соседству, где они бродили четыре часа, разглядывая старинные деревянные церквушки и коз, гулявших по узким улочкам с самоуверенностью кошек.

Домой вернулись еще засветло. Маше нужно было собрать вещи и хорошенько выспаться.

Маша ждала хотя бы подобия серьезного разговора. Но когда он состоялся, все прошло не так, как ей представлялось. Гораздо короче.

Матвей вышел из машины, положил ладони на пыльную крышу и дождался, пока Маша посмотрит на него.

– Ты ведь не переедешь в Питер? – спросил он.

Спросил с легкой заинтересованностью, так, словно ожидал, что она подтвердит его уверенность.

– Нет, – сказала Маша. – Не перееду.

– Можно узнать, почему?

– У меня в Москве работа. И вся моя жизнь. Которая, в основном, состоит из работы.

Олейников помолчал. Потом сказал:

– О'кей. Я понял.

И они пошли в дом, а навстречу им побежала радостная Тявка, погавкивая для порядка.

На другое утро Маша уехала в Москву.

Эпилог

В предпоследний день лета Матвей остался дома, разрешив себе в кои-то веки ничего не делать. Два с половиной месяца он вел себя как законченный трудоголик, каким, в сущности, и являлся. Но сегодня с утра то ли солнце светило по-особенному, то ли ветер переменялся, но только Олейников почувствовал, что стоит остановиться хотя бы на день.

Он позвонил домработнице и попросил не приходить. Ему нравились редкие «безлюдные» дни, когда он мог позволить себе остаться совершенно один.

Его накрыло через пару часов, когда он ел помидорный салат. Обычный помидорный салат: четыре ярко-алых помидора, покромсанных как бог на душу положит, одна луковица колечками, соль и много сметаны. И вдруг он понял, что если сейчас же, немедленно, сию же секунду не позвонит ей и не услышит ее голос, то с ним случится что-нибудь... Может быть, взорвется салатница, или все недоеденные луковые кольца вспыхнут белым огнем и спалят дом, или он сам остолбенеет и рассыплется. А скорее всего – все исчезнет навсегда: и салатница с помидорами, и стол, и комната,

и весь летний солнечный день с кузнечиками, невесть откуда взявшимися посреди города в предпоследний день лета.

У него заложило уши. Получается, тогда, в июне, на краю ямы, его озарение оказалось верным.

Матвей встал, очень спокойно отодвинул тарелку, взял с подоконника телефон и набрал ее номер.

– Алло? – после второго гудка спросила Маша и удивленно, и радостно, и чуть настороженно.

– Ты занята?

– Да, немного. Что-то случилось?

– Я тебя люблю.

В телефоне повисло молчание – ее молчание. Он стоял, по-прежнему очень спокойный, и слышал, как в трубке на заднем плане играет скрипка, кто-то негромко бубнит, не переставая, а рядом с ним в кухне что-то стучит. Он даже огляделся, пытаясь понять, что это за громкий ритмичный стук, но ничего не обнаружил.

Маша продолжала молчать, и тогда Матвей сказал почти весело, чувствуя себя просто поразительно счастливым и свободным:

– Я тебя очень люблю. Я всего лишь хотел тебя услышать. Ты можешь ничего не говорить, если не хочешь.

– Я тебя тоже.

– Что «тоже»?

– Хотела... услышать... Подожди.

Звук шагов, хлопанье двери – голоса людей и скрипки стихли.

– Спряталась? – спросил он. – Ушла от всех? Могла бы и не уходить, слушать там. Я за тобой приеду, заберу тебя, и мы будем жить долго и счастливо. Поняла?

– Почему ты...

Он не дал ей договорить.

– Потому что я тебя люблю.

– Як тебе не поеду! – торопливо сказала она. – Я ненавижу Питер! Я там простужаюсь и болею.

– Хорошо, – согласился он. – Значит, я к тебе перееду.

– То есть... как?

– Просто. Вещи соберу и перееду.

– У тебя дело! Бизнес!

– Маш... – ласково сказал он, – не забивай себе голову ерундой. Все, я пошел, у меня сейчас помидорный салат нагреется.

– Какой еще помидорный салат? – Она всхлипнула, и он удивился: она

что, плачет?

– Который я люблю. Четыре помидора, одна луковица, немного соли и много сметаны. Запоминай, будешь мне готовить по выходным. Договорились?

Она молчала так долго, что он уже подумал, будто их незаметно разъединили. А потом вдруг сказала:

– Договорились.

Хлопнула дверь, раздраженно заговорил совсем рядом пронзительный женский голос, и в следующую секунду трубку повесили.

Ему показалось, что стук стал быстрее, и тогда он догадался приложить руку к груди. Из-под кожи ударило так, что он вздрогнул.

И тут же рассмеялся. Испугаться собственного сердца – это, скорее, было в ее духе.

Впрочем, не догадаться, что это именно оно, – вполне в его.

Матвей подошел к окну, распахнул створки настежь.

Предпоследний день августа над городом набирал силу, и казалось, что лето никогда не кончится.

© Михалкова Е.И., 2011.

© ООО «Издательство Астрель», 2011.